

РООО 77 ГАДЖИ
F. Wrangel

ПУТЕШЕСТВІЕ

по

СЪВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБІРИ

и

ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ,

совершенное, въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г., экспедицію, состоявшую подъ начальствомъ флота лейтенанта

Фердинанда Фонъ-Врангеля..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ВОРОДИНА И К°.

1841.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ,

ГЕНЕРАЛЪ - АДМИРАЛЪ,

всепреданѣйше приносить

Согните.ъ.

1133 R16845 8500014187

года въ Баренцевомъ морѣ, и описывалъ въ томъ же году въ Канадѣ и въ Аляске, что въ северной части Тихого океана въ то время находился ледъ, въ которомъ въ глубину до 100 футовъ не было свободы для судовъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ первыхъ главахъ описаны обстоятельства, въ которыхъ въ 1820-мъ году я началъ издавать въ Лондонѣ «Избранные письма изъ Арктическаго океана», въ которыхъ я изложилъ съюзъ съ Е. Н. Г. Коншръ-Адмирала Фердинанда Петровича фонъ-Врангеля, совершенное имъ въ чинѣ лейтенанта флота, съ 1820-го по 1824 годъ.

Не многія путешествія, совершенныя Русскими мореплавателями, обращали на себя такъ всеобщее Европейское вниманіе, какъ предлагаемое читаніемъ *путешествіе Е. Н. Г. Коншръ-Адмирала Фердинанда Петровича фонъ-Врангеля*, совершенное имъ въ чинѣ лейтенанта флота, съ 1820-го по 1824 годъ. По Высочайшему повелѣнію прѣпоручено ему было начальство надъ экспедиціею, осмотрѣвшей берега Ледовитаго моря отъ Индигирки до залива Колючинскаго на пространствѣ 35° разности долготы; при чёмъ совершины продоложительныя поѣздки по льду, въ удаленіи отъ береговъ слишкомъ на 250 верстъ, для опытсканія предполагаемой на северъ неизвѣстной земли, когда другая экспедиція, подъ начальствомъ

спвомъ флота лейтенанта Аижу (нынѣ капитанъ 1-го ранга), осмотрѣла въ тоже время изъ успѣя Яны осипрова: Кошелыный, Оадеевскій, Новую Сибирь и берегъ Сибири отъ Индигирки до Оленека. — Переведеніе съ Русской рукописи нашего путешесішника на Нѣмецкій языкъ г-мъ Энгельгардтомъ путешесішніе г-на Врангеля было издано въ прошлѣшемъ году, въ Берлинѣ, подъ смотрѣніемъ и съ предисловіемъ извѣснаго Германскаго географа Риншпера (Reise des Kaiserlich russischen Flotten Lieutenants Ferdinand v. Wrangel lângs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere, in den Jahren 1820 bis 1824. Nach den handschriftlichen Journalen und Notizen bearbeitet von G. Engelhardt, Staatsrath. Herausgegeben nebst einem Vorwort von C. Ritter Dr. und Professor. Berlin, 1839). Въ цынѣщемъ году, съ Нѣмецкаго перевода переведено оно было на Англійскій языкъ супругою извѣснаго и ученаго Бришанскаго писателія, майора Сабина, которыи самъ и былъ измашемъ Англійскаго перевода (Narrative of an Expedition to the Polar sea, in the years 1820 — 1824, comm. by lieut. now admiral, F. v. Wrangel, edit. by Major Edw. Sabine etc. London, J. Modden and C. 1840, in 8), и Англійская публика почтила его такимъ вниманіемъ, что первое изданіе книги немедленно разбрѣлось и уже печатается второе, а между тѣмъ съ пер-

ваго изданія; книга переведена на Француз-
скій языкъ и напечатана въ Париже въ 1824
году. Издательство было основано въ 1823

Такое же письмо для народного честолюбія
нашего вниманіе просимъ надать издателя въ
обязанность объясняться о томъ, почему Рус-
скій подлинникъ, пущающійся въ выходить въ
свѣтъ послѣ Нѣмецкаго и Американскаго пере-
водовъ? Знаменитый пущающійся нашъ,
по возвращеніи, своемъ въ Петербургъ въ 1824
году, назначенъ быть командиромъ военного
шлюпа *Кроткий*, на которомъ совершилъ
вокругъ земли въ 1825—27 годахъ
возвращась изъ сего волжа, привѣтъ овѣдѣ
надеждѣй, породокъ журнала и записки, въ
веденіи въ время пущающійся по Северной
Сибири и Ледовитому морю, и составленіи
имъ описание предложилъ на разсмотрѣніе
Адмиралу Фасио (Макайловичу) Головину.
Вокругъ планомъ г. Брангелъ принялъ на себѣ
звание цѣвищеля надѣихъ. Въ окончаніи
сѣверо-западной Америки, онъ возвратился въ 1836
году въ возвращеніи въ Россію. Вы спросите
старѣе изданіе фольклорное государство министер-
ственнаго Государственное рукопись г. Брангелъ
была забытая до сихъ поръ, образованіе на неѣ
его вниманіе прославленіемъ Предсѣдника Уче-
наго Комитета Морскаго Министерства Е.П.

Легионъ Ивановичъ Голенищевъ и Кутузовъ, ко-
торый распорядился о печатании ей. Между
тѣмъ рукопись была переведена на Нѣмецкій
языкъ Стапскіимъ Совѣтникомъ Е. А. Энгель-
гардтомъ, съ чѣмъ порѣшили прописать подзаглавіе
изъясненіемъ, которыя сосѣдѣли главнѣш
въ поэмѣ, чи то отъданыя особо замѣтки по
части Георгіоза/ введеніи/ переводчикомъ въ са-
мый разсказъ событій, а описание рѣ: Колымы
и Чечнѣ скажетъ, дополнено замѣтками, разъ-
бросанными въ разныхъ главахъ подзаглавія.
Изъясненія Нѣмецкаго перѣложения одобрены
были г. Врангелемъ, который, жалѣвъ ввѣсши
ихъ въ Русскомъ изданіи, просилъ о прика-
щеніи пачашанія, начавшагося на счетъ Уче-
наго Комитета. Въ 1838 году г-нъ Врангель
препоручилъ мнѣ изданіе вновь пересмотрѣн-
ной рукописи, когда въ тоже время Импера-
торская Академія Наукъ принялла (на) свое
издѣліе пачашаніе особеннаго турецкаго и
туркманскаго содержавшаго въ себѣ рисунки и
подѣльныя ученыя статьи. Къ печатанію мою
было тогда же приступлено, но недостаетъ въ
печатаніи шлюзы произошла опѣкъ шахской
богъзии и другихъ дипломатическихъ завѣтій Н.
А. Польваро, котораго просилъ я принять на
себя надзоръ за пачашаніемъ рукописи. Изда-
наша шлюзы Русскій подзаглавікъ, ставшій удо-

высшоритъ, нестерпѣльное ознь, че отчен
співнай публікї.

Въ прибавленіи, кошорое, какъ сконано выше, издастся Академію Наукъ, кромѣ сбранія типографированныхъ и раскрашенныхъ рисунковъ съверныхъ сіяній и льдоовъ Ледоочага моря, помѣщены замѣтка о полярныхъ дахъ и различныхъ льсніахъ Ледоочага моря, съверныхъ сіяніахъ, вѣтрахъ въ съверной Сибири, ъздѣ на собакахъ, шопографической очеркѣ возвращавшаго путь въ Якутскъ изъ Средне-Ко-зымска, собраніе словъ Чуванскаго и Омокскаго языковъ, мецеорологическая, термометрическая и магнитическая наблюденія, географическая опредѣленія широты и долготы мѣстъ, и проч. Изображенія съверныхъ сіяній рисованы были съ натуры, карашашемъ, г. Машюшкинымъ, сопутникомъ г. Врангеля, а перерисованы и раскрашены стараниемъ знаменитаго Академика Парроша.

Надобно ли прибавлять что нибудь о важности и любопытности издаваемаго нами путешествія, когда оно заслужило уже споль великое вниманіе даже и иностраницъ? Отечественная публіка, конечно, оцѣнила вполнѣ труды нашего путешественника, четыре лучшіе года жизни посвятившаго исполненію возложенного на него просвѣщеніемъ Правитель-

сивомъ порученія и "пользѣ" науки, и пъмъ поспавившаго имя свое нариду съ именами Парри, Россовъ и Франклиновъ, не щадившихъ иного при исполненіи экспедицій, распространявшихъ географическій светъній наши на землия страны съвера, и ознаменовавшихъ подвигами на славу Отечества и для чести науки безкорыстное самоотверженіе, достойное памяти современниковъ и потомства.

Академія наукъ въ засѣданіи 15-го марта 1851-го года, по предложению Академіи наукъ и по ходатайству Академіи художествъ, учредила

Академіи Скіордікъ.

Почетную медаль Академіи наукъ за изобрѣтение способа изысканія и извлечения изъ земли золота и серебра. Съюзъ Академіи наукъ и Академіи художествъ учредилъ медаль Академіи Скіордікъ за изобрѣтение способа изысканія и извлечения изъ земли золота и серебра. Съюзъ Академіи наукъ и Академіи художествъ учредилъ медаль Академіи Скіордікъ за изобрѣтение способа изысканія и извлечения изъ земли золота и серебра.

Съюзъ Академіи наукъ и Академіи художествъ учредилъ медаль Академіи Скіордікъ за изобрѣтение способа изысканія и извлечения изъ земли золота и серебра. Съюзъ Академіи наукъ и Академіи художествъ учредилъ медаль Академіи Скіордікъ за изобрѣтение способа изысканія и извлечения изъ земли золота и серебра.

ЧИЛЯ СТАРЫХЪ ПРОИСХОДИЛО ВЪ КОМПАНИИ СОВѢТСКОЙ
ЧИСТОГО ДЛЯ МОСКОВСКИХЪ ТОРГОВЪ СЪДОВЪ И СЪДОВЪ
СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ

ЧИЛЯ СТАРЫХЪ ПРОИСХОДИЛО ВЪ КОМПАНИИ СОВѢТСКОЙ
ЧИСТОГО ДЛЯ МОСКОВСКИХЪ ТОРГОВЪ СЪДОВЪ И СЪДОВЪ
СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ
СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ
ГЛАВА I. СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ
СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ СЪДОВЪ

Историческое обозрение путешествий по Ледовитому Океану,
между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820
года. Составлено въ то время, — Назначение отреда къ
Съверо-восточнымъ берегамъ Сибири.

Обширное пространство земного шара, заключающееся между Бѣлымъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, почти на 145° долготы, по матерому берегу съверной Европы и Сибири, открыто и описано Россіянами. Всѧ покушенія мореплавателей другихъ народовъ проникнуть Ледовитымъ моремъ изъ Европы въ Китай, или изъ Великаго Океана въ Атлантическій, ограничены на западъ Карскимъ моремъ, на востокъ меридіаномъ мыса Съвернаго; непреодолимыя препятствія, останавливавшія иностранцовъ въ дальнѣйшемъ плаваніи, преодолѣны нашими море-

ходцами; они больше привыкли къ суровости климата, и пользовались всѣми средствами, которыя представляла имъ смежность съ Россіею Сибири, уже покоренной.

Въ первыя времена таковыхъ предпріятій, соотечественники наши были побуждаемы къ симъ многотруднымъ путешествіямъ надеждою на прибыльную торговлю съ прибрежными жителями страны, обильной драгоцѣнною рухлядью. Въ послѣдствіі, съ одобреніемъ Правительства, военно-служащіе отправлялись на кочахъ вдоль морскаго берега и сухопутно къ устьямъ большихъ рѣкъ, въ море впадающихъ; цѣль ихъ предпріятій состояла въ томъ, чтобы покорить жителей сихъ странъ и собрать съ нихъ подать (называемую ясакъ) звѣринными кожами; потомъ Правительство неоднократно отправляло разные отряды, для того токмо, чтобы описать берега уже извѣстные и искать новыхъ.

Желая представить обозрѣніе послѣдовательнаго открытия и описей береговъ Ледовитаго Океана, отъ Карского моря до Берингова пролива, же буду описывать неудачнаго плаванія Англичанъ Пета и Джаммана, въ 1580 году, блуждавшихъ по Карскому морю среди льдовъ, безъ пользы для географіи того края; плаванія адмирала Ная, въ 1594-мъ году, который полагалъ, что находится при устьѣ рѣки Оби, когда былъ въ губѣ Мутной, что въ Карскомъ морѣ; плаванія семи судовъ, въ 1595 году, подъ начальствомъ того же Ная, еще съ менѣшимъ усиліемъ, не-

жели въ первомъ путешествіи; покушенія Босмана, въ 1625-мъ году, остановленіаго льдами по-
томъ при самомъ вступленіи въ Карское море.
Сими предпріятіями весьма мало приобрѣтено
свѣдѣній о Карскомъ морѣ, и даже самые пре-
дѣлы его остались неописанными.

Въ то время берега отъ Бѣлаго моря до рѣ-
ки Оби были уже известны Россіянамъ. Лады-
ихъ (въ последней половинѣ XVI столѣтія) хо-
дили изъ Бѣлаго моря и рѣки Печоры, черезъ
Карское море, до рѣкъ Оби и Енисея. Иногда
они совершали сей путь моремъ, но обыкно-
венно перетаскивали суда черезъ волокъ между
Карскимъ моремъ и Обскою губою, впадали въ
рѣку Мутную, впадающую въ Карское море,
поднимались вверхъ по сей рѣкѣ бичевою 8-мъ
сутокъ и достигали двухъ озеръ, въ окружно-
сти отъ 10-ти до 12-ти миль. Тамъ выгружали
свои суда и перетаскивали черезъ перешеекъ,
шириною около 200 сажень, въ озеро, называ-
емое Зеленымъ, изъ котораго течеть въ Обскую
губу рѣка Зеленая. Сею рѣкою достигали рѣ-
ки Оби. Плаваніе изъ Архангельска къ Оби, мо-
ремъ, продолжалось отъ 3-хъ до 4-хъ недѣль,
а изъ Оби въ Енисей 2, или 3 недѣли *.

Сибирская лѣтопись сохранила известіе о пер-
вомъ сборѣ ясака съ Енисейскихъ Самоѣдринъ, въ
1598-мъ году, по повелѣнію Царя Феодора Іо-
анновича, отправленнымъ нарочно для него изъ

* Четырекратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Литке, часть I, стр. 76.

Тобольска Федоромъ Дьяковытии. Для надежнаго распространения и утверждения въ Сибири Российскій владій земель, въ 1600 году, при Борисѣ Феодоровичѣ Годуновѣ, въ земль Самовѣдской, на рѣкѣ Тазѣ, новый городъ Мангазея, перенесенный въ посльствіи на рѣку Туруханку, где въ 1607 году казаки, неутомимые въ собираниі ясака у сѣ кочевавшими Самовѣдами, Остяковъ и Тунгусовъ, построили зимовье, названное по имени рѣки Туруханскімъ. Туруханково казаки вошли въ Енисей, и въ 1610-мъ году, достигнувъ устья сей заменитой рѣки, доставили первый подробный обѣзней извѣстія, послѣдствіемъ которыхъ были новые предпріятія. Ихъ не было въ Туруханскомъ уѣздѣ. Въ томъ же году, составилось въ Мангазеѣ общество изъ купцовъ и промышленниковъ, свидѣякою цѣлью открытій и торговли отправились они сухопутно въ зимовье Туруханскъ, где пристроили кочи*, пошли внизъ по рѣкамъ къ устью Енисея, и чрезъ четыре недѣли увидѣли Ледовитое, или, какъ тогда называли, Студеное море; здесь встрѣтили столько льду, что должны были стоять нѣсколько недѣль на месте, доколѣ южный вѣтръ, разогнавъ льды, открылъ возможность выйти въ море. Извѣстно, что они достигли устья р. Пясиды**, но до дальнѣйшихъ усилій

* Ноги, судя по склонности, въ длину около 12-ти сажень, соразмерной ширинѣ, съ одною палубою, ходили греблюю, и подъ парусами при попутномъ вѣтре.

** Сія рѣка достоинства тѣмъ, что никогда вся плавала

хахъ сего предирѣятія нѣтъ никакихъ свидѣній: сколько же времени и какой изъ предѣловъ?

Направленіе рекъ Тунгуски и Вилюя, которые вились вершинами своихъ на одномъ хребтѣ, неизвѣсваются, первая въ Енисей, послѣдняя въ Лену, привела казаковъ города Енисейска, въ 1630 году, къ вѣжному открытию величественной реки Лены, склонившейся къ земле.

Дѣятельныи Сибирскимъ воеводамъ и предпримчивымъ исполнителямъ ихъ воли, казакамъ движимыи и славолюбемъ и корыстю, сие новое обратное было поводомъ къ овладѣнію дальнѣйшими странами Сибири.

Въ 1636-мъ году отправленъ изъ Енисейска на Лену, казацкій десятникъ, Елисей Буза, съ повелѣніемъ осмотрѣть все реки, въ Ледовитое море заходающія, и наложить ясакъ на прибрежныхъ жителей: Буза, съ десятю казаками, остался зимовать въ Олекминскомъ острогѣ; пригласилъ къ себѣ 40 человѣкъ пропыщленниковъ, или, какъ ихъ въ Сибири называютъ, промышленныхъ, вмѣстъ съ ними, по наступленіи весны, отправился въ путь, въ двѣ недѣли достигъ западнаго устья Лены, откуда въ одинъ сутки, Ледовитымъ моремъ, пришелъ къ устью реки Оленска, и продолжая путь вверхъ по сей рекѣ, зимовать у Тунгусовъ, съ которыхъ собралъ ясакъ. Весною Буза пустился съ своимъ странникомъ Елисеемъ называемымъ Слово: Плясида, на Сандовскіе языки, означаетъ ровную, безъзмущную землю, тундрную Сандръ. Сибирский Вѣстникъ на 1821-й годъ.

отрядомъ къ рѣкѣ Ленѣ и вышелъ на оную при устьѣ рѣчки Молоды. Оттуда, на двухъ построенныхъ имъ кочахъ, предпринялъ онъ путь къ Ледовитому морю, вошелъ въ него по десятидневномъ плаваніи, и черезъ пять дней достигъ устья рѣки Яны. Слѣдя вверхъ сею рѣкою, по трехъ-дневномъ плаваніи, встрѣтилъ онъ Якутовъ, съ которыхъ собралъ богатый ясакъ.

На Янѣ Буза построилъ четыре коча, и въ слѣдующемъ 1639 году пошелъ внизъ по рѣкамъ; восточнымъ рукавомъ достигъ къ устью узкаго протока, втекающаго въ Ледовитое море; близъ сего мѣста, у впадающей въ море рѣки Чендонь, нашелъ Юкагировъ, жившихъ въ землянкахъ, собралъ съ нихъ ясакъ и пробылъ въ сихъ мѣстахъ до 1642 года.

Въ то же время, когда Буза, въ 1638 году, вышелъ съ моря въ рѣку Яну, некто Постникъ Ивановъ открылъ съ горной стороны рѣку Индигирку, побѣдилъ жившихъ близъ оной Юкагировъ, основалъ зимовье и оставилъ въ сѣмь мѣсть 16-ть казаковъ; они построили два коча, по Индигиркѣ вышли въ Ледовитое море, и простирая онимъ путь далѣе, доставили первыя свѣдѣнія о рѣкѣ Алазевъ.

Неизвѣстно, какимъ путемъ и кѣмъ открыта рѣка Колыма. Сибирская исторія упоминаетъ въ первый разъ о сей рѣкѣ въ 1644 году, когда Якутскій казакъ Михайло Стадухинъ, на лѣвомъ ея берегу, около ста верстъ отъ устья, основалъ Нижне-Колымское зимовье, переимено-

ванное послѣ въ острогъ. Стадухинъ доставилъ извѣстіе о воинственномъ Чукотскому народу, и объ одногъ большомъ островѣ на Ледовитомъ морѣ. Какая-то женщина сказывала ему, что противъ рѣкъ Яны и Колымы находится островъ, усматриваемый съ матераго берега; и что Чукчи, съ рѣки Чукочьей (впадающей въ Ледовитое море къ западу отъ Колымы), зимою въ одинъ день перезжаютъ на сменяхъ на сей островъ, гдѣ промышляютъ воржей, возвращаясь съ добытыми моржевыми головами и клыками. Стадухинъ также слышалъ о большой рѣкѣ Погычъ, или Копычъ, будто бы впадающей въ Ледовитое море къ востоку отъ Колымы, на три дня плаванія, при благополучномъ вѣтре.

Послѣдовавшія путешествія, частію опровергли сказанія сей женщины; островъ, который они сказывали Стадухину обширнѣйшимъ, является на нашихъ картахъ малѣйшимъ Крестовскимъ островомъ, въ купѣ Медвѣжьихъ острововъ; онъ видѣнъ съ матераго берега въ ясную погоду, и жители рѣки Большой Чукочьей дѣважають до него въ одинъ день.

Первое плаваніе по Ледовитому морю къ востоку отъ Колымы предпринято въ 1646 году, обществомъ промышленниковъ, подъ предводительствомъ Исаи Игнатиева, родомъ изъ Мезени. Мореходцы нашли море покрытое льдомъ, а между нимъ и материкомъ берегомъ свободную отъ льдинъ полосу, по которой продолжали путь двои сутки сряду. Вонедь въ губу, окру-

желную двумя складами материка, увидели на берегу Чукчей, и вымынили у нихъ въ околько моржевыхъ зубовъ. Довольствуясь открытиемъ сей новой промышленности, и можетъ быть, не довѣряя Чукчамъ, коихъ языкъ былъ имъ совершенно чуждъ, они возвратились на Колыму. Изъ сего поверхностнаго описанія мы не видимъ, до какого изъ города доходилъ Игнатьевъ; однакожъ, судя по времени плаванія, онъ могъ быть въ губѣ Чаунъ, въ заливѣ противъ острова Араутана, где берегъ действительно гористъ.

Казакамъ и промышленникамъ, недавно зашедшимъ во вновь покоренную ими страну, было привыкшемъ къ трудностямъ кочевой жизни; довольно было услышать о народѣ въ ихъ съествѣ, еще независимомъ и богатомъ моржевыми зубами, чтобы побудиться къ предпринятію поисковъ въ неизвѣстныя мѣста, открывавшія новое поле неутомимой дѣятельности. Составилось общество промышленниковъ, къ коимъ присоединился Московскаго купца гостицой сотни Алексѣя Усова прикащикъ, Федотъ Алексѣевъ Колмогорцевъ, и по просьбѣ его, государь въ Нижне-Колымскѣ прикащикъ далъ имъ служащаго казака, для соблюденія въ предпринимаемомъ путешествіи пользы казенной. Сей казакъ былъ Семенъ Ивановъ сынъ Дежневъ, вызвавшійся сопровождать Колмогорцеву, тѣль самыи, который въ послѣдствіи обошелъ сѣверо-восточную оконечность Азіи.

Въ Июне 1647 года, съ устья Колымы, на четырехъ кочахъ, отправились они въ море; и предположили отыскать рѣку Анадырь, о которой слыхали, будто она впадаетъ въ Ледовитое море, но, по множеству льдовъ на пути, возвратились безъ всякаго успѣха. Съ азбукой по извѣстію, доставленному въ Якутскъ основателемъ Нижне-Колымского острога, каракомъ Михайломъ Стадухинымъ, обѣ рѣровѣ на Ледовитомъ морѣ и въ рѣкѣ Погынѣ, какъ выше упомянуто, подали поводъ къ отправлению сего казака, вторично на Колыму, съ повелѣніемъ отыскать рѣку и привести въ подданство прибрежныхъ жителей. Стадухинъ, отправясь изъ Якутска въ Июнь 1647 года, зимовалъ при рѣкѣ Янѣ, и въ исходѣ зимы 1648 года перѣхалъ на партахъ къ Индигиркѣ, гдѣ построилъ кочъ, на которомъ вошелъ въ Колыму.

Въ 1649 году, Стадухинъ, на двухъ кочахъ, вошелъ изъ Колымы для отысканія рѣки Погыни; одинъ кочъ разбилъ при самой выходѣ въ море. Продолжая путь семь сутокъ, подъ падусомъ, и не видя никакой новой рѣки, присталъ онъ къ берегу, и послалъ людей своихъ узнать обѣ цей отъ жителей, но и они ничего не знали. Берегъ состоялъ изъ крутаго каменистаго утеса, такъ, что не было возможности ловить рѣбу; путешественники, крайне нуждавшись въ съѣстныхъ припасахъ, принуждены были возвратиться, и ничего не приобрѣли, кромѣ малаго числа моржевыхъ зубовъ. Невозможно

определить до какого места Стадухинъ доходилъ, но вѣсма вѣроятно, что въ семь сутокъ, хотя и не безпрерывнаго плаванія, онъ далеко прошелъ Шелагскій мысъ, восточные коего берега, болышею частію, утесисты, что согласно съ описаніемъ Стадухина.

Неудача первого покушенія Дежнева и его спутниковъ ни сколько не обладила ихъ рвения; напротивъ, число охотниковъ умножилось до того, что на другой же годъ по возвращеніи Дежнева изъ первого путешествія, т. е. въ 1648 году, снарядили семь кочей*, для отысканія рѣки Анадыра. Неизвѣстно, что случилось съ четырьмя кочами**; на остальныхъ трехъ кочахъ

* Хотя Бурней (Burney's Chronological History of North Eastern Voyages, p. 64) не рѣшается называть Дежнева судовъ кочами, не находя сего наименования въ выпискѣ Кокса, изъ поданныхъ отписей Дежнева (Coxe's Account of Russia's Discoveries, p. 378), я выводить слово *кочъ* отъ Англійскаго *ketch*, мореходное судно, отличающееся вооруженіемъ, однако же я думаю, что не отступаетъ отъ истинъ называлъ кочами всѣ суда, на коняхъ Сибирскіе яши мореходны въ то время ходили вдоль береговъ Ледовитаго моря, ибо Фишеръ, въ Сибирской Исторіи, стр. 373, въ замѣчаніи говорить: «коchi не необходимо должны быть объявленной величины (12 сажень въ длину); довольно того, когда они видъ судна имютъ.»

** Бурней, въ Chronological History, стр. 63, говоритъ, что 4 коча разбились на островѣ къ сѣверу отъ Колымы, и что люди съ нихъ спаслись. Я не знаю, откуда онъ взялъ сіе свидѣніе. Въ Хронологической Исторіи г. Берха, часть I, стр. 89, сочинитель, сообщая читателямъ сказку о бородатыхъ людяхъ, живущихъ будто бы въ Америкѣ, при рекѣ Хеуверенѣ, говоритъ, что извѣстие сіе послѣдовало отъ того, что 4 коча, бывши съ Дежневыми, пропали безъ вѣсти. Въ Сибирскомъ Вѣстнике, на 1821-й годъ,

были начальниками Сенінъ Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, а надъ промышленниками вышеупомянутый Федотъ Алексѣевъ...

Дежневъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что обѣцалъ привезти съ рѣки Анадыра семь сороковыхъ соболей, «сіе золотое руно того времени,» сказано въ Сибирскомъ Выстнике, «когда-то помогались не только казаки и промышленники, но многие изъ людей высшаго состоянія, и для того единственно, оставляя всѣ выгоды службы, родства, удовольствій жизни въ изобиліи, стремились изъ Россіи въ Сибирь, отдаленную и дикую тогда страну.» Къ части нашихъ соотечественниковъ прибавить можно, что жадность корысти, побуждала ихъ на отважные предпріятія, не означавшіе безчеловѣчными поступками, какъ ненасытная алчность къ золоту Испанцовъ въ Перу и Мексикѣ. Надежды Дежнева исполнились; но не такъ легко и скоро, какъ онъ сперва предполагалъ. Въ Іюнь мѣсяцъ, 1648 года, отправился онъ въ путь, не предвидя, сколько предстояло препятствій, и не помышляя, что весьма долгое время послѣ не будетъ совершенено подобного плаванія. Дежневу и его отважнымъ сопутникамъ исключительно принадлежитъ честь совершенія морскаго пути, изъ Колымы въ Сѣверный Великій Океанъ.

сказано, что островъ Котельный (противъ рѣки Яны) населенъ такими бородатыми людьми, по выѣзду известно, что островъ сей необитаемъ, да и весьма невѣроятно, чтобы упомянутые четыре коча туда занесены.

Сожалѣніе достойно, что не все проицестія сего знаменитаго предпріятія описаны. Дежневъ, въ донесеніяхъ въ Якутскъ, мало упоминаетъ о томъ, что съ тимъ слушалось на морѣ; сильни слова не говорить о препятствіяхъ отъ льдовъ, которыхъ, вероятно, и не встрѣчались, ибо въ другомъ месте напоминаетъ, что море не всегда бываетъ отъ нихъ такъ свободно. Повидѣніе свое начинается съ отъ большаго Чукотского носа. Сей мысъ, по замѣчанію Дежнева, состоитъ весь изъ камня, находится между сѣверомъ и сѣверо-востокомъ, и поворачивается къ гомъ къ сторонѣ рѣки Анадыра. На Русской, т. е. западной сторонѣ Чукотскаго носа, втекаетъ въ море рѣчка Становая, близъ которой Чуки устроили родъ башни изъ китовыхъ костей. Противъ самого мыса лежатъ два острова, на коихъ видѣли Чукчей, съ прорѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками моржевыхъ зубовъ. Отъ мыса къ рѣкѣ Анадыру попутными вѣтромъ можно достигнуть въ три сутки, и въ такое же время дойти сухимъ путемъ; первый мысъ отъ Колымы не Чукотскій, а тотъ, который называнъ Святой; и для Дежнева особеннаго призванія былъ достоинъ потому, что кочъ Аикудишевъ на томъ мѣстѣ правился, и ильсколько жителей взято въ пленъ, когда они гребли на своихъ лодкахъ.

Въ краткомъ, весьма недостаточномъ описаніи плаванія Дежнева не упомянуто ни о губѣ Чануи, ни о Колючинскомъ островѣ, ни о другихъ,

примѣтить извѣстъ, который подсажны и брать усмотрѣны на путь изъ Кольмы до Берингова пролива; однакожъ описание большаго Нукота скоро исчез, это запороть изъ хроникарки Амадыфа, близость двухъ острововъ, доказаи съ проѣзжанными губами и, иродѣтыми въ пахъ-кусаками изъ моржевыхъ зубовъ, ивое служить доказательствомъ, что Дежневъ говорить по вѣточной оконечности Азіи, или что онъ первый прошелъ черезъ проливъ, до котораго 80 лѣтъ посѣя "шего" достигъ мореплаватель" изъ Фернандо, кюему приписана честь обретенія сего пролива и разрешенія вопроса о соединеніи Азіи съ Америкою.

Мысъ, называемый Дежневымъ Святой Носъ, конечно тотъ, который нынѣ называють Шелатъ скимъ мысомъ, либо отъ Кольмы къ востоку сей мысъ наиболѣе примѣтенъ по отличительной высотѣ и протяженію. Въ стародавній гори Бурнай*, стараюсь доказать вѣрность соединенія Азіи и Америки, посредствомъ изображаемаго нынѣ перешейка около Шелатского мыса, прибаваю къ различнымъ странникамъ предположеніямъ, а именно, что Дежневъ шелъ не на кочѣ, а въ шинкѣ **, который расчищали на одной

* Burney's Chronol. Hist. p. 69.

** Шинкѣ въ Сибири называются довольно большія юрки,

у коихъ низъ выдолблена изъ одного дерева, а къ бокамъ привиты доски и возвѣши прутьями. Такая постройка трудна, ибо прутья должно изогнуть, чтобы доставить имъ нужную гибкость, и Бурнай обманывалъ, говоря о шинкѣ, что удасть состоянію то-

старень перешейка, и по переносъ состояніи частей его на другую сторону, ошивали. Такимъ образомъ Дежневъ могъ вовсе не обгибать Шеллакскаго ѿса. Бурней въ доказательство приводить путешествіе Тараса Стадухина изъ Колымы въ Камчатку: будучи не въ состояніи обойти болѣй Чукотскій ѿсъ, они оставили свое судно, и перешель пѣшкомъ чрезъ узкий перешеекъ на другую сторону, где построили себѣ судно. — При нынѣшникъ овѣдѣніяхъ о берегахъ Чукотской земли, съ большюю вѣроятностію подаграть можно, что Тарасъ Стадухинъ прошелъ по берегъ сей земли тамъ, где заливъ Колючинскій, вдаваясь далеко внутрь, весь ма сближается съ вершиною губы св. Креста, образуя довольно узкій перешеекъ, соединяющій гористый полуостровъ съ западной частью Чукотской земли. Нынѣ известно, что къ сѣверу весь берегъ Сибири омывается моремъ, а потому, мы не имѣмъ никакого права опровергать у Дежнева чести совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Анадырь, тѣмъ больше, что онъ имѣлъ намѣреніе изъ Анадыра въ Колыму идти моремъ.

Обратимся къ Дежневу и его сопутникамъ. Люди, бывшіе на разбившемся у восточной оконечности Азіи кочъ Герасима Анкудинова, перебрались на остальные два коча Семена Дежнева

construct vessels in a manner that admitted of their being taken to pieces, by which they could be carried across the ice to the outer edge, and there be put together again, p. 69.

и Федота Алексеева. 20-го Сентября на берегу
празднись съ Чукчами и Федотъ Алексеевъ быль
раненъ. Вскорѣ послѣ того буря разлучила оба
хоча и они уже болѣе не соединялись. — Кочъ
Дежнева долго несло крѣпкими вѣтрами по морю,
наконецъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, выбросило на
берегъ, въ немаломъ разстояніи къ югу отъ рѣки
Анадыра, вѣроятно, близъ губы Олюторской. Что случилось съ Федотомъ Алексеевымъ
и его товарищами, увидимъ ниже.

Дежневъ, съ бывшими при немъ 25-ю человѣками, немедленно отправился пѣшкомъ, для пропѣданія рѣки Анадыра, отюдь не отчаяважася достичнуть предположенной цѣли. Безъ проводника пришелъ онъ, не прежде, какъ чрезъ девять недѣль, къ устью рѣки, въ землю безжизненную и необитаемую. Лишенные всѣхъ средствъ искать себѣ пропитаніе, не имѣя рыболовныхъ снарядовъ и не находя дикихъ звѣрей, укрывающихся въ лѣсахъ, путешественники наши
рышились отправить вверхъ по Анадыру 12-ть человѣкъ, которые блуждали 20-ть дней, и не находя ни людей, ни пищи, большою частію отъ голода и изнеможенія умерли; остальные принуждены были возвратиться къ стану Дежнева.

Слѣдующаго лѣта, 1649 года, Дежневъ съ товарищами пошелъ * вверхъ рѣкою, и быль такъ

* Должно полагать, что они построили себѣ лодку, или дѣвъ (ихъ было почти 20-ть человѣкъ), изъ выкѣднаго лѣса, котораго въ Сибири сколько устьевъ рѣкъ всегда множество.

счастливъ, что встрѣтился съ малочисленнымъ поколѣніемъ жителей сихъ Истѣ, навыдавшихся Анаулагами, которые заплатили ему первый ясакъ, ио въ послѣдствіи, за оказанную имъ неизкорѣкость, были совершиено истреблены. Дежневъ основалъ Анадырскій острогъ, въ видѣ обыкновенаго зимовья, не переставая заботиться о томъ, какъ перейти на Колыму, или послать о себѣ уведомленіе, чтобы избежать опасности.

Между тѣмъ промышленники на Колымѣ не оставались праздными. Вскорѣ послѣ неудачаго поиску цепи Михайла Стадухина къ отысканию реки Ногучи, узнали, что название южной Анадырь, что лѣстяла не по северному берегу Чукотской земли искать должно, и что кратчайший путь туда лежитъ по горамъ, чрезъ которыхъ пролести ихъ взялись плѣниые Ходынцы, народъ, покоренный казаками въ 1650 году, въ верховыхъ реки Аюя. Составилось общество охотниковъ изъ казаковъ и промышленниковъ, получившихъ дозволеніе сидѣть къ Анадыру и объясачить тамошае ма-роды. Въ 1650 году, марта 23-го, Семенъ Мотора, предводитель сихъ охотниковъ, взялъ на Аюю одного старшина изъ Ходынцовъ, выступилъ въ путь, и Апрѣля 23-го соединился на Анадырѣ съ Дежневымъ, къ обоядиому удивленію. Михайло Стадухинъ* пошелъ въ следъ за Моторой, провелъ семь недѣль въ пути, обо-

* Въ Сибирскомъ Вѣстнике оптиочно сказано, что Стадухинъ отправился моремъ. См. Миллера, Nachrichten von Seereisen, p. 15.

шелъ стороною зимовье Дежнева, и дѣйствовалъ отъ него отдельно. Дежневъ и Мотора, стараясь избѣжать неудовольствій съ завистливымъ Стадухинымъ, готовились перейдти къ рѣкѣ Пенжинѣ, но вместо ихъ пошелъ туда Стадухинъ, о которомъ не получено никакихъ извѣстій.

Дежневъ и Мотора не оставались въ бездѣйствіи. Они построили суда, на коихъ намѣревались дѣлать новые поиски. Хотя въ одномъ изъ сраженій съ Анаулами, въ исходѣ 1651 года, Мотора былъ убитъ, Дежневъ не унывалъ, и лѣтомъ 1652 года пошелъ внизъ рѣки къ ея устью, и на сѣверной сторонѣ открылъ отмѣль*, на которой собирались обыкновенно моржи, въ великомъ множествѣ. Добывъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ, возвратился онъ въ зимовье, почитая свое пріобрѣтеніе достаточною наградою за всѣ перенесенные имъ труды.

Въ 1653 году, Дежневъ готовилъ лѣсъ для построенія коча, на которомъ предполагалъ отправить въ Якутскъ, моремъ, собранный имъ ясакъ, но недостатокъ въ прочихъ необходимыхъ потребностяхъ, и извѣстіе, что берега Чукотской земли не всякое лѣто бываютъ такъ чисты отъ льдовъ, какъ во время его плаванія въ 1648 году, понудили его оставить свое намѣреніе.

Въ слѣдующемъ году, Дежневъ предпринялъ вторичное путешествіе къ вышеупомянутой мѣли, на которой было много моржей, и взялъ съ собою казака Юшку Селиверстова, недавно при-

* Кореа, на Сибирскомъ нарѣчії.

бывшаго изъ Якутска, съ предписаніемъ, въ пользу казны промышлять моржевые зубы. Селиверстовъ утверждалъ, что онъ и Стадухинъ открыли сю мѣль, названную Анадырскою коргою, будто бы ими найденою въ первое морское путешествіе съ Михайломъ Стадухинымъ (въ 1649 году), по Дежневъ доказывалъ противное. Возникшему отъ того между ними несогласію, обязаны мы извѣстіемъ о знаменитомъ плаваніи Дежнева. Оправдывая утвержденія Селиверстова, онъ приводить въ донесеніяхъ къ Якутскому Воеводѣ разныя обстоятельства своего путешествія, которыя, въ 1736 году, собраны Миллеромъ изъ подлинныхъ бумагъ Якутскаго архива.

Дежневъ, продолжая плаваніе къ коргѣ, держался берега, видѣлъ Коряковъ, и между ними узналъ Якутку, жившую прежде съ Федотомъ Алексѣевымъ; она сказала ему, что Федотъ и Герасимъ (Анкудиновъ) отъ цынги умерли, многіе изъ ихъ товарищей убиты, а малое число спаслось на лодкахъ, но куда, и что съ ними случилось, она не знала.—Въ послѣдствії открылось, что они достигли рѣки Камчатки, гдѣ, живши нѣкоторое время въ великомъ уваженіи у Камчадаловъ, были наконецъ жертвами собственныхъ раздоровъ, подавшихъ Корякамъ и Камчадаламъ случай ихъ убить.

Послѣ сего иѣть дальнѣйшихъ свѣдѣній о Дежневѣ, который провелъ бѣль лѣтъ (съ 1648 по 1654 включительно) въ неутомимой дѣятельности, среди дикаго народа, въ странѣ имъ откры-

той и частію покоренной. Возвратился ли онъ въ свою отчизну, или сдѣлался жертвою своей смѣлости, не находимъ извѣстія въ сочиненіи исторіографа Миллера.

Какимъ великимъ опасностямъ подвергались простиравшіе плаваніе по Ледовитому морю, читатели усмотрятъ изъ слѣдующаго, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ помѣщеннаго, описанія путешествія нѣсколькихъ казаковъ, подъ начальствомъ казака Булдакова.

Въ 1649 году, Булдаковъ посланъ изъ Якутска на рѣку Колыму прикащикомъ. Прозимовавъ въ Жиганскѣ, онъ пришелъ, Іюня 2-го 1650 года, въ устье Лены, но за восточнымъ и съвернымъ вѣтрами, нанесшими къ берегу множество большихъ льдинъ, принужденъ былъ стоять четыре недѣли. По наступленіи благополучнаго вѣтра, отправился онъ, подъ парусами, въ Омолоеву губу, гдѣ встрѣтилъ льды, между коими кочъ его былъ 8 дней, и немало повредился. Приближась къ островамъ противъ устья Лены, рѣшился онъ пристать къ одному изъ нихъ; двои сутки пробивались между льдинами. Булдаковъ, по продолжавшимся вѣтрамъ, то съ моря, то съ берега, простоявъ на мѣстѣ 6 дней, увидѣвъ, что море ото льда, какъ будто очистилось, и пустился вторично въ Омолоеву губу; но къ несчастію, опять попалъ между льдинами, которыя препятствовали идти далѣе, а потому и пошелъ онъ къ рѣкѣ Ленѣ. При ея устьѣ стояли 8 кочей, принадлежавшихъ казакамъ и

промысленникамъ, готовыхъ выступить въ море. Когда насталъ вѣтеръ съ берега и море очисти-
лись ото льда, всѣ кочи вмѣстѣ пошли къ Омо-
лоевой губѣ, въ которой былъ также напоспѣй
ледъ; сквозь него пробивались не безъ затруд-
неній. На другой сторонѣ губы находятся ос-
тровъ; протокомъ между симъ островомъ и бере-
гомъ обыкновенно хаживали кочи, но въ то вре-
мя протокъ былъ совершенно затерпъ льдомъ,
осѣвшимъ на дно моря; путешественники съ
усиліемъ разломали ледъ и вывели свои кочи;
въ семъ мѣстѣ встрѣтили еще 4 коча, которые
шли съ Колымы на Индигирку.

15-го, по выходѣ кочей изъ протока, насталъ попутный вѣтеръ, и всѣ суда въ одни
сутки достигли устья рѣки Яны. Здѣсь опять
они встрѣтили столько льду, что могли быть
раздавлены, ежели бы по отлогости морскаго
берега, препятствующаго большимъ льдинамъ
приближаться къ нему, не оставался для нихъ
свободный путь. Слѣдя подль берега, они благо-
получно миновали Святой мысъ, который, по
съверному его положенію, съ давнихъ лѣтъ море-
плыватели считали самымъ опаснымъ мѣстомъ.

На другой день Булдаковъ достигъ Хромской
губы. Она была наполнена огромными льди-
ми, затруднявшими плаваніе кочей, особенно
когда отъ ночныхъ морозовъ намерзаль новый
ледъ, которымъ 30-го Августа покрылось все
море; тогда пять кочей находились недалеко отъ
берега, на глубинѣ одной сажени. Предпріим-

чивый и отважный Булдаковъ, надѣясь, что ледъ уже достаточно твердъ, вздумалъ грузъ перетаскивать на берегъ; но надежда его обманула, ибо 1-го Сентября, когда ледъ былъ толщиною на полпядени, подулы съ берега жестокій вѣтеръ, которымъ ледъ изломало, кочи занесло далеко въ море и носило пять дней; потомъ вѣтеръ стихъ, море замерзло, и на третій день можно было ходить по льду. Тогда Булдаковъ послалъ нѣсколько человѣкъ, чтобы узнать, какъ ближе подойдти къ берегу. Они нашли, въ разстояніи на одинъ день ъезды, бывшій съ ними кочъ казака Андрея Горѣлова, стоявшій во льду, и хотѣли перенести скарбъ и запасъ па сей кочѣ, дабы ближе быть у берега, но вдругъ въ морѣ прибыла вода и ледъ изломало; къ тому же поднялся сильный вѣтеръ, которымъ занесло кочи, виѣтъ со льдомъ, еще далѣе въ море, и такъ быстро, что подъ парусами невозможно идти скорѣе. Черезъ пять дней вѣтеръ утихъ, и кочи въ третій разъ замерзли во льду. Отъ стечения столькихъ бѣдствій, сопутники Булдакова были въ отчаяніи, и чтобы избавиться отъ очевидной гибели, взяли каждый изъ своего скарба и съѣстныхъ припасовъ, сколько могъ везти па саняхъ, отправились къ берегу, но не избѣгли преслѣдовавшаго ихъ несчастія. Ледъ изломало, и они принуждены были санки свои перетаскивать съ одной льдины на другую, а сами перебираться съ помощью шестовъ и перевокъ. Между тѣмъ видѣли, какъ кочи ихъ, одну

послъ другой, разбивало льдомъ. Напослѣдокъ, изнуренные цынгою, стужею, голодомъ и тру-домъ, вышли на берегъ близъ устья рѣки Инди-гирки, и при разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ продолжали путь вверхъ по ней до Уяндинска-го зимовья, гдѣ нашли себѣ успокоеніе отъ болѣзней и трудовъ и провели всю зиму.

Два года послѣ плаванія Булдакова, т. е., въ 1652 году, на мѣсто его начальникомъ острога на Колыму посланъ пятидесятникъ Иванъ Ребровъ. Ему въ особенности предписано съ под-робностію освѣдомиться о большомъ островѣ, который, по донесенію Михайла Стадухина, находится на Ледовитомъ морѣ. Миллеръ не отыскалъ въ Якутскомъ архивѣ никакихъ дока-зательствъ о существованіи сего острова, и го-ворить, что рассказы Стадухина были совер-шенно забыты, доколѣ наконецъ, въ 1710 году, Февраля 20-го, Якутская Канцелярія собрала нѣсколько изустныхъ показаній отъ казаковъ, которые простирали плаваніе Ледовитымъ и Камчатскимъ морями. Слѣдующія извѣстія не-посредственно относятся до пред назначенныхъ намъ изысканій.

Междуд 1661 и 1678 годами, служивый Ники-форъ Малыгинъ, съ торговыимъ человѣкомъ Ан-дреемъ Воропаевымъ, на кочѣ ходили съ Лены на Колыму. До Святаго Носа слѣдовали они большею частію подлѣ берега; потомъ, по при-чинѣ примкнувшаго къ берегу льда, держали мористѣе. На семь пути, бывшій съ ними ко-

чевщикъ Родионъ Михайловъ указалъ имъ лежащій по сю сторону Колымы, вдали, островъ, который они всѣ видѣли, а по прибытіи ихъ въ Колыму, купецъ Яковъ Вятка сказывалъ Мальгину, что однажды въ плаваніи изъ Лены въ Колыму на девяти кочахъ, три отнесены къ сему острову, и посланные на берегъ видѣли слѣды неизвѣстныхъ звѣрей, но людей не видали.

Торговый человѣкъ Тарасъ Стадухинъ также говорилъ Мальгину, что за нѣсколько до того лѣта, онъ, съ 90 человѣками, на кочѣ, ходилъ съ Колымы моремъ къ Чукотскому носу, кото-
раго водою обойдти не могли, а перешли на дру-
гую сторону его пѣшкомъ, и построивъ кочъ,шли подлѣ берега, до устья рѣки Пенжины.

Нѣкто Михайло Насѣткинъ показалъ, что въ 1702 году, путешествуя по Камчаткѣ, видѣлъ съ южной оконечности ея землю; послѣ того на пути между Колымою и Индигиркою усмотрѣлъ въ морѣ еще землю, о которой кочевщикъ Даниилъ Монастырскій сказывалъ ему, будто она соединяется съ берегомъ, противъ Камчатки лежащимъ, и простирается далѣе противъ устья Лены.

Въ 1710 году получено въ Якутскѣ письмен-
ное показаніе Устьянскаго казака Якова Пере-
мякова, что на пути изъ Лены въ Колыму, онъ видѣлъ противъ Святаго носа островъ, и что противъ устья рѣки Колымы находится островъ, и на немъ есть горы, усматриваемыя съ матераго берега.

Островъ, который видѣли Мальгинъ и Вятка, можетъ быть, одинъ изъ острововъ, лежащихъ противъ рѣки Яны, или Крестовскій островъ, изъ числа Медвѣжьихъ. Михаилъ Насѣткинъ говорить о первомъ Курильскомъ и первомъ Медвѣжьемъ островѣ; словамъ Монастырскаго вѣрить нельзя. Показаніе Якова Пермякова, безъ сомнѣнія, касается до первого Ляховскаго и Крестовскаго острововъ.

Носившіеся такимъ образомъ слухи, а частію и достовѣрныя извѣстія, о находящихся на Ледовитомъ морѣ островахъ, побудили Якутскаго воеводу Трауернхта произвестіе о семъ изысканіе съ возможною подробностью, особенно, когда, въ 1711 году, Сибирскій губернаторъ Князь Гагаринъ писалъ ему: «Сказывали мнѣ казаки и дворянѣ Якутскіе, что ваша милость изволить нарядить казаковъ, также и охотниковъ отпустить на новую землю, что островъ противъ р. Колымы, и удержалисѧ-де, мой государь, за тѣмъ, что безъ указа не смѣли, и ваша милость отнюдь того медлить не изволъ.»

Трауернхтъ отправилъ два отряда, одинъ къ устью рѣки Яны, другой въ Колыму; имъ предписали обозрѣть Ледовитое море, лѣтомъ или зимою, и невозвращаться, доколѣ не разрѣшать вопроса объ островахъ, или новой землѣ.

Первый отрядъ, изъ 11 казаковъ, порученъ казаку Меркурію Вагину. Онъ отправился изъ Якутска 1711 года осенью; выѣхалъ изъ Усть-Лиуска на нартахъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1712 года, и

держась берега до Святаго носа, пустился прямо на съверъ. Они пріѣхали къ одному острову, на которомъ не было никакого лѣса; вокругъ него ъзы 9, или 12 дней. Съ сего острова видѣли другой островъ, или землю, но за позднимъ временемъ, и по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, отправились назадъ къ матерой землѣ, съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ запастись рыбою, и слѣдующею зимою опять выступить въ путь. Они вышли на берегъ между Святымъ носомъ и рѣкою Хромою, при урочищѣ, гдѣ Якутскій казакъ Катаевъ въ прежнія времена поставилъ крестъ, почему оно прозвано *Катаевъ крестъ*. Оттуда направили путь на Хрому для рыбнаго промысла, но неимѣя съѣстныхъ припасовъ, принуждены были бѣсть собакъ, на которыхъ вхали, наконецъ и мышей, и потому должны были возвратиться къ морскому берегу, гдѣ прожили все лѣто, питаясь рыбою, дикими гуслями, утками и ихъ яицами. Бывши съ Вагинымъ казаки, наскуча пребываніемъ въ сихъ мѣстахъ, и опасаясь, что на пути къ усмотренному острову будутъ подвержены еще большими нуждамъ и голоду, убили Вагина, его сына, одного казака и одного промышленника. По возвращеніи въ Устьянскъ, убийцы скрыли преступленіе разными вымыслами, и обѣ островъ не упомянули ни слова. Положеніе первого Ляховскаго острова объясняетъ обрѣтеніе Вагина; величина его, конечно, не соответствуетъ показаніямъ, но преувеличенія важности обрѣтенія весь-

ма часты въ повѣствованіяхъ древнихъ путеше-
ствователей.

Второй отрядъ, воеводою Трауернхтомъ от-
правленный, состоялъ изъ 22 человѣкъ, на од-
номъ шитикѣ, * подъ управлениемъ казака Василья
Стадухина. Изъ донесенія его, отъ 28-го Іюля
1712 года, видно, что онъ усмотрѣлъ на восточ-
ной сторонѣ Колымы, протянувшійся въ море
мысъ, окруженный непроходимыми льдами, но
не замѣтилъ никакого острова, и что жестокою
погодою съ моря отнесло его назадъ, при чёмъ
едва онъ не погибъ. Стадухинъ, вѣроятно, гово-
рить о Шелагскомъ мысѣ, который предшествен-
ники его называли Святымъ носомъ.

Въ 1714 году были еще два подобныхъ отира-
женія казаковъ Алексія Маркова и Григорья
Кузякова. Первому вѣльно идти въ море съ устья
Колымы, и ежели увидить, что шитики неудобны,
дозволено построить другія суда. Каждому дано
было по одному матросу, изъ присланныхъ Кня-
зевъ Гагаринъ въ Якутскъ, для предположен-
ной морской экспедиціи изъ Охотска.

Марковъ, по пріездѣ въ Устьянское зимовье,
послалъ, 2 Февраля 1715 года, въ Якутскъ до-
нести, что на Святомъ морѣ лѣтомъ и зимою

* Шитики того времени были длиною въ 5 сажень, шириной
въ 2 сажени, съ палубою, плоскодонные, конопачены имомъ; вмѣ-
сто веревокъ и канатовъ, на шитикахъ употребляли ремни лосин-
ные; паруса бывали ровдужные, якори деревянные, съ навязанны-
ми каменными. Нынѣ шитиками называютъ беспалубныя большія
рыбацкія лодки; о якоряхъ прибрежные жители поплатія не имѣ-
ютъ, а паруса ровдужные употребляютъ весьма рѣдко.

всегда стоять ледъ, и потому въ назначенный путь невозможно отправиться иначе, какъ нартами на собакахъ; онъ отправился 15-го Марта, взявъ 9 человѣкъ. 3-го Апрѣля возвратился онъ опять въ Устьянское зимовье, и привезъ извѣстіе, чтоѣхалъ по морю, прямо на сѣверъ, семеро сутокъ, съ самою большею, на собакахъ возможною скоростію, но ни земли, ни острова не видаль, достигъ такого мѣста, гдѣ льдины стояли, какъ высокие холмы, всходилъ на овся и вдали не усмотрѣль никакого берега. По недостатку корма для собакъ, многія съ голоду изыхали и ини кормили осталльныхъ. Въ 17 дней безпрерывной ѹзды, Марковъ не могъ проѣхать болѣе 680 верстъ, или 340 верстъ въ одну сторону; следовательно, правя на сѣверъ, онъ долженъ бы увидѣть какой либо островъ изъ лежащихъ противъ устья рѣки Яны и Святаго носа, а потому въ справедливости показаній Маркова должно сомнѣваться.

О путешествіи Кузякова не отыскано никакъ свѣдѣній, кромѣ слышанного Миллеромъ отъ Якутскихъ жителей, будто бы Кузяковъ также отправился въ море на собакахъ, и предпріятіе его было такъ же безуспѣшно, какъ и Маркова.

Такія неудачи остановили на нѣкоторое время предпріимчивыхъ казаковъ въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ, но въ 1723 году, сынъ боярскій Федотъ Амосовъ опять обратилъ вниманіе на какой-то островъ, простирающійся отъ устья Яны до

устыя Индигирки и далъе. Онъ вызвался покорить жителей острова, и для исполненія такого предпріятія отправленъ съ отрядомъ. Вместо того, чтобы поиски начать съ Яны, или Индигирки, потѣхалъ онъ на Колыму. При самомъ выходѣ изъ устья сей рѣки, Іюля 13-го * 1724 года, встрѣтилось такое множество несущагося льда, что не рѣшился онъ продолжать пути далъе.

Междудѣмъ промышленникъ Иванъ Вилегинъ подвердилъ слухъ о помянутомъ островѣ, разсказывая, что въ Ноібрѣ 1720 года, онъѣздилъ, вмѣстѣ съ промышленникомъ Григорьевъ Санкинымъ, съ устья рѣки Чукочьей по льду на тотъ островъ, или землю, но за безпрерывными вѣтрами и туманомъ они не могли єхать вдалъ, почему и незнаютъ, твердалъ ли то была земля, или островъ, и есть ли на немъ жители и расстеть ли лѣсь **? Видѣли старыя юрты и мѣста прежде бывшихъ юртъ, но не могли узнать какому народу онѣ принадлежатъ. Землю сію, при ясной погодѣ, можно усмотрѣть съ рѣки Чукочьей, и казалось, что она простирается мимо Индигирки и Святаго носа до меридіана рѣки Яны съ одной стороны, а съ другой мимо устья Колымы и далъе, до жилищъ Шелаговъ, поколѣніе Чукчей. Вилегинъ заключалъ такъ по разска-

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано Апрѣля 18-го, а у Миллера Іюля 13-го; сіе послѣднее соглашаетъ съ показаніемъ Аносова, что въ морѣ несло ледь.

** Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано, что Вилегинъ напечаталъ лѣсь, но у Миллера того нѣтъ.

замъ какаго-то Копая, изъ племени Шелаговъ, и полагалъ, что достигнуть до сей земли водою, ни съ устья рѣки Колымы, ни съ Чукочьей и Индигирки невозможно, по причинѣ множества льда, по противѣ жилищъ Шалаговъ море бываетъ чище, и потому должно искать земли съ сей стороны.

Амосовъ, утвердясь на семъ мнѣніи, пошель моремъ подлѣ берега къ жилищу Копая, кото-раго достигъ 7-го Августа 1723 года, но по множеству льдовъ не только не могъ продолжать пути, но даже съ трудомъ возвратился.

Въ слѣдующую зиму, Амосовъ рѣшился для открытія острова ѿхать на шартахъ, и прислаль о своемъ путешествіи въ Якутскую Воеводскую Канцелярію слѣдующее донесеніе: «Отправясь въ намѣренный путь изъ Нижне-Колымскаго зимовья, Ноября 3-го 1724 года, нашелъ я на морѣ островъ, или землю, и оттуда 23-го того же мѣсяца возвратился обратно на Колыму. На той землѣ видѣлъ старыя земляныя юрты, а какіе въ нихъ жили люди, и куда сошли, неизвѣстно. Наконецъ съѣстныхъ припасовъ и корома для собакъ недостало; для сей причины невозможно было ничего болѣе и провѣдывать. Путь по льду бымъ весьма труденъ, потому что море замерзло негладко. Бездѣ стояли высокія льдины, и ледъ отъ выступающей морской соли быль шероховать *.»

* Описавія сихъ путешествій, и пѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ,

Въ бытность свою въ Якутскѣ, Миллеръ лично спрашивалъ Амосова объ его путешествіи. По словамъ его, жилище Копая на 200 верстъ къ востоку отъ устья Колымы, близъ небольшаго острова, возлѣ самаго берега лежащаго. Отъ матерой земли, между рѣками Чукочею и Алазею, ъзды до открытаго Амосовыемъ острова одинъ день, и вокругъ онаго столько же; на семь островъ горы немалой высоты, которыя видимы и съ матерой земли; изъ животныхъ попадались олени; служацій для нихъ пищею мохъ растетъ по всему острову.

Обрѣтенія Вилегина и Амосова одно и тоже. Оба они были на первомъ Медвѣжьемъ островѣ, на которомъ прежде ихъ бывали промышленники, и по слухамъ давно уже имѣли объ немъ свѣдѣніе. Вилегинъ, не зная, что находился на маленькомъ островѣ, и услыша, вѣроятно, объ усмотрѣнной противъ Яны земль (1 - й Ляховскій островъ), вообразилъ, что сіи двѣ земли соединяются и составляютъ берегъ одной обширной земли. Но можемъ ли мы полагаться на показаніе Копая? Его жилище было, безъ сомнѣнія, подлѣ острова Сабадея (около двухъ сотъ верстъ отъ Колымы, какъ Амосовъ Миллеру сказывалъ), а противъ сего мыса къ сѣверу на $2\frac{1}{4}^{\circ}$ по широтѣ (около 230 верстъ), мы, въ 1821 году, ни малѣйшихъ признаковъ земли не нашли, да и Чукчи, живущіе около Шелагского мыса, съ ко-

занимствованы мною изъ Сибирскаго Вѣстника на 1821 годъ, а поправлены, гдѣ были несогласія, съ сочиненіемъ Миллера.

торыми въ 1822 году мы имѣли сношения, не знали ни о какой землѣ въ сихъ странахъ, хотя и не скрывали оть насъ, что со скалы Яканъ (около 200 верстъ къ востоку оть Шелагского мыса, и въ 300 верстахъ оть жилища Копая) иногда видны въ морѣ горы. Можетъ быть, Копаю и Вилегину то было известно, но удивительно, что они, говоря объ одномъ только островѣ противъ Колымскаго устья, и о большой землѣ, за нимъ лежащей, не знали о прочихъ 4-хъ островахъ, составляющихъ одну купу съ островомъ, который усмотрѣнъ Вилегинымъ. Не должно ли заключить, что сіи-то четыре острова и прияты за большую землю?

Карты наши въ то время были сообразны поверхности обозрѣнію съверныхъ береговъ Сибири, которые оть Карского моря до восточной оконечности Азіи, въ продолженіе половины столѣтія открыты казаками и промышленниками, неутомимыми въ трудахъ, но не имѣвшими никакихъ познаній. Всѣ путешественники, бывшіе до того времени при упомянутыхъ берегахъ, также не имѣли способовъ и нужныхъ свѣдѣній для изображенія берега съ иѣкоторою вѣрностью, и потому карты наши составлены были, такъ сказать, на угадъ, на основаніи сбивчивыхъ, темныхъ разсказовъ.

Казацкій полковникъ Шестаковъ, прѣхавшій въ 1726 году изъ съверной Сибири въ С. Петербургъ, сочинилъ карту, которую напечатали, а потомъ скопировали въ Парижъ географы Де-

лиль и Бюашъ. На сей картъ островъ Копай назначенъ на разстояніи двухъ-дневной ъзды отъ матераго берега, и по параллели занимаетъ такое же пространство, какое находится между противолежащими сему острову рѣками Колымою и Алазею; на картѣ написано, что островъ Копай обитаемъ непокорными Шелагами. За нимъ къ съверу проведенъ берегъ большой земли, и въ надписи сказано, что отстоить онъ отъ острова Копая на неполный двухъ-дневный перетъздъ (следовательно, островъ отъ матераго берега Сибири далѣе, нежели отъ большой земли).

Противъ съверовосточной оконечности Азіи, на востокѣ, означенъ большой островъ, съ следующею надписью: «Островъ противъ Анадырскаго носа; на немъ многолюдно и всякаго звѣря довольно; дани не платить; живуть своею властію.» Съверный берегъ Чукотской земли проведенъ довольно ровною чертою, и губа Чаунъ и Шелагскій мысъ непримѣтны.

Другая карта, попавшаяся исторіографу Миллеру, сочинена Якутскимъ дворяниномъ Иваномъ Львовымъ. На сей картѣ изображены два носа. Крайній, къ съверовостоку, обыкновенно называемый Чукотскимъ носомъ, или Восточнымъ мысомъ, названъ Шелагскимъ и неограниценъ. Другой, лежащій прямо на югъ отъ первого, названъ Анадырскимъ носомъ, и между сими двумя мысами, въ обширной губѣ, положенъ островъ, обитаемый Чукчами, а противъ Анадырскаго носа назначены два острова, одинъ

другаго къ берегу ближе, съ слѣдующею надписью: «До первого острова отъ берега ъзды водою полдня. На немъ обитаютъ люди, коихъ Чукчи называютъ Ахъюхалять. Они говорять особымъ языкомъ; платье носять изъ утиныхъ кожъ; питаются моржами и китами. За недостаткомъ у нихъ на островѣ лѣсу, варятъ рыбьимъ жиромъ. Другой островъ отъ первого находится въ разстояніи двухъ дней ъзды водою. Жители онаго называются по Чухотски Пеекели. Они щеки пронимаютъ и вставляютъ въ нихъ зубы; живутъ въ крѣпкихъ мѣстахъ; платье носять изъ утиныхъ же кожъ.» За сими островами изображенна большая земля, съ надписью: «Чукчами именуются Кичинъ-Элять. Сіи говорять особливымъ языкомъ; платье носять соболье; живутъ въ землянкахъ, а бой у нихъ лучной. Звѣри въ нихъ водятся всякие, коихъ кожи употребляютъ на платье. Лѣсъ тамъ растетъ ельникъ, соснякъ, лиственникъ и березнякъ.»

Миллеръ упоминаетъ еще о картѣ, въ Якутскѣ же сочиненной. На сей картѣ Шелагскій Носъ также неограниченъ, и противъ него про-ведена неограниченная земля, гдѣ надписано: «Обитаемая народомъ Кыкыкме, который подобенъ Юкагирамъ.» Надъ Шелагскимъ Носомъ надписано: «Жители говорять языкомъ особымъ. На бою весьма жестоки и покорить ихъ не можно. Хотя изъ нихъ кто и въ полонъ попадеть, тотъ самъ себя убиваетъ.»

Не только на сихъ картахъ, составленныхъ

въ Якутскъ самоучками-географами, но и на сочиненной Берингомъ, въ 1728 году, по возвращеніи его изъ первого плаванія къ восточнымъ берегамъ Чукотской земли, не отличаются Шелагского Носа отъ восточной оконечности Азіи и Чукотского Носа, а чтобы согласить карты съ плаваніемъ Дежнева, присовокупили къ послѣднему мысу, на нѣкоторыхъ картахъ, название Святаго Носа, а на другихъ, полагаясь на вышеупомянутую карту Львова, оставляли Шелагский это мысъ на съверъ неограниченнымъ, и тѣмъ изъявляли сомнѣніе о плаваніи Дежнева; но должно замѣтить, что оно не было известно сочинителямъ тѣхъ картъ, ибо Миллеръ первый нашелъ свѣдѣніе объ немъ въ Якутскомъ архивѣ 1736 года. Въ названной на одной карте Большой Земль, за островами противъ Анадырского Носа, мы узнаемъ съверо-западный берегъ Америки, и Большая Земля противъ Шелагского Носа также назначена по неосновательнымъ свѣдѣніямъ о дальнѣйшемъ протяженіи того берега на съверъ. Предположеніе наше объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ:

Въ 1711 году, Якутскій казакъ Поповъ, который изъ Анадырского острогаѣздили на Чукотскій Нось, между прочимъ сказывалъ: «Напротивъ Носа, по обѣимъ его сторонамъ, какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Анадырскомъ морѣ, видѣнъ островъ, называемый Чукчами Большою Землею, на коей живутъ народы съ продѣтыми въ щеки большими зубами,» и прол. Потомъ го-

ворится о берегъ, простирающемся южнѣе и съвернѣе Чукотскаго Носа (конечно, о берегахъ Америки), и слова ясно доказываютъ, что тогда называли Колымскимъ моремъ часть Океана къ съверу отъ Чукотскаго полуострова, а находящуюся по южной сторонѣ его Анадырскимъ моремъ. Восточную часть Чукотскаго полуострова, следовательно, и ту часть берега, гдѣ тогда назначали Шелагскій мысъ, Поповъ называетъ Чукотскимъ Носомъ. И такъ, по моему мнѣнію, изъ сего весьма ясно видно, отъ чего на картахъ, сочиненныхъ по сбивчивымъ рассказамъ безграмотныхъ людей, назначена противъ Шелагскаго Носа Большая Земля.

Выше упомянуто, что известный географъ Делиль перенесъ и на свою карту невѣрности Шестакова карты. На изданной Делилемъ, въ 1728 году, картѣ изображены: островъ противъ Колымскаго устья, въ широтѣ 73° , а за нимъ, въ широтѣ 75° , Большая земля, будто бы открытая Россіянами въ 1723 году, по указанію Шелагскаго князя Копая; но въ означенномъ году ъздили Амосовъ къ Копаю и не сдѣлано никакихъ новыхъ открытій.

По обстоятельствамъ разсмотрѣніи бывшихъ въ то время извѣстій о Большой Землѣ въ съверномъ Ледовитомъ Океанѣ не найдено ни одного, которое достойно и малаго вѣроятія. При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ нашихъ о сихъ страшахъ было возможно несколько пояснить неосновательность географіи съверо-восточной Азіи, и

находить незначащіе острова, или чистое море, тамъ, гдѣ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія по-лагали обширныя земли.

Слѣдующія путешествія совершены нашими мореплавателями единственно для исправленія картъ съверныхъ береговъ Сибири.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны предпринято опозваніе береговъ Сибири отъ Бѣлага моря до Берингова пролива, и изслѣдованіе возможности Ледовитымъ моремъ пройти изъ Архангельска въ Камчатку. Адмиралтействъ Коллегія, для лучшаго исполненія сего предпріятія, положила отправить мореплавателей въ Ледовитое море въ одно время изъ трехъ разныхъ мѣсть: 1, отъ города Архангельска, два судна, на востокъ до устья Оби; 2, изъ рѣки Оби на востокъ, до устья Енисея, одно судно; 3, изъ рѣки Лены два судна, одно на западъ къ устью Енисея, другое на востокъ, мимо устья Колымы до Берингова пролива.

Для первого отряда Коллегія сдѣлала всѣ нужные распоряженія, предоставив главному коман-диру Архангельского порта выборъ и снабженіе судовъ. По совѣту мореходцовъ того края построили два кока, Экспедиціонъ и Обь, длиною въ 52 $\frac{1}{2}$ фута, шириной въ 14 футовъ, глубиною въ 8 футовъ. Экипажъ каждого судна состоялъ изъ 20 человѣкъ; командирами опредѣлены лей-тенанты Муравьевъ и Павловъ.

Они отправились отъ города Архангельска 4-го Июля 1734 года, достигли Мутнаго залива (въ

Карскомъ морѣ) и возвратились зимовать къ устью рѣки Печоры. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1735 года вышли опять въ море, прошли недалѣе, какъ въ прежнее плаваніе, и зимовали по прежнему въ рѣкѣ Печорѣ.

Адмиралтействъ-Коллегія, уваживъ представленіе лейтенанта Муравьевъ, что онъ не могъ имѣть желаемыхъ успѣховъ отъ того, что ходилъ на кочахъ, приказала построить у города Архангельска два палубные бота, длиною въ 60 и 50 футовъ, и отправить оные подъ командою лейтенантовъ Скуратова и Сухотина; на мѣсто лейтенанта Муравьевъ поступилъ лейтенантъ Малыгинъ, который былъ тогда на рѣкѣ Печорѣ. Мая 27-го 1736 года, на кочѣ Экспедиціонъ, онъ пошелъ внизъ по рѣкѣ; 29-го, противъ устья, льдою кочѣ разбило, и едва могли спасти людей и часть груза. Исправя немедленно другой, бывшій съ нимъ кочѣ Обь, Малыгинъ отправился въ путь 17-го Іюля. Превозиогая чрезвычайныя затрудненія отъ льдовъ, задержанный долгое время подъ островомъ Долгимъ, гдѣ 7-го Августа присоединились къ нему вышеупомянутые боты, подъ начальствомъ лейтенантовъ Скуратова и Сухотина, г-нъ Малыгинъ пересѣмъ на первый ботъ, а на второй опредѣлилъ Скуратова; Сухотина на кочѣ Оби отправилъ въ Архангельскъ, и съ двумя ботами дошелъ до рѣки Кары, гдѣ остался зимовать. Сухотинъ возвратился въ Архангельскъ благополучно.

Въ семъ же году, въ Іюль и Августъ мѣся-

цахъ, геодезистъ Селифонтовъ описалъ на оленяхъ западный берегъ Обской губы, и перевѣхавъ на карбасъ къ острову Бѣлому, осмотрѣлъ часть его южнаго берега. Въ Ноябрь присоединился онъ къ лейтенанту Малыгину. Въ слѣдующемъ году, марта 16-го, Селифонтовъ отправленъ вторично на оленяхъ съ Самоѣдами къ Ледовитому морю, для описи матераго берега и острова Бѣлаго. Дѣйствія его неизвѣстны.

Въ началѣ Іюня 1737 года, вскрылась рѣка Кара, но какъ море очищается ото льда не прежде половины Іюля, то Малыгинъ и Скуратовъ, съ общаго совѣта, положили пробыть на мѣстѣ до 1-го Іюля. Въ половинѣ Іюня показалась между служителями цынготная болѣзнь, которую однакожъ успѣли истребить противоцынготными травами, растущими по окрестнымъ тундрамъ*.

3-го Іюля, наши мореплаватели достигли устья рѣки Кари; въ морѣ видно было еще весьма много льду. Направили плаваніе по возможности къ сѣверу; наконецъ 23-го Іюля усмотрѣли островъ БѣлыЙ, и 24-го легли на якорь въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ отъ матераго берега. Широту опредѣлили $73^{\circ} 8'$. Приливъ шелъ отъ W только 4 часа, а отливъ 8 часовъ отъ 0; первый приносилъ съ собою соленую воду, послѣдній прѣсную. Теченіе отлива было многимъ сильнѣе теченія прилива, которое иногда было едва ощутительно. Прикладный часъ 3 ч., воз-

* Четырекратное путешествие капитанъ-лейтенанта Латке, стр. 87.

выше́ніе воды $1\frac{1}{2}$ ф. Проливъ усѣянъ мѣлами, между которыми бывають сильныя спорные течения. Противные вѣтры задержали лейтенанта Малыгина въ семь проливъ 25 дней. Обогнувъ (по Миллеру) мысъ, называемый Самоѣдами Ямаль, 18-го Августа боты вошли наконецъ въ Обскую губу, 11-го Сентября въ рѣку Обь, 5-го Октября въ рѣку Сочву, где и зимовали; служителей помѣстили въ Березовъ по квартирамъ. Лейтенантъ Малыгинъ возвратился берегомъ въ С.Петербургъ; Скуратовъ и подштурманъ Головинъ, на прежнихъ ботахъ, 11-го Августа 1739 года, пришли въ рѣку Двину, испытавъ на пути множество опасностей отъ льдовъ.

Другое два отряда, которымъ надлежало осмотрѣть берега отъ рѣки Оби къ востоку, поступили въ распоряженіе командора Беринга. Онъ приказалъ построить въ Тобольскѣ дубель-шлюпку, названную Тоболь, назначилъ командиромъ лейтенанта Овцына, и снабдилъ его наставленіями, данными Адмиралтействъ-Коллегію. Дубель-шлюпка была длиною 70, шириной 15, глубиною 8 футовъ, двухъ мачтовая, съ 8 двухъ-фунтовыми фалконетами; вооружена, какъ шнява; экипажъ состоялъ изъ 53 человѣкъ; сверхъ того юрьомонахъ, штурманъ и геодезистъ*.

* Помышдаемое здѣсь описание путешествий лейтенантовъ Малыгина, Овцына, Проиниццева, Лантса, и штурмановъ Чемодкина и Минина, заимствовано мною частію изъ Записокъ бывшаго Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, на 1820 годъ; довольно значительныя ошибки и пропуски, въ семь изъ

15-го Мая 1734 года, по совершенномъ изгото-
влениі дубель-шлюпки Тоболь, лейтенантъ Ов-
цынъ отправился изъ Тобольска внизъ по Ирты-
шу, и съ нимъ нѣсколько дощениковъ, нагру-
женныхъ провіантомъ и морскою провизіею. То-
больскій губернаторъ Плещеевъ, флота капитанъ
Чириковъ, и профессоры Академіи Наукъ, нахо-
дившіеся при Камчатской экспедиції, провожа-
ли лейтенанта Овцына нѣсколько верстъ; 9-ть
дней, онъ шелъ внизъ по Иртышу, миноваль
многія Русскія деревни и Остяцкія юрты; 24-го
Мая остановился на короткое время при устьѣ
сей рѣки, у большой слободы, называемой Са-
маковскій Ямъ, и перѣмѣнивъ проводника, про-
должалъ путь далѣе, внизъ по рѣкѣ Оби.

2-го Іюня пришелъ онъ къ городу Березову,
принялъ на суда проводниковъ и служителей,
назначенныхъ въ дополненіе къ имѣющейся у
него командѣ. Чрезъ три дня отправился далѣе,
и 12-го въ полдень достигъ къ Обдорскому ост-
рожку, послѣднему Россійскому селенію при рѣ-
кѣ Оби.

15-го, Овцынъ пришелъ къ устью рѣки Оби,
гдѣ она впадаетъ въ Обскую губу тремя рука-
вами, и по восточному, въ которомъ глубина
больше, вышелъ въ губу 19-го Іюля. Въ сіе
время, отъ сильного и крѣпкаго вѣтра, дощеники
такъ повредились, что плаванія на нихъ продол-
жать было невозможно; одинъ разломали; изъ
влечениія, мною замѣчанные, исправлены и пополнены изъ подлин-
ныхъ журналовъ.

льса построили на берегу магазинъ, и выгрузили въ него провіантъ и проче припасы. При этомъ мѣстъ семь озеръ, почему и назвали оное Семиозернымъ. Широта по наблюденіямъ найдена $66^{\circ} 36'$.

Оставя караулъ при магазинахъ, 21-го Овцынъ продолжалъ путь далѣе, подъ праваго берега Обской губы. 26-го послалъ на лодкахъ унтер-офицера и семь человѣкъ служителей, впередъ къ Ледовитому морю, для поставленія при устьѣ Обской губы знаковъ, и для встречи ожидаемыхъ отъ города Архангельска судовъ; по препятствію отъ противныхъ вѣтровъ и мѣлей, между коими надлежало искать фарватера, Овцынъ шелъ впередъ по Обской губѣ къ сѣверу весьма медленно. 6-го Августа пришелъ онъ въ широту $70^{\circ} 4'$, и опасаясь пускаться далѣе, по приближавшейся осени и наставшимъ морозамъ, рѣшился идти зимовать къ Обдорскому острожку, и прибылъ къ нему 4 Сентября.

Во время плаванія по Обской губѣ, лейтенантъ Овцынъ на берегахъ ея находилъ безлѣсныя тундренные мѣста, и землю, замерзшую въ самое лѣто глубже полу-аршина; имѣлъ частыя свиданія съ кочующими Самоѣдами; видѣлъ по тундрѣ много оленей и медвѣдей, и одинъ разъ примѣтилъ въ губѣ плавающихъ бѣлугъ.

Дубель-шлюбку разрушили и выгрузили всѣ припасы въ магазины; люди перебрались въ острогъ; 13 Октября рѣка Обь покрылась льдомъ.

Въ Ноябрѣ прїѣхали въ Обдорскъ съ запад-

ной стороны оленные Само́йды, для взноса въ казну ясака, и сказывали, что прошедшаго льта видѣли на берегу Ледовитаго моря, близъ рѣки Кары, Русскихъ людей, посланныхъ изъ Пустозерска на оленяхъ, для постановленія маяковъ. Овцынъ съ тѣми Само́йдами отправилъ въ Пустозерскъ двухъ казаковъ, къ лейтенанту Муравьеву, для извѣщенія его о плаваніи своемъ по Обской губѣ, и о маякахъ, поставленныхъ на ея устьѣ.

1735 года, Мая 29-го, лейтенантъ Овцынъ пошелъ внизъ по Оби, но льдомъ принуждаемъ бытъ безпрестанно останавливаться у береговъ. 6-го Июня пришелъ онъ къ Семиозернымъ магазинамъ и взялъ оставленную прошедшаго года провизію. 11-го продолжалъ путь далѣе; вскорѣ вновь задержанъ льдомъ, неподвижнымъ по всей Обской губѣ; 20-го ледъ взломало и фарватеръ началъ очищаться, но до 8-го Июля Овцынъ шелъ на дубель-шлюпкѣ всльдъ за льдомъ весьма медленно; въ то время оказалась у многихъ изъ бывшихъ съ нимъ цынга, которая вскорѣ усилилась до того, что въ половинѣ мѣсяца изъ 53 человѣкъ оставалось здоровыхъ только 17 человѣкъ. Овцынъ бытъ также тяжко боленъ, и съ совѣта своихъ подчиненныхъ принужденъ 18-го Июля пойдти въ обратный путь. Предполагая зимовать въ Тобольскѣ, какъ для лучшаго излеченія больныхъ и исправленія поврежденной дубель-шлюпки, такъ и для запаса на будущее время провизіи, онъ, при помощи присланныхъ

къ нему изъ Обдорска и Березова служителей, сколько возможно поспѣшалъ плаваніемъ, но пришелъ къ Тобольску не прежде 6-го Октября; въ сie время по Иртышу уже несло ледъ и река вскорѣ стала.

Чрезъ два мѣсяца по прибытии въ Тобольскъ, Овцынъ, получа отъ болѣзни облегченіе, отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія Адмиралтейству Коллегіи о своемъ плаваніи, и представивъ предстоявшихъ препятствіяхъ къ исполненію возложеннаго на него дѣла. Онъ представлялъ, что ежели ему повелѣно будетъ на будущее лѣто идти въ Ледовитое море, то, по причинѣ опаснаго плаванія между льдами, нужно дать еще другое судно, для взаимнаго вспомоществованія, въ случаѣ поврежденія одного изъ нихъ, и что онъ считаетъ полезнымъ послать весною, по зимнему пути, на оленяхъ, или на собакахъ, геодезиста, описывать берега Ледовитаго моря до устья рѣки Енисея. Адмиралтейство Коллегія, находя представленіе основательнымъ, предписала Овцыну построить въ Тобольскѣ къ будущему лѣту палубный ботъ, для совокупнаго плаванія съ дубель-шлюпкою, назначила на оный командиромъ флотскаго мастера Кошелева, и поручила отправить геодезиста для описи береговъ Ледовитаго моря. Овцынъ поспѣшилъ возвратиться въ Тобольскъ, взявъ съ собою мастера Кошелева, которому поручено было строеніе нового судна; они прибыли на мѣсто 24-го Февраля, приступили къ заготовленію лѣсовъ, и

Марта 11-го заложили палубный ботъ, длиною въ 60, ширину въ 17, глубиною въ $7\frac{1}{2}$ футовъ. Какъ ни поспѣшили строеніемъ, но не успѣли приготовить бота къ плаванію на слѣдующее лѣто.

Въ 1736 году, Мая 23-го, лейтенантъ Овцынъ, на дубель-шлюпкѣ, съ дощениками, нагруженными провіантомъ, отправился изъ Тобольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби. 14-го Іюня пришелъ въ Березовъ, гдѣ простоялъ до 23-го, для перегруженія провіанта и для разныхъ исправленій на дубель-шлюпкѣ. 4-го Іюля миновалъ Обдорскъ, 7-го достигъ къ устью рѣки Оби, оставилъ дощеники у Семиозерныхъ магазиновъ, и на дубель-шлюпкѣ слѣдовалъ далѣе къ сѣверу по Обской губѣ. 28-го прошелъ то мѣсто, откуда возвратился въ 1734 году; 5-го Августа достигъ въ широту $72^{\circ} 34'$, гдѣ остановленъ льдомъ, который впереди покрывалъ всю Обскую губу и стоялъ еще твердо съ прошедшей зимы. Лейтенантъ Овцынъ ходилъ взадъ и впередъ около сего мѣста, въ ожиданіи, что ледь будетъ взломанъ и унесенъ въ море; видя, что онъ стоитъ неподвижно, рѣшился, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, для зимованія возвратиться въ Обдорскъ, куда и прибылъ 26-го Сентября. Въ началѣ Октября рѣка Обь покрылась льдомъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ прїѣхали къ Обдорску оленные Самоѣды, для взноса въ казну ясака; съ ними отправленъ геодезій ученикъ, описывать берегъ Ледовитаго моря.

1737 года, Мая 5-го, флотскій мастеръ Кошельевъ и штурманъ Мининъ, на вновь построеннымъ ботѣ, названномъ Почтальонъ-Обь, пошли отъ Тобольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби, 5-го прибыли къ Обдорску, и вступили подъ начальство лейтенанта Овцына. Въ то время дубель-шлюпка была готова къ походу. Овцынъ опредѣлилъ на нее командиромъ мастера Кошельева, а самъ перешелъ на ботъ.

29-го Іюня, оба судна отправились отъ Обдорска внизъ по рѣкѣ Оби. 9-го Іюля пришли къ Семиозернымъ магазинамъ; взяли на суда оставленный въ нихъ прошедшаго лѣта провіантъ и другіе припасы. 14-го пошли далѣе къ сѣверу по Обской губѣ, но за противными вѣтрами и туманами весьма медленно. 6-го Августа находились въ широтѣ $72^{\circ} 46'$, у праваго берега Обской губы, близъ устья залива, называемаго Гызыямъ, вдавшагося внутрь берега къ юго-востоку на 160 верстъ; въ вершинѣ его впадаетъ рѣчка того же названія.

7-го Августа, лейтенантъ Овцынъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, положилъ, по позднему осеннему времени, не осматривать лѣваго берега Обской губы, а поспѣшить къ рѣкѣ Енисею. На другой день мореплаватели вышли въ Ледовитое море; близъ устья Обской губы, въ широтѣ $72^{\circ} 40'$, увидѣли, что направление прилива на SW, по $3\frac{1}{2}$ мили, отлива на NO съ равной скоростію. При попутномъ вѣтрѣ, продолжая путь къ єхверу до широты $73^{\circ} 56'$, встрѣтили густой, вы-

сокими буграми стоявшей ледъ, на которомъ сидѣли чайки во множествѣ; глубина въ семь мѣстъ была 11 сажень; теченіе моря къ западу по $\frac{5}{4}$ мили въ часъ. Здѣсь видѣли кита. Поворотили отъ льдовъ къ берегу на SQtS, и впереди льдовъ уже не было. На другой день усмотрѣли на ОНО землю; глубина была 7, 6 и 5 сажень; грунтъ сѣрый и крѣпкій песокъ. 10-го приблизились къ невысокому и ровному берегу, у котораго стали на якорь, въ разстояніи полукилометра, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ сажень, имѣя сѣверный мысъ на NNO, южную оконечность берега на SiO. Для обозрѣнія сего берега посланъ на ялботъ штурманъ Мининъ, который, къ вечеру возвратясь, донесъ, что берегъ ровный, невысокій, положеніе отъ SW къ NO; по заплескамъ лежитъ много выброшенного моремъ лѣса; далѣе внутрь берега шесть озеръ, соединенныхъ одно съ другимъ рѣчкою, впадающею въ море; по озерамъ и рѣчкамъ множество дикихъ гусей, утокъ и чаекъ. Земля вездѣ тундреная и нѣть никакого растенія; вдали видѣли дикихъ оленей и одного бѣлаго медведя. Широта якорнаго мѣста найдена $73^{\circ} 10'$; склоненіе компаса $\frac{1}{2}$ румба восточное; теченіе моря примѣчено, съ 7-го часа утра до полудня, $3\frac{1}{4}$ мили къ сѣверу.

Слѣдующіе шесть дней, мореплаватели наши, при противныхъ вѣтрахъ, днемъ лавировали, а въ ночное время стояли на якорь. 16-го находились въ широтѣ сѣверной $73^{\circ} 18'$; тогда сѣ-

веро-восточный мысъ, называемый Мате-Соль*, былъ отъ нихъ на OSO, въ $3\frac{1}{2}$ миляхъ. На семь мысъ лейтенантъ Овцынъ приказалъ поставить изъ выкиднаго лѣса знакъ, съ надписью, что онъ въ 1737 году, 16-го Августа, прошелъ съ двумя судами изъ Обской губы къ востоку. Въ семь мысъ вода горька и солона, цвѣта светло-земенаго; приливъ и отливъ N и S по $3\frac{1}{4}$ мили. Идучи далѣе къ О, на глубинѣ 10, 7, 5 сажень, замѣтили 17-го числа множество лѣса, несомаго отъ S къ N. Глубины оказывались весьма неравныя и обширныя мыли простирались отъ берега въ море. За мысомъ Мате-Соль, къ SO, вдался большой заливъ на 100 верстъ, шириню до 35. Далѣе сего залива морской берегъ до устья рѣки Енисея простирается къ SO на 160 верстъ.

30-го Августа мореплаватели наши подошли къ устью рѣки Енисея, и чрезвычайно были обрадованы прибытиемъ на лодкѣ геодезій ученика Прянишникова, который близъ устья Енисея ожидалъ суда, чтобы показать имъ входъ въ рѣку.

1-го Сентября, оба судна благополучно вошли въ устье рѣки Енисея и остановились у магазиновъ, которые, по приказанію начальства, на-

* Въ Хронологической Исторіи г. Берха, часть I-я стр. 494, ошибочно сказано, что сіе чесмортное плаваніе Омдина было въ 1738 году, и что онъ тогда, обогнавъ мысъ Ялмаль, вошелъ въ раку Енисея; у Миллера также ошибка въ годѣ, но мысъ называется онъ Мать-солъ. Мысъ Ялмаль, какъ мы выше видѣли, находится на западной сторонѣ Обской губы. Мать-Соль на Само-зданскомъ языке значитъ Тупой мысъ.

рочно были построены для припасовъ, нужныхъ нашимъ путешественникамъ. Широта сего мѣста найдена $71^{\circ} 31'$; склоненіе компаса $\frac{5}{4}$ румба восточное.

Получивъ изъ магазиновъ провиантъ, и взявъ проводника, знающаго фарватеръ рѣки, лейтенантъ Овцынъ пошелъ 2-го Сентября Енисеемъ; въ продолженіе мѣсяца поднимался онъ вверхъ подъ парусами, поспѣша сколько возможно къ городу Туруханску, но 2-го Октября остановленъ льдомъ и зимовалъ въ Ангутскомъ заливѣ, не доходя 30 верстъ до Туруханска. Мастеръ Кошелевъ на дубель-шлюпкѣ отсталъ на нѣсколько верстъ, не могъ идти далѣе, принужденъ быть спущиться внизъ по Енисею, и при устьѣ рѣки Денешкиной остался для зимованья, въ 100 верстахъ отъ Туруханска.

1738-го года, лейтенантъ Овцынъ, по доносу подчиненныхъ, отданъ подъ судъ. Мастеръ Кошелевъ потребованъ въ С. Петербургъ, для отчета по дѣламъ. Штурману Минину предписано слѣдующаго лѣта идти въ Ледовитое море, и стараться обойдти Таймурскій мысъ.

По наступленіи весны, оба судна были освидѣтельствованы, и оказалось, что дубель-шлюпка къ плаванію ненадежна. Штурманъ Мининъ приготовилъ ботъ, на которомъ, Іюня 4-го, отправился внизъ по рѣкѣ Енисею, и 3-го Августа пришелъ къ ея устью. По выходѣ въ море продолжать плаваніе подъ берега; 8-го Августа миновалъ утесистаго, каменнаго берега мысъ, назы-

ваемый Ефремовъ Камень, въ широтѣ $72^{\circ} 36'$; 9-го, въ широтѣ $72^{\circ} 53'$, на глубинѣ 15 сажень, встрѣтилъ густой ледъ, который принудилъ его возвратиться къ зимовью Волгину; широта его найдена $72^{\circ} 20'$. Простоявъ три дня, Мининъ вошелъ опять къ сѣверу, вдоль утесистаго каменистаго берега. 16-го, въ широтѣ $73^{\circ} 8'$, сталь на якорь за утесистыи же каменистыи островъ, отъ матераго берега въ 4 миляхъ; далѣе, за великими льдами, продолжать плаванія было невозможно. 22-го послали на ялботъ штурмана Стерлегова, подъ берега, для осмотра, не найдется ли гдѣ возможности пройдти; черезъ три дня посланный возвратился и донесъ, что онъ шелъ подъ самаго берега, между льдовъ, съ великою трудностію; въ 40 верстахъ отъ судна увидѣль, что берегъ заворотился къ востоку и дальний мысъ впереди былъ тогда на ОНО $\frac{1}{4}$ О, въ 16 миляхъ. Идти къ нему штурманъ Стерлеговъ не могъ, по недостатку взятой имъ провизіи, и принужденъ былъ возвратиться къ судну. Вдоль сѣвернаго берега того острова, за которымъ боть былъ на якорь, глубина 19 и 20 сажень.

Штурманъ Мининъ, простоявъ за островомъ до 30-го Августа, по причинѣ наступившихъ морозовъ, отправился въ обратный путь; 13-го Сентября вошелъ въ рѣку Енисей, и зимовалъ, не доходя до города Туруханска, у зимовья Исакова Терекино.

1739-го года, Іюня 3-го рѣка вскрылась.

Штурманъ Мининъ весною занялся описью тѣхъ частей Енисея, которыя въ прошліе годы не были еще осмотрены; въ фарватерѣ нашелъ онъ отъ 2 до 8 сажень глубины. 18-го Июня, на ботѣ, ходилъ Мининъ вверхъ Енисея къ Туруханску, чтобы запастись провизіею, долженъ былъ ожидать ея до 31-го Июля, и потому отправился въ предназначенный ему путь весьма поздно, дошелъ только до устья рѣки Енисея и возвратился.

Въ 1740 году, изъ Туруханска, на собакахъ, посланъ штурманъ Стерлеговъ къ устью Енисея, для описи морскаго берега до рѣки Таймуры. Онъ поѣхалъ отъ Волгинскаго зимовья, при устьѣ Енисея, и 22-го Марта былъ у съверо-восточныхъ острововъ, въ широтѣ по наблюденію $73^{\circ} 5'$; 23-го началъ опись; въ тотъ же день, въ широтѣ по наблюденію $73^{\circ} 9'$, нашелъ склоненіе компаса 10° восточное; ему казалось, что въ 3 и 4 верстахъ отъ берега носился ледъ, и, какъ онъ говорить: «Надъ водою стоитъ паръ, яко дымъ». Продолжая опись вдоль берега на съверъ, Стерлеговъ почти каждый день опредѣлялъ широту по наблюденіямъ. Берегъ материка и близъ него лежащіе острова скалисты, до широты $75^{\circ} 13'$, въ которой находился Стерлеговъ Апрѣля 12-го. 14-го, на высокомъ каменистомъ мысѣ, въ широтѣ $75^{\circ} 26'$, поставили маякъ.» Компаса склоненіе отъ праваго съвера (такъ говорить Стерлеговъ) весьма много стало показывать, и неравное, и упоминаемо, что въ здѣшнихъ съверныхъ мѣстахъ маг-

нитная сила служить не стала.» По причинѣ боли въ глазахъ, отъ блестящей бѣлизны снѣга, какъ у проводниковъ, такъ и у Стерлегова, онъ при-нужденъ пойдти въ обратный путь, и остановил-ся при устьѣ рѣки Пясины, въ зимовье двухъ промышленниковъ, чтобы дать отдохнуть соба-камъ, изъ коихъ большая половина такъ исто-щали, что не могли далѣе везти нартъ. 29-го Мая достигли устья рѣки Енисея.

Штурманъ Мининъ, 7-го Іюня, на ботѣ, от-правился внизъ по рѣкѣ Енисею; 4-го Авгу-ста вышелъ въ Ледовитое море, и следовалъ вдоль берега къ сѣверу. Прошедь острова сѣ-веро-восточные, терпѣль жестокій штормъ отъ SW и NW, потерялъ яликъ, который висѣлъ на боканцахъ, и 14-го Августа, для укрытия отъ волненія, зашелъ за рифъ, гдѣ и отсто-ялся на якорь. Продолжая плаваніе, 16-го на-ходился близъ устья рѣки Пясины, въ кото-рое, по причинѣ мѣлей, войдти не могъ. 17-го, осмотрѣлъ заливъ въ устьѣ сей рѣки, дабы въ случаѣ нужды найти надежное убѣжище. Заливъ закрытъ отъ NW вѣтровъ; глубина $4\frac{1}{2}$ сажени; грунтъ хороши. 20-го, въ широтѣ по наблюденіямъ $74^{\circ} 43'$, усмотрѣли за двумя ос-тровами закрытый заливецъ. При благополуч-номъ вѣтре, продолжая плаваніе на N, нахо-дили глубину 8 и 10 сажень, и вдругъ ло-томъ недостали дна *. Августа 21-го, въ ши-

* Въ журналахъ не упомянуто, сколько сажень линя выпустили.

ротъ $75^{\circ} 15'$, Мининъ встрѣтилъ непроходимый ледъ, и потому въ журналь его сказано: «Отъ незнанія впереди положенія берега, къ прибѣжищу отъ всѣхъ случаевъ, къ сохраненію судна, принужденъ быть поворотить назадъ». Время уже настало холодное, и Делилевъ термометръ опускался на 209° (Реомюр. 3°). 28-го Августа вошли въ устье р. Енисея, вверхъ которой продолжали плаваніе до широты $69^{\circ} 40'$, гдѣ, 16-го Сентября, при устьѣ рѣки Дудина остановились зимовать.

Въ 1741 году, штурманъ Мининъ описывалъ рѣку Енисей до города Енисейска, гдѣ оставилъ боть Почтампъ-Обь, съ командою отправился въ С. Петербургъ.

На дубель-шлюбку Якутскъ, подобную Оби, построенную въ Якутскѣ, назначенъ командромъ лейтенантъ Прончищевъ, которому предписано идти Ледовитымъ моремъ, отъ устья Лены на западъ, къ Енисею, на встрѣчу боту Оби, подъ командою лейтенанта Овцына. Въ то же время приготовлено было въ Якутскѣ другое судно, Иркутскъ, подъ начальствомъ лейтенанта Ласиніуса, которому велѣно идти на востокъ по Ледовитому морю, близъ береговъ, и стараться пройти Беринговымъ проливомъ въ Восточный Океанъ, а потомъ продолжать путь къ Камчаткѣ, или къ рѣкѣ Анадыру.

Июня 30-го 1735 года, оба судна отправились внизъ по теченію рѣки Лены, сопровож-

даемыя дощениками, на коихъ погруженъ быль запасный провіантъ, съ другими разными по-потребностями. Плаваніе по Ленѣ совершили безъ всякаго затрудненія; глубина по рѣкѣ найдена отъ 4 до 9 сажень; берега были покрыты лѣственичнымъ и березовымъ лѣсомъ; мореплаватели миновали много острововъ, на которыхъ, какъ и на берегахъ рѣки, видѣли промышленниковъ, ловившихъ рыбу; по всѣмъ симъ обстоятельствамъ путешествіе было довольно пріятное.

2-го Августа пришли къ устью Лены, впадающей въ Ледовитое море пятью рукавами, образуя черезъ то четыре острова; 8-го, восточнымъ рукавомъ, называемымъ Быховскій Протокъ, вышли въ Ледовитое море; тогда, перегрузивъ на суда провіантъ и припасы, отправили дощеники обратно въ Якутскъ.

9-го Августа, оба мореплавателя разстались, пожелавъ другъ другу достигнуть благополучно назначенной имъ цѣли. Ласиніусъ пошелъ на востокъ. Прончищевъ, за противнымъ вѣтромъ, не прежде 14-го направилъ путь къ сѣверу, обходя острова Кирылоль, Тумиты и Креста, которые лежать въ устьѣ рѣки Лены, и ея рукавами отдѣляются отъ матерой земли.

16-го Августа, Прончищевъ увидѣлъ къ сѣверу множество льда, и потому, не удаляясь отъ вышеупомянутыхъ острововъ, но держась подлѣ нихъ, шелъ къ сѣверу и сѣверо-западу,

на глубинъ $1\frac{1}{2}$, 2 и $2\frac{1}{2}$ сажень; 24-го, пришель къ западному устью рукава Лены, поворотиль на югъ, внутрь губы, къ устью рѣки Оленекъ, къ которому приближась, 26-го числа сталь на якорь и послалъ промѣривать фарватеръ, ведущій въ рѣку; 30-го вошелъ въ устье, и остановясь у берега, противъ пустыхъ лѣтніхъ промышленническихъ юртъ, расположился зимовать.

20-го Сентября, крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ нанесло съ моря въ рѣку множества льда, который бывшимъ тогда морозомъ скрѣпило, и рѣка стала.

5-го Октября отдылали для жития землянки, и команда съ судна перебралась въ нихъ. Широта сего мѣста по наблюденіямъ найдена $72^{\circ} 54'$. 10-го Ноября солнце скрылось за горизонтъ*.

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента выведена изъ показанного времени сокрытия солнца за горизонтъ широта мѣста $70^{\circ} 57'$, и по разности сей широты съ опредѣленію Прончищевымъ заключили, что сія последняя опредѣлена невѣро. Основывалась на ошибочномъ предположеніи, и на широтѣ устья Колымы, найденной капитаномъ Биллингсомъ $69^{\circ} 29'$, на $1^{\circ} 46'$ менѣе означенной на прежнихъ картахъ Ледовитаго моря, выведенно заключеніе, что берегъ Ледовитаго моря на прежнихъ картахъ, т. е. картахъ, сочиненныхъ морскими офицерами, бывшими съ Прончищевымъ, положенъ на полтора градуса сѣвериѣ настоящаго. Для опроверженія всего этого, нужно только замѣтить:

1. Широта устья Оленека на картѣ Прончищева $72^{\circ} 54'$.

— — — — лейт. Амжу $72^{\circ} 57'$.

2. Широта (счислимая) малка при устьѣ рѣки Ко-

лымы, Лаптевымъ $70^{\circ} 05'$.

Врангелемъ $69^{\circ} 35'$.

Съ наступлениемъ весны 1736 года, лейтенантъ Прончищевъ началъ приготавлять судно къ походу, но рѣка Оленекъ вскрылась до устья не раньше 21-го Июня, и тогда въ морѣ стоялъ еще твердый ледъ.

3-го Августа отнесло льды отъ устья Олешека, и Прончищевъ направилъ путь къ съверо-западу.

5-го, пришедъ въ устье рѣки Анабары, послалъ геодезиста Чекина вверхъ по рѣкѣ, промѣривать глубину; черезъ 6 дней Чекинъ возвратился.

12-го, Прончищевъ отправился далѣе къ съверу, вдоль берега, но отойдя только 32 мили, встрѣтилъ льды, между коими, при противномъ вѣтре, лавировалъ; 13-го пробрался къ устью губы Хотанги, которая при входѣ шириною до 30 миль; на срединѣ два острова, одинъ низменный, и отъ него къ западу другой, утесистый каменный; глубина въ устьѣ отъ 9 до 12 сажень; Прончищевъ, усмотря на берегу шалашъ, послалъ провѣдать, нѣть ли жителей; посланные, вскорѣ возвратясь, объявили, что усмотрѣнныи шалашъ зимовье промышленниковъ; людей не видали; нашли только собакъ и свѣжій хлѣбъ,

3. Въ большихъ съверныхъ широтахъ, зимою и при таяніи снѣговъ весною, горизонтальная рефракція бываетъ такъ велика и неравномѣрна, что нарушаетъ вѣрность обыкновеннаго математическаго вычислениія широтъ по времени сокрытия свѣтиль за горизонтомъ.

изъ чего заключили, что хозяинъ вышелъ на промыселъ.

По наблюдению высоты солнца, Августа 14-го находились въ широтѣ $74^{\circ} 48'$; склоненіе компаса было $1\frac{1}{2}$ румба восточное; устье губы Хотанги отстояло на SW $2^{\circ} 44'$, въ 30 миляхъ.

17-го, увидѣли губу, покрытую сплошнымъ льдомъ, мимо коего пробирались далѣе съ великимъ трудомъ, на глубинѣ отъ 2 до 14 сажень. Между льдомъ видѣли много острововъ, но за туманомъ величины ихъ опредѣлить не могли. По счисленію, мореплаватели наши полагали, что они въ 120 миляхъ отъ устья губы Хотанги, въ широтѣ $76^{\circ} 20'$.

18-го, держась подлѣ стоячаго льда, по препятствіямъ отъ льда плавающаго, шли впередъ весьма медленно. Высокія горы, покрытыя снѣгомъ, видимы были за низменнымъ берегомъ, въ отдаленіи на юго-западѣ. Море было наполнено буграми плавающаго льда, и въ губѣ стоялъ неподвижный, гладкій ледъ.

19-го, прошли мимо большой губы, которая простиравась на юго-западъ до 20 миль; впереди увидѣли два острова, и между ними проливъ, шириной около мили.

Прошедъ сіи острова, Прончищевъ держаль къ съверу, дабы обойдти сплошные, неломаные льды, пролегающіе изъ губы въ море; суда были подвержены непрестанной опасности быть раздавленными отъ льда. Въ полдень мореплаватели

нами полагали, что находятся противъ устья рѣки Таймуры, берега коей возвышены. Глубина моря поперекъ губы Таймурскаго устья была отъ 10 до 35 сажень *. Пробиваясь далѣе къ западу, видѣли между островами много плавающихъ бѣлугъ и летающихъ чаекъ. Это еще болѣе удостовѣряло, что были точно при устьѣ рѣки Таймуры **, но войдти въ него не имѣли возможности, по причинѣ стоявшаго сплошнаго льда, который, кажется, всегда неподвиженъ; у береговъ не видно было никакихъ заплесковъ, но отъ него простирались въ море льдяные закраины, по коимъ во множествѣ ходили бѣлые медведи. 20-го Августа, около полуночи, судно льдами сжало со всѣхъ сторонъ, такъ, что не было возможности идти далѣе, и потому, въ широтѣ съверной $77^{\circ} 29'$, Прончищевъ рѣшился, по совѣту своихъ подчиненныхъ, возвратиться, и идти зимовать въ рѣку Хотангу, или другое удобное мѣсто. Въ сіе время настала совершенная тишина, сдѣлался морозъ, и море покры-

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента сказано, что 18 Августа, съ 5 сажень вдругъ оказалось 113 сажень глубины, а вѣнчаго далѣе лотомъ дна недостали. Въ подлинномъ журнальѣ Прончищева о томъ ничего не упомянуто.

** Прончищевъ ошибался, полагая себя противъ устья Таймуры, впадающей въ губу по западной сторонѣ съверо-восточнаго мыса, котораго онъ не обошелъ, въ чёмъ легко можно уѣдостовѣриться, сравнивъ журналъ его съ описью лейт. Х. Лаптева и штурмана Челюскина.

лось льдомъ. Оставалось одно средство—пробираться назадъ греблею между льдовъ.

25-го, задуя крѣпкій сѣверный вѣтеръ, и судно со льдами понесло къ югу. Мореплаватели наши отчаявались въ свое м спасеніи, но на другой день, къ счастію ихъ, сильными порывами вѣтра разнесло весь ледъ и открылся свободный путь; тогда воспользовались благополучнымъ вѣтромъ, пришли къ устью рѣки Хотанги, но войти въ него не имѣли возможности, по множеству льда, и отъ того направили путь къ рѣкѣ Оленекъ; 28-го достигли ея устья; за противными вѣтрами и льдами носимы были шесть дней назадъ и впередъ. Весь экипажъ отъ стужи и трудовъ былъ въ великомъ изнеможеніи и едва управлялъ парусами, которые отъ мокроты и стужи оледенѣли. Прончищевъ, больной, не могъ выходить изъ каюты; болѣзнь его еще болѣе усилилась отъ отчаяннаго положенія его судна, и онъ, къ крайней горести всѣхъ подчиненныхъ, умеръ 30-го Августа. Послѣ него вступилъ въ начальствованіе судномъ штурманъ Челюскинъ.

3-го Сентября, мореплавателямъ нашимъ удалось войти въ устье Оленека. На другой день, они съ надлежащею почестью отдали послѣдній долгъ бывшему своему начальнику. Несчастная супруга Прончищева, бывшая съ нимъ въ его путешествіи, лишась нѣжно любимаго ею мужа, не перенесла такой потери; синѣдаемая печалью,

она вскорѣ за нимъ послѣдовала, и похоронена съ нимъ вмѣстѣ.

18-го Сентября, Оленекъ покрылся льдомъ. Штурманъ Челюскинъ зимовалъ при сей рѣкѣ; слѣдующаго 1737 года, въ исходѣ Іюля, вышелъ онъ на дубель-шлюбкѣ въ Ледовитое море, и предполагая, что послѣ тщетныхъ покушеній прошедшаго лѣта, и при очевидной невозможности миновать съверный Таймурскій мысъ, предпринимать вторичное плаваніе на западъ къ устью Енисея напрасно, рѣшился идти назадъ къ устью Лены, и по оной вверхъ возвратиться въ Якутскъ. По прибытіи въ сей городъ, не нашелъ онъ тамъ командора Беринга, который былъ тогда въ Охотскѣ, послалъ къ нему рапортъ о своемъ возвращеніи, и отправился въ С.-Петербургъ, для личнаго объясненія высшему начальству о плаваніи лейтенанта Прончищева. Адмиралтействъ-Коллегія, по разсмотрѣніи карты Ледовитаго Моря, представленной штурманомъ Челюскинымъ, не утвердясь на его объясненіяхъ о невозможности пройти къ рѣкѣ Енисею, положила, для большаго удостовѣренія, испытать еще разъ, не удастся ли слѣдующимъ лѣтомъ, на дубель-шлюбкѣ, по Ледовитому морю обойти съверный Таймурскій мысъ; когда же при всѣхъ усилияхъ сего сдѣлать было бы невозможно, тогда осмотрѣть и описать мысъ берегомъ. Штурманъ Челюскинъ отправленъ обратно въ Якутскъ; между тѣмъ командиромъ на

дубель-шлюбку опредѣленъ, вѣсто лейтенанта Прончищева, лейтенантъ Харитонъ Лаптевъ.

1739 г., лейтенантъ Лаптевъ, исправя дубель-шлюбку, и запасшись на два года провіантомъ, 9-го Іюня пошелъ отъ Якутска внизъ по рѣкѣ Ленѣ; 20-го Іюля, вышедъ въ Ледовитое море черезъ Крестовскій рукавъ, на устьѣ сего рука-ва построилъ изъ высокаго лѣса маякъ, выши-ною въ 7 саженъ, отпустилъ обратно въ Якутскъ дощники, кромѣ одного, который отправилъ къ устью Оленека, велѣвъ тамъ выгрузить про-віантъ, и на дубель-шлюбкѣ пошелъ къ запа-ду вдоль берега. Вскорѣ встрѣтилъ лѣды; про-должая путь между ними, миновалъ рѣку Оле-некъ, потомъ губу, покрытую стоячимъ льдомъ, по которому бѣгали во множествѣ песцы и одинъ бѣлый медвѣдь; губу сю называлъ онъ Норд-вигъ; наконецъ, 6-го Августа, пришелъ къ устью губы Хотанги. Въ семь мѣстъ лейте-нантъ Лаптевъ намѣренъ былъ выгрузить изъ дубель-шлюбки часть провіанта, но окружена-я со всѣхъ сторонъ льдомъ, который при-несло возставшимъ съвернымъ вѣтромъ, дубель-шлюбка была совершенно сжата, и ежеминут-но надлежало ожидать ея крушенія. Въ та-комъ опасномъ положеніи мореплаватели на-ходились до 16-го Августа; тогда перемѣнившійся вѣтеръ отнесъ лѣды въ море, и они про-должали путь къ съверу. На льдинахъ видѣли множѣство лежащихъ моржей.

20-го, прошли мимо мыса святаго Фаддея. Льды вновь прижимали дубель-шлюбку к берегу, и наконецъ стоячіе льды совсѣмъ заградили ей путь.

21-го, остановясь на якорѣ подлѣ самаго мыса св. Фаддея, въ широтѣ $76^{\circ} 47'$ по счислению, лейтенантъ Лаптевъ послалъ геодезиста Чекина по льду, узнать, далеко ли на западъ простирается матерой берегъ. Въ то же время два человѣка посланы къ югу берегомъ, отыскать устье рѣки Таймуры, и шестero на мысъ, для устроенія на немъ маяка; они нашли на самомъ мысѣ мамонтовый рогъ. «Мысъ св. Фаддея состоить изъ камennаго утеса, и простирается въ губу къ S и къ W; мѣстами мѣлкій камень, бѣлый, какъ алебастръ, вязкая глина, и изрѣдка мохъ, негодный для корма оленей.» Къ NW видѣли землю, и на ней высокія горы, мѣстами покрытыя снѣгомъ и простирающіяся оть N къ S около 30-ти верстъ. Лейтенантъ Лаптевъ полагалъ, что земля сія была та самая, оть которой, въ 1736 году, лейтенантъ Прончищевъ пошелъ въ обратный путь, а островъ, отстоявшій оть нихъ на NtW близъ 10-ти миль, признанъ за послѣдній къ съверу, въ прошедшую кампанію описанный, и названъ островомъ св. Лаврентія.

Геодезистъ Чекинъ возвратился, не разсмотрѣвъ, по причинѣ тумана, положенія берега; штурманъ Челюскинъ, посланный на берегъ для обозрѣнія моря, по возвращеніи донесъ, что

далъе къ съверу губа и море покрыты гладкимъ, сплошнымъ льдомъ, и что не видно никакого прохода. Тогда лейтенантъ Лаптевъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, рѣшился, по причинѣ приближающейся осени, и уже наступившихъ морозовъ, возвратиться.

На обратномъ пути, мореплаватели были подвержены непрестаннымъ опасностямъ отъ льдовъ, между коими пробирались съ великимъ трудомъ. Наконецъ, 27-го Августа, благополучно вошли въ Хотангу, гдѣ и остались зимовать, при устьѣ рѣчки Блудной. Въ семъ мѣстѣ нашли осѣдлыхъ Тунгусовъ, называемыхъ сидячими, потому, что не кочуютъ, а живутъ на одномъ мѣстѣ; они не имѣютъ оленей, а вместо ихъ, для зимней ъезды, держать собакъ, и запрягаютъ въ нарты, точно такъ, какъ Охотскіе сидячіе Тунгусы.

Экипажъ съ дубель-шлюбки перебрался на берегъ, въ избушки, которыя устроили изъ выкиднаго лѣса, но какъ по близости было его недостаточно и для построенія жилищъ, а къ согрѣванію въ зимнее время надлежало имѣть весьма большое количество дровъ, то всѣ служители должны были ходить за лѣсомъ ежедневно по нѣсколько верстъ. Сie безпрестанное движеніе много предохранило ихъ отъ цынготной болѣзни.

Лейтенантъ Лаптевъ, стараясь въ точности исполнить порученное ему изслѣдованіе о положеніи Таймурского мыса, отправилъ, 1740 года,

23-го Марта, геодезиста Чекина, на собакахъ, къ рѣкѣ Таймурѣ, для описи морскаго берега, отъ устья оной къ съверу лежащаго, до рѣки Пясины. Тунгусы взялись везти Чекина на своихъ семи нартахъ, запряженныхъ собаками. Двое оленныхъ Тунгусовъ, съ 18-ю оленями, согласились сопутствовать, но 9-го Апрѣля возвратились и объявили, что у нихъ всѣ олени отъ недостатка корма пали.

17-го Мая, геодезистъ Чекинъ, возвратясь, донесъ, что онъ, доѣхавъ до рѣки Таймуры, продолжалъ путь внизъ оной до морскаго берега, и потомъ вдоль оного къ западу до 100 верстъ. Тогда увидѣлъ, что направленіе берега прямо на югъ. Отъ сего мѣста, далѣе подлѣ моря слѣдовать онъ не могъ, по недостатку корма для собакъ, и долженъ былъ возвратиться, дабы поспѣшить къ зимовью.

Лейтенантъ Лаптевъ, зная изъ опыта, что съверный Таймурскій мысъ обойти моремъ невозможно, по причинѣ простирающагося отъ него сплошнаго неподвижнаго льда, не разсудилъ предпринимать вторичнаго плаванія и рѣшился идти къ устью Лены. Два раза выходилъ онъ въ море, но льды принуждали его возвращаться въ Хотангскую губу; 30-го Іюля вышелъ въ третій разъ, и съ великимъ трудомъ сталъ пробиваться между льдами къ востоку.

13-го Августа, дубель-шлюбку сжало льдами, выломило форштевень, и пробило подводную ея часть, отъ чего оказалась великая течь. Три дня

безпрестанно отливали воду, но какъ она не убывала, то сбросили пушки и прочія тяжести въ море, и начали выгружать провизію на ледъ, чтобы облегчить судно и спасти отъ погопленія.

Въ семъ бѣдственномъ положеніи, мореплаватели наши, находясь далеко отъ береговъ, носимые между льдовъ вѣтрами и теченіемъ, совершенно предались отчаянію и ожидали томительной смерти.

19-го, наставшій сильный морозъ покрылъ тонкимъ льдомъ полыя мѣста между льдинами; тогда нѣкоторые смѣлые изъ служителей дубель-шлюбы пошли пѣшкомъ по льду къ берегу, полагая, что онъ находится къ югу въ 20-ти верстахъ; во многихъ мѣстахъ встрѣчали полыни, черезъ которыхъ принуждены были переплыть на малыхъ льдинахъ, съ великою опасностію, и наконецъ благополучно достигли берега. Три дня послѣ того продолжавшійся морозъ покрылъ все море твердымъ льдомъ; лейтенантъ Лаптевъ, забравъ сколько возможно провизіи, перешелъ со всѣмъ экипажемъ на берегъ. Сначала обрадовались, достигнувъ твердой земли, но скоро увидѣли, что положеніе было не лучше прежняго, ибо не могли продолжать пути къ своему Хотангскому зимовью, по причинѣ рѣчекъ, которыхъ тогда еще не стали, но покрыты были густымъ несущимся льдомъ; должно было оставаться на пустомъ берегу, гдѣ не находили даже и дровъ, для согрѣванія себя и варенія пищи. Вырыли въ земль ямы, въ ко-

торыхъ укрывались отъ стужи и вѣтровъ; меж-
ду тѣмъ посыпали поперемѣни людей къ ду-
бель-шлюпкѣ, переносить на берегъ сухари и
прочую провизію, но 30-го, возставшимъ крѣп-
кимъ вѣтромъ, весь ледъ взломало и унесло въ
море, вмѣстѣ съ дубель-шлюпкой, и мореплава-
тели наши лишились большей части провизіи,
оставшейся на льдинахъ. Послѣ сего провели
три недѣли въ пустомъ мѣстѣ, претерпѣвая сту-
жу и голодъ, отъ чего многіе умерли, но при-
всемъ томъ оставшіеся сохранили бодрость, и съ-
твердостію, безъ роптанія, переносили свое не-
счастіе.

21-го Сентября, препрѣграждавшія путь рѣки по-
крылись крѣпкимъ льдомъ, и лейтенантъ Лап-
тевъ съ командою началъ пробираться къ преж-
нему своему зимовью. Путь былъ весьма труд-
ный и продолжительный; малую часть прови-
зіи, истощенные собаки везли на нартахъ; про-
чее несли служители на себѣ, прокладывая до-
рогу по неровнымъ и неизвѣстнымъ мѣстамъ;
наконецъ, изнуренные 25-ти-дневнымъ стран-
ствованіемъ, прибыли къ прежнему зимовью
на рѣкѣ Хотангѣ, лишась дорогого 12-ти че-
ловѣкъ, умершихъ отъ стужи, голода и бо-
лѣзней.

Лейтенантъ Лаптевъ расположился провести
зиму въ Хотангскомъ зимовье, и весною, какъ
скоро возможно будеть, пробираться со всею
командою къ устью рѣки Енисея, гдѣ нахо-
дился приготовленный въ магазинахъ провіантъ.

Въ данномъ ему наставлениі предписано было осмотрѣть и описать сѣверный мысъ, между рѣками Хотангою и Таймурою, и ежели сего не можно будетъ исполнить моремъ, то произвесть берегомъ, а потому, въ началѣ Апрѣля 1741-го года, онъ послалъ на собакахъ штурмана Челюскина къ рѣкѣ Пясинѣ, и велѣль ему, выкоряя собакъ и запасшись кормомъ у сидящихъ Тунгусовъ, живущихъ въ сихъ мѣстахъ,ѣхать на сѣверо-востокъ вдоль морскаго берега, къ устью рѣки Таймуры.

Лейтенантъ Лаптевъ, приготовляясь отправиться на встречу штурману Челюскину, и съ восточной стороны, кругомъ мыса Таймурского, описать берегъ, неосмотрѣнныи лѣтомъ, послалъ Апрѣля 8-го, на 19-ти нартахъ, провіанта и другихъ сѣбѣстныхъ припасовъ къ устью рѣки Таймуры и на озеро Таймурское , а 10-го отправилъ, на 60-ти оленыхъ санкахъ, команду свою къ устью Енисея.

22-го, геодезистъ Чекинъ поѣхалъ, на 3-хъ нартахъ, для описи морскаго берега до Таймуры, а 24-го лейтенантъ Лаптевъ, чрезъ тундру, къ Таймурскому озеру, куда прибылъ 30-го, миновавъ нѣсколько озеръ и рѣчекъ, по курсу NW, на разстояніи около 192 верстъ. Отъ сего мѣста до вершины рѣки Таймуры , истекающей изъ озера, полагалъ онъ 22 версты, по румбу WNW. Сѣверные берега озера и рѣки (ширина ея отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ верстъ) состоять изъ высокихъ горъ, образованныхъ изъ камня желтова-

таго цвѣта. Въ горахъ надъ берегомъ замѣтили пещеру, въ 5-ть сажень длины и въ 3 попе-регъ, коей стѣны состоять изъ чернаго аспида, а дно «камень бѣлый, какъ алебастръ.» Слѣдя по всѣмъ извилинамъ рѣки, Мая 6-го, Лаптевъ достигъ ея устья, гдѣ дожидались уже послан-ные впередъ нарты съ провизіею; по наблюде-нию широта сего мѣста найдена $75^{\circ} 36'$; скло-неніе компаса 2 румба восточное. Мая 10-го от-правились черезъ тундру на востокъ, дабы вы-ѣхать къ морскому берегу и онъ описать, но мучительная глазная боль принудила Лаптева возвратиться къ зимовью на устье Таймурское, куда и прибылъ онъ 17-го. Оставилъ запасы для геодезиста Чекина, которому надлежало непре-мѣнило быть къ зимовью, Лаптевъ отправился 20-го числа къ западу, на встрѣчу штурману Челюскину, производившему опись берега отъ рѣки Пясины къ востоку; въ полдень того же дня опредѣлилъ широту $75^{\circ} 33'$; 21-го прїѣхалъ къ скалистому мысу, гдѣ опредѣлилъ широту $75^{\circ} 49'$, и склоненіе компаса 2 румба восточное; про-должалъ описывать берегъ, слѣдя вдоль онаго по льду, который, по видимому, лѣтомъ былъ неподвиженъ; берегъ мѣстами крутой, мѣстами отлогой; въ полдень 24-го, по наблюденію,ши-рота мѣста $76^{\circ} 38'$.

Прїѣхавъ 3 версты къ SW, и удостовѣрясь, что направлениe берега идеть къ югу, лейтенантъ Лаптевъ поставилъ маякъ на примѣтномъ мысѣ, отъ которого, въ 17-ти верстахъ, прїѣхаль къ

маяку, построенному геодезистомъ Чекинымъ, въ 1740 году. 26-го, широта по наблюденію опредѣлена $76^{\circ} 23'$; въ семь мѣстъ нашли довольно много плавнику; на восточномъ берегу его не видно. 29-го, по наблюденію, широта найдена $75^{\circ} 37'$, а Іюня 1-го $75^{\circ} 21'$; берегъ возвышенный и на немъ отлогія горы. 2-го Іюня, лейтенантъ Лаптевъ встрѣтился съ штурманомъ Челюскинымъ, и съ нимъ продолжалъ путь вдоль берега, до устья рѣки Пясины, гдѣ находится Тунгусское жилье. Прибывъ къ оному Іюня 10-го, опредѣлили широту мѣста $73^{\circ} 39'$ (на подлинной карте штурмана Минина, устье сей рѣки въ широтѣ $73^{\circ} 38'$), а склоненіе компаса $21^{\circ}.00'$ восточное. Лаптевъ на пути видѣлъ маякъ, поставленный Миницкимъ, и въ лабазахъ оставлялъ съѣстные припасы для геодезиста Чекина.

На другой день по прибытіи къ жилью, лейтенантъ Лаптевъ отправилъ штурмана Челюскина берегомъ къ Енисею, а самъ, за худостію собакъ, остался весновать.

Штурманъ Челюскинъ, прибыль 29-го Іюля на устье рѣки Енисея, продолжалъ путь вверхъ рѣки, 4-го Августа соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ, который отъ устья рѣки Пясины пріѣхалъ на оленяхъ, прямымъ путемъ, чрезъ тундру. Августа 11-го сошлись со всею командою, которая ожидала начальника при устьѣ рѣки Дудина, впадающей въ Енисей въ широтѣ $69^{\circ} 40'$. Къ неудовольствію Лаптева, весьма неожиданно встрѣтилъ его и геодезистъ Чекинъ,

который, по недостатку въ разныхъ припасахъ, принужденъ былъ возвратиться къ Хотангъ, откуда прямымъ путемъ пріѣхалъ къ рѣкѣ Дудина. 29-го Августа, всѣ прибыли въ городъ Мангазею, гдѣ остались зимовать.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая довершить опись берега, простирающагося къ западу отъ мыса св. Фаддея, отправилъ, Декабря 4-го, штурмана Челюскина, на 5-ти нартахъ, и 8-го Февраля, 1742-го года, выѣхалъ изъ Мангазеи, на 5-ти же нартахъ, для произведенія описи.

Лейтенантъ Лаптевъ возвратился въ Мангазею Іюля 16-го, не пріобщивъ къ прежней описи ничего новаго; штурманъ Челюскинъ пріѣхалъ къ мысу св. Фаддея Мая 1-го, и занимаясь описью берега, удостовѣрился, что мысъ св. Фаддея не есть самая съверная оконечность Азіи; однакожъ, хотя и обѣѣхалъ онъ часть берега, которая до того времени не была описана, но какъ не произведено наблюдений для опредѣленія широтъ, и опись была весьма поверхностная, то о положеніи сего берега знаемъ токмо, что оный омываемъ океаномъ, не соединяясь ни съ какою неизвѣстною, къ съверу лежащею землею; изъ журнала Челюскина не видно даже счислимой широты самой съверной оконечности сего берега. Мая 15-го, находясь на описанномъ прежде берегу, Челюскинъ пріѣхалъ чрезъ тундру къ ближнимъ Якутамъ, и 20-го Іюля соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ въ Мангазеѣ.

Лейтенантъ Лаптевъ, со всѣми состоявшими

лье, рѣшились, съ общаго совѣта, возвратиться къ устью Лены. Августа 22-го вошли въ устье Быковскаго Протока, по которому съ великимъ трудомъ продолжали плаваніе, и отыскивая фарватеръ, становились часто на мѣль. 27-го усмотрили по полярной звѣздѣ склоненіе компаса 3°. 00' восточное, «и въ тотъ же день вступили въ рѣку, близъ такъ называемаго Столба,» гдѣ глубина была 20, 15, 10 сажень, а далѣе вверхъ рѣки, по фарватеру, 5, 3, 2 сажени. 6-го Сентября вошли въ рѣку Хуматорки, гдѣ остались зимовать. Вскорѣ послѣ того понесло по рѣкѣ густой ледъ, и 8-го числа Лена имъ покрылась. Во время зимы у многихъ изъ служителей оказалась цынга, отъ которой избавлялись движениемъ, и декогтомъ изъ коры и шишекъ кедроваго кустарника.

Лейтенантъ Лаптевъ послалъ къ командору Берингу, находившемуся въ Якутскѣ, донесеніе о своемъ плаваніи и невозможности пройдти по Ледовитому морю около мысовъ Борго и Святаго, простирающихся между рѣками Леною и Индигиркою далѣе прочихъ къ сѣверу; стоявшіе около сихъ мысовъ сплошные льды препятствовали идти далѣе. Якуты уверяли, что льды никогда не относить отъ береговъ. Лаптевъ доносилъ, что всѣ покушенія, которыя впредь предприняты будутъ, считаетъ онъ тщетными, и потому просилъ позволенія возвратиться съ дубель-шлюпкою въ Якутскѣ; командоръ Берингъ позволилъ ему сіе исполнить.

1737 года, Мая 29-го, пошел лейтенантъ Лаптевъ вверхъ по Ленъ, на глубинѣ 4, $3\frac{1}{2}$ и 3-хъ саженъ. По возможности производилъ онъ опись рѣки, и 2-го Июня прибылъ въ Якутскъ. По приказанію Беринга, Лаптевъ отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія о своемъ плаваніи высшему начальству, представилъ Адмиралтействъ Коллегіи карту своего путешествія, и объяснилъ затрудненія и препятствія, которыя не позволяли ему пройти по Ледовитому морю къ устью рѣки Колымы. Коллегія донесла о томъ Правительствующему Сенату. Карты и журналъ лейтенанта Лаптева были разматривае-мы въ Сенатѣ, и положено еще разъ сдѣлать покушеніе отъ рѣки Лены по Ледовитому морю къ востоку, и когда невозможно будетъ пройти моремъ, тогда произвестъ опись морскаго берега сухимъ путемъ, на собакахъ, или на оленяхъ. Въ слѣдствіе сего Лаптевъ отправленъ обратно въ Якутскъ.

1739 года, весною, посланъ сухимъ путемъ изъ Якутска матросъ Лошкинъ, описывать берегъ отъ устья Лены до Святаго Носа. Между тѣмъ боть Иркутскъ былъ исправленъ и снабженъ прови-зію, и 7-го Июня Лаптевъ отправился на немъ изъ Якутска внизъ по Ленъ; 21-го Июля, Бы-ковскимъ рукавомъ, вышелъ онъ изъ устья рѣки въ Ледовитое море. Тогда возвратился на ботъ матросъ, посыпанный берегомъ, для описи мы-совъ Борго и Святаго.

23-го Июля ботъ стоялъ за Быковскимъ мысомъ,

укрывалась отъ носившихся въ морѣ льдовъ; широту мыса Лаптевъ опредѣлилъ по счислению $71^{\circ} 42'$. Въ то время штурманъ Щербинъ ѣздила описывать берегъ къ мысу Борго, и нашелъ простирающуюся отъ мыса, отъ 2-й до 7 мили, между N и NNO, отмѣль, примѣтную по стоящему на ней льду.

24-го, ботъ вышелъ въ море, пробираясь между мѣлей, которыми фарватеръ до острова Быковскаго весьма стѣсненъ; производя опись губы Борго, лейтенантъ Лаптевъ, 8-го Августа, подошелъ къ мысу Борго, на глубину 12 сажень; широта мыса найдена Лаптевымъ $71^{\circ} 55'$. Того же дня обошли отмѣль, и 11-го Августа находились уже противъ устья Яны, гдѣ положили якорь. Въ семь положенія, наставшимъ жестокимъ съвернымъ вѣтромъ понесло много льду прямо на ботъ, но, къ счастію, огромнѣйшія льдины остановились на мѣли, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бота, удерживая собою мѣлкій ледъ. Немногія льдины однакожъ прорывались, проплывали мимо бота, и доставили командѣ случай убить нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей, на нихъ лежавшихъ.

Лодка, посланная для промѣра фарватера, нашла въ устьѣ рѣки Яны 6 и 7 фут. глубины, а нѣсколько выше по теченію глубина увеличилась отъ 3 до 10 сажень.

13-го, съ попутнымъ вѣтромъ, лейтенантъ Лаптевъ снялся съ якоря, и продолжалъ плава-

ніе къ Святыму Носу. Лотъ показывалъ отъ 2 до 10 саженъ.

14-го, западный вѣтеръ обратилъ въ шториъ, почему, опасаясь набѣжать на мѣль, положили якорь, а 15-го, по укрошениіи вѣтра, вступили опять въ путь; того же дня прошли Святой Носъ, положенный на картѣ Лаптева въ широтѣ 72° 50'. Продолжая плаваніе къ О, имѣли глубины 18, 17, 13 саженъ; по приближеніи къ берегу на $\frac{1}{4}$ Нѣмецкой мили глубина уменьшалась до 2 саженъ. Проплыvъ 26 миль и 7 отъ Св. Носа, увидѣли островъ *Меркуриевъ* на NO, а въ 16 Ит. миляхъ далѣе усмотрѣли и островъ Св. Діомида, на NNW $\frac{1}{4}$ W, въ $3\frac{1}{2}$ Нѣмецкихъ миляхъ *.

16-го, по причинѣ густаго тумана, пролежали на якорѣ; 17-го, западнымъ вѣтромъ воздухъ очистился, почему и пошли въ путь; 18-го, проплыvъ около 105 миль отъ Св. Носа вдоль берега, увидѣли въ морѣ островъ, по румбу ONO, но вдругъ нашедшая пасмурность не позволила обстоятельно разсмотрѣть сего открытія, почему Лаптевъ приказалъ положить якорь и дожидаться ясной погоды. На другой день, когда воздухъ былъ чистъ, мореплаватели увирились въ обманѣ: мнимый островъ превратился въ массу высокихъ ледяныхъ горъ, подобныхъ которымъ

* Кажется, сіи два острова лежали въ весьма близкомъ между собою разстояніи, и, вѣроятно, почитались за одинъ островъ, ибо на картѣ Лаптева островъ Меркурія не назначенъ, а Св. Діомида положенъ согласно съ журналомъ. Мы ниже увидимъ, что сіи острова нынѣ не существуютъ.

носились по морю во множествѣ и во всѣхъ направленияхъ. 19-го пошелъ большой снѣгъ, при юговосточномъ вѣтрѣ, противъ котораго лавировали, ложась въ темныя ночи, или при пасмурности, на якорь. 21-го, сильное теченіе отъ SO, по одному направленію съ вѣтромъ, весьма затрудняло лавировку; 22-го, пришедъ на прѣсную воду, остановились на якорѣ, и послали шлюпку провѣдать, противъ какой рѣки находятся. Между тѣмъ, прежде возвращенія шлюпки, 24-го насталъ штурмъ, отъ SO, съ сильнымъ съ той же стороны теченіемъ, такъ, что съ трудомъ боть отстоялся на якорѣ; 26-го буря нѣсколько смягчилась. Замѣти, что вода получила соленый вкусъ, подошли ближе къ берегу, дѣлая изъ пушекъ частые призывные сигналы не возвращавшейся съ берега шлюпкѣ. Отъ SO напосило на боть много льда, для избѣжанія коего безпрестанно должны были перемѣнять мѣсто, что конечно всегда было сопряжено съ трудами, тѣмъ болѣе тягостными, что стужа увеличивалась и снѣгъ весьма часто падалъ. Лучшее убѣжище находили за огромнѣйшими льдинами, служившими отводами мѣлкимъ, однакожъ и то не спасло боть отъ поврежденія форштевеня и самаго борта, что съ великимъ трудомъ исправили.

31-го, находясь опять на прѣсной водѣ, лейтенантъ Лаптевъ послалъ штурмана на шлюпкѣ къ берегу, для отысканія удобнаго мѣста къ зи-

мованію. Штурманъ съ великимъ трудомъ до- брался до берега.

1-го Сентября море покрылось льдомъ, при восточномъ вѣтрѣ, который дулъ уже нѣсколько дней сряду. Въ семъ положеніи дѣлали безпрерывные, но тщетные сигналы посланнымъ на берегъ шлюпкамъ. Положеніе команды и бота сдѣмалось еще затруднительнѣе, когда 4-го числа насталъ жестокій вѣтръ отъ WSW, дѣйствіемъ которого вода стала прибывать, ледъ изломало и ботъ понесло къ NO, съ 10 футовъ глубины на 5 сажень, по $2\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Къ счастью, вѣтеръ перемѣнился черезъ сутки, и утвердясь въ NW четверти, приблизилъ ботъ къ берегу. Наконецъ на 7-е число настало безвѣтріе, а 9-го судно, на 12 футахъ, совершенно замерзло, находясь въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ къ югу отъ образовавшагося изъ льдовъ высокаго вала.

Мореплаватели, не зная какъ далеко отъ берега судно ихъ замерзло, и противъ какого мѣста находилось, не осмѣливались идти къ берегу по нетвердому еще льду, и оставались въ бездѣйствіи до 20-го Сентября; тогда посланный на берегъ въ шлюпкѣ, 31-го Августа, штурманъ возвратился на ботъ, пѣшкомъ по льду, и привелъ съ собою Якутовъ съ устья рѣки Индигирки; они объявили, что устье ближняго рукава сей рѣки отстоитъ отъ бота въ 50 верстахъ, и что недалеко отъ него есть Русское зимовье. Такимъ извѣстіемъ мореплаватели чрезвычайно были обрадованы; въ то же время нѣкоторые от-

правились пѣшкомъ на берегъ , а 24-го числа и вся остальная команда перебралась съ бота въ Русское зимовье ; Якуты перевезли на собакахъ часть провизій.

Лейтенантъ Лаптевъ проводилъ здѣсь зиму не безъ пользы ; онъ послалъ геодезиста Киндякова, на нартахъ , описывать берегъ до Колымскаго устья, а самъ ъездилъ для описей на рѣку Хрому, которую нашелъ столь мѣлкою, что однімъ лодкамъ входить можно. Говоря вообще о морскомъ берегѣ къ востоку отъ Св. Носа, Лаптевъ замѣчаетъ, что обширныя отмѣлы простираются отъ него въ море, на такое разстояніе, что низменный берегъ въ рѣдкихъ мѣстахъ съ моря усматривается. При устьяхъ Индигирки, въ 30 верстахъ и болѣе отъ моря, лежитъ въ изобиліи наносный лѣсъ, между тѣмъ, какъ у самаго моря его нѣть.

По наступленіи весны 1740 года, Лаптевъ предпринялъ спаси ботъ. Для того, со всею своею командою , разбивалъ онъ ледъ , съ чрезвычайнымъ трудомъ ; въ Іюнѣ мѣсяцѣ привелъ судно въ безопасное мѣсто , сталь исправлять его починкою и въ исходѣ Іюля приготовился къ походу.

Іюня 15-го опредѣлили по полуденной высотѣ солнца широту въ устьѣ рѣки Индигирки , $70^{\circ} 58'$; склоненіе компаса $7^{\circ}. 00'$ восточное.

31-го Іюля Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое море, направя путь къ востоку вдоль берега. 2-го

Августа миновалъ устье рѣки Алазеи, коего широту нашелъ по счислению $70^{\circ} 58'$.

3-го Августа усмотрѣли островъ, нынѣ именуемый Первымъ Медвѣжимъ, къ которому подошли вплоть, имѣя $3\frac{1}{2}$ сажени глубины. Лейтенантъ Лаптевъ назвалъ его именемъ *Святаго Актомія*, и нашелъ по счислению широту средины $71^{\circ} 00'$. Спѣша воспользоваться безледностью моря, продолжалъ онъ плыть къ востоку, а 4-го числа, находясь противъ устья *Средней Колымы*, остановился на якорѣ, пославъ шлюпку промѣривать фарватеръ рѣки. Давши о себѣ знать въ ближнее селеніе, Лаптевъ пошелъ 8-го числа далѣе; вскорѣ показались льды, между которыми плылъ онъ къ востоку съ великимъ трудомъ; 9-го находились у Малаго Баранова Камня; 10, 11 и 12, при западномъ вѣтрѣ, шло теченіе на OSO, по два узла въ часъ, отъ чего огромныя льдины наносимы были на ботъ, не находившій надежнато прикрытия у приглубаго и ровнаго берега.

14-го числа, будучи у Большаго Баранова Камня, остановлены льдянымъ полемъ, примкнувшись вплоть къ берегу. Лейтенантъ Лаптевъ направилъ путь обратно въ Колыму. Сего числа имѣли сильное теченіе отъ W; 15-го, ботъ вошелъ благополучно въ Средне-Колымское устье, гдѣ имѣли глубины отъ 9 до 14 футовъ, а прошедь Каменное (холмъ на Мерхояновомъ островѣ) глубину нашли отъ 2 до 7 саженъ. 24-го находились противъ Нижне-Колымскаго острога,

гдѣ тогда было 10 жилыхъ домовъ ; здѣсь Лаптевъ расположилъ свою команду для зимовки.

28-го, Лаптевъ, по обсервациѣ, нашелъ широту острога $68^{\circ} 31'$, а 31-го числа наблюденіе показало $68^{\circ} 34'$ широты ; склоненіе компаса $8^{\circ} 30'$ восточное.

Дабы получить понятіе о точности наблюденій лейтенанта Лаптева, сравнимъ широты главныхъ пунктовъ, выведенныя симъ мореплавателемъ, съ наблюденіями новѣйшихъ обсерваторовъ :

Лаптева. Въ 1823 г.

Мысъ Борго. $71^{\circ} 55'$ $71^{\circ} 56'$

“ Святой Носъ $72^{\circ} 50'$ $72^{\circ} 54'$

Нижне-Колымскій острогъ. . $68^{\circ} 33\frac{1}{2}'$ $68^{\circ} 32'$

Въ продолженіе зимы лейтенантъ Лаптевъ построилъ двѣ лодки , на которыхъ съ болѣею удобностію полагалъ предпринять плаваніе въ будущемъ лѣтѣ.

1741 года , по вскрытии рѣки Колымы , 8-го Іюля , вышелъ онъ на ботѣ въ Ледовитое море, и плылъ на востокъ ; лодкамъ велѣлъ идти впередъ и промѣривать глубину ; посланный на нихъ штурманъ долженъ былъ давать знать сигналами , гдѣ найдеть удобный проходъ между льдами для безопаснаго плаванія. Такимъ образомъ лейтенантъ Лаптевъ , при противныхъ болѣею частію вѣтрахъ , подвигался медленно впередъ ; 5-го Августа навалила на боту льдина , возвышавшаяся около 15 сажень надъ водою , и угрожавшая боту гибелю , но однакожъ счастливо избѣгли опасности. Того же числа , находясь въ

30 миляхъ Ита., отъ Лаптевскаго моря на Когльмъ, у высокаго каменнаго утеса, встретили непроходимые льды, остановившіе дальнѣйшее плаваніе, почему 7-го предприняли обратный путь въ Нижне-Комысъ, куда 10-го прибыли благополучно, вошедъ въ рѣку восточныи ся устьемъ.

И такъ мы видимъ, что лейтенантъ Лаптевъ, какъ прошлаго года, такъ и теперь, не могъ обойти Большаго Баранова Камня, бывшаго крайнимъ пунктомъ къ востоку, до котораго доведена опись берега, осмотрѣнаго съмъ удовѣніемъ офицеромъ отъ рѣки Лены на 37° разности долготы,

Лейтенантъ Лаптевъ, желая исполнить порученную ему опись рѣки Анадыра, и увѣрившись въ невозможности достигнуть сей рѣки моремъ, рѣшился на трудный и опасный походъ, со вѣю командорю, черезъ горы и страну, обитаемую злодѣйами, наимъ Чукчами.

1741 года, Октября 27-го, выступилъ онъ изъ Нижне-Комысскаго, сопровождаемый 45 нартами. Находясь на границѣ Чукотскихъ кочевьевъ, близъ Лобазнаго, на Большомъ Аниюѣ, Ноября 4-го, Лаптевъ, отданнѣмъ по командѣ приказомъ, установилъ воинскій порядокъ, который надлежало соблюдать со строгостью на походѣ черезъ непріятельскую землю.

Слѣдя вверхъ рѣки Большаго Ания, поголь неревались чрезъ хребеть горъ на рѣку Яблонь, впадающую въ рѣку Анадырь, путешественники,

Ноября 17-го, достигли благополучно Анадырского острога, не видавъ на всемъ пути ни одного ияородца. Въ острогъ провели они остальную часть зимы, и встрѣтили здѣсь 1742 годъ, «призываю Бога Всемогущаго на помощь.»

Въ журналѣ Лаптева, подъ Февралемъ мѣсяцемъ, сказано : «Отъ 26-го до 28-го числа, по ночамъ, видима была чрезобычайная звѣзда, или комета, которая являлась около полуночи; хвостъ отъ нея долгой, острой, лежащей къ югу, а иногда къ концу хвоста раздѣляется на двое острыми же концами; свѣтлостью на подобie звѣздъ, а къ зарѣ хвостомъ поворачивается къ W и отемнѣаетъ, и остается одна звѣзда.»

Марта 13-го, Лаптевъ, по полуденной высотѣ солнца, опредѣлилъ широту Анадырского острога $64^{\circ} 54'$; склоненіе компаса $20^{\circ}. 00'$ восточное.

Июня 9-го пошелъ онъ, на двухъ новопостроенныхъ лодкахъ внизъ Анадыра, но, по причинѣ разлитія рѣки, не могъ дѣлать ей описи, которую началь Іюля 11-го, находясь близъ устья оной. Къ осени, возвратившись въ острогъ, Лаптевъ, Октября 19-го поѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, оттуда въ Якутскъ; въ сей городъ прибыль онъ Марта 8-го, 1743 года, послѣ семилѣтняго отсутствія. Отъ капитана Чирикова получилъ онъ здѣсь предписаніе отправиться немедленно въ С. Петербургъ, для донесенія о своемъ путешествіи вышшему начальству.

Описаніе сихъ путешествій представляетъ читателю рядъ опасностей, трудовъ и неудачъ, про-

тивъ коихъ плаватели наши должны были вооружаться твердостю духа, неутомимымъ рвениемъ въ исполненіи своихъ обязанностей и мужественнымъ терпѣніемъ, сими отличительными свойствами мореходцовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Не ослѣпляясь пристрастіемъ, мы невольно должны признаться, что подвиги лейтенантовъ Прончищева, Ласиніуса, Харитона, и особенно Дмитрія Лаптевыхъ, заслуживаютъ удивленіе потомства. Журналы сихъ дѣятельныхъ офицеровъ, конечно, во многомъ недостаточны; мало, или почти вовсе не знакомятъ они насъ съ обитателями Сибири, не касаются предметовъ физическихъ и естественной исторіи, и самое производство описи оставляетъ желать еще многаго. Но это не умаляетъ достоинства офицеровъ въ глазахъ справедливаго потомства, видящаго въ недостаткахъ одно несовершенство средствъ того времени.

Относительно гидрографическихъ операций замѣтимъ вкратцѣ: оть Бѣлаго моря къ востоку описанъ матерой берегъ Сибири съ моря на судахъ, плававшихъ вдоль береговъ, не всегда въ такомъ оть нихъ разстояніи, чтобы опись могла быть точнаю, тѣмъ менѣе, что мореплаватели, стараясь пользоваться вѣтрами, погодою, и другими благопріятвыми обстоятельствами для плаванія къ востоку, не могли терять времени въ подробной описи береговъ, бухтъ, гаваней, опредѣленіи примѣтныхъ мысовъ и въ промѣрахъ глубинъ, вездѣ, гдѣ для безопасности мореплаванія то было бы нужно. Однакожь опись и

не вовсе лишена астрономическихъ наблюдений
широкъ и премъровъ глубинъ, какъ въ близкихъ
расстояніяхъ отъ береговъ, такъ и въ фарватер-
ахъ главнѣйшихъ рекъ Сибири, и карты Оль-
ицына, Минина, Челюскина, Прончищева и обо-
ихъ Лаптевыхъ представляютъ целило гидро-
графическихъ подробностейъ въ изображеніи бе-
реговъ и прилежащихъ къ нимъ острововъ, отъ
Обской губы до устья реки Таймуры, и отъ
реки Оленека до Баранова Камня.

Но какъ описъ, большую частію, основана
на счислениі, подверженномъ неподважнымъ по-
грѣшностямъ отъ теченій и безпрерывныхъ по-
воротовъ въ льдахъ, и поелику наблюденія для
широкъ не всегда были надежны, а для долготъ
и вовсе ихъ не двлано, то она могла служить
только приготовительнымъ началомъ другой вѣ-
нѣйшей описи.

Отъ устья Таймуры до мыса св. Фаддея берегъ
не могъ быть обойденъ на судахъ, и весьма по-
верхностно осмотрѣнъ зимою по льду, на соба-
кахъ, штурманомъ Челюскинымъ, такъ, что по-
ложеніе съверо-восточного, иначе Таймурскаго,
т. е. самаго съвернаго мыса Азіи, остается неб-
предѣленнымъ.

Затрудненія и опасности, въ сихъ путеше-
ствіяхъ испытанныя, и невознаградившіяся же-
ланными успѣхами, послѣ 20-ти лѣтняго без-
дѣйствія, казалось, усугубили духъ предпріи-
чивости.

Въ 1760 году, Якутскій купецъ Шалауровъ

построилъ при рѣкѣ Лентѣ, на собственное изживеніе, галють (по Коксу, шитикъ), на которомъ намѣревался совершить плаваніе вокругъ сѣверо-восточной Азіи въ великой Океанѣ, или въ Камчатку. Г. Берхъ (Хронологической Исторіи, часть I, стр. 144), говорить, что Шалауровъ побуждался къ такому предпріятію находкою мамонтовыхъ роговъ на островѣ, открытомъ до его отправленія Якутомъ Етериканомъ, и исключительными правомъ, даннымъ купцу Лахову промышлять ихъ — миѳніе, которое частію подтверждается и въ Сибирскомъ Вѣстнике на 1822 годъ, съ прибавлениемъ, что Шалаурова путешествіе имѣло цѣлью и открытие земли, полагавшейся противъ устья Колымы. Однакожъ Шалауровъ не пытался простираять своего плаванія отъ устья Колымы далеко на сѣверъ; также изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно, чтобы онъ искалъ мамонтовыхъ юмыковъ. Напротивъ, Шалауровъ старался единственно обойти Шелагский мысъ, и плыть далѣе на востокъ, стремясь за слово разрѣшенія вопроса о сѣверо-восточномъ проходѣ изъ Атлантическаго въ великий Океанъ — сей славѣ принесъ онъ въ жертву и имѣніе свое и самую жизнь.*.

* Въ 1755 году состоялся Сенатскій указъ, о дозволеніи купцамъ Бахову и Шалаурову предпринять путешествіе, для отыскавія по сѣверному морю пути въ Камчатку. Въ самой текстѣ указа сказано, чтобы Устюжскимъ купцамъ Ивану Бахову и Никитѣ Шалаурову для своего промысла, ко изысканію отъ устья Лены рѣки, по сѣверному морю, до Колымы и Чукотскаго Носа, отпускъ имъ учинить.

Сокращенное известіе о плаваніи несчастнаго Шалаурова взято мною изъ известнаго сочиненія Кокса и Сауерова описанія путешествій Билингса. Иные достовѣрнѣшіе и полнѣшіе источники миъ неизвѣстны *.

Въ 1760 году, Шалауровъ съ Баховымъ поплыли на галіотѣ внизъ по Ленѣ. По причинѣ ледовитости моря прошли они недалѣе рѣки Яны, при которой и зимовали.

Въ Іюль 1761 года вышли они изъ рѣки Яны въ море. Для избѣжанія льдовъ, Шалауровъ держался близъ береговъ, и обошѣдь 6-го Сентября Святой Носъ, открытымъ на сѣверъ, въ маломъ разстояніи, гористую землю. Онъ продолжалъ плаваніе къ востоку, но встрѣчая препятствія отъ вѣтра и льдовъ, прошелъ не прежде 15-го числа черезъ проливъ, находящійся между Сибирскимъ берегомъ и островомъ Діомида. 16-го числа, получивъ попутный SW вѣтеръ, поплыли безпрепятственно по чистому отъ льдовъ морю, и въ 24 часа прошли устье Индигирки; 18-го миновали Алазею. Вскорѣ за симъ, галіотъ, находясь между Медвѣжими островами и матерымъ берегомъ, былъ совершенно окружены льдами, отъ коихъ освободясь, Шалауровъ, по позднему времени, вошелъ въ рѣку Колыму на зимовку. Команда тотчасъ построила на берегу избу, окруживъ ее сиѣжнымъ валомъ, и баттарееко изъ быв-

* Въ Гидрографическомъ Департаментѣ Морскаго Министерства хранится карта Шалаурова, съ приписками, которыми я также въ семь обозрѣній воспользовался.

шихъ на суднѣ пушекъ. Дикие одесы табунами приходили къ саму .мѣсту , и были убиваемы изъ завала. Передъ наступленiemъ зимы , пошли вверхъ по рѣкѣ рыба, нельмы, муксуны и омули, которая , доставляя мореплавателямъ въ изоби-ліи свѣжую пищу, предохраняла ихъ отъ цынги; однакожъ въ началѣ слѣдующаго года умеръ отъ сей болѣзни Иванъ Баховъ , оставилъ Шалаурова безъ помощника.

Въ 1762 году, устье Колымы очистилось отъ льдовъ не ранѣе 21 Июля. Тогда Шалауровъ вы-шелъ изъ рѣки въ море , и до 28-го плыть на NO и NO $\frac{1}{4}$ O. Вышедъ на берегъ, сыскать онъ склоненіе компаса 11° 15' восточное. Противный вѣтрь и послѣдовавшее за тѣмъ безвѣтrie понудили его положить якорь , и держали галіотъ на мѣстѣ до 10-го Августа ; тогда, съ подувши мъопутнымъ вѣтромъ, вступилъ онъ подъ паруса, и старался держать не сѣвернѣе NOrO ; но га-лиотъ былъ увлекаемъ огромными массами льда, несомаго сильнымъ теченіемъ , которое , каза-лось, направлено было къ западу, по одной вер-стѣ въ часъ. 18-го, при пасмурной погодѣ, пла-ватели , противъ ожиданія , увидѣли себя близъ берега , возлѣ «яру сѣраго песку ,» названнаго Пещаный мысъ. Впереди плавало немалое число ледяныхъ острововъ , которые 19-го числа га-лиотъ окружили и совершенно затерли *. Въ

* На Шалаурова картѣ надписано : «За покрытиемъ туманомъ берега , и за неизвѣстнымъ моретеченіемъ , яко къ станѣ мяты мѣдныи загустились , а сзади наплыло много льдовъ и судно при-

такомъ положеніи, и всегдашнem туманѣ, остался Шалауровъ до 23-го числа; тогда удалось ему выскободиться изъ окружавшихъ его льдинъ, и держася NO, войдти въ довольно чистое отъ льдовъ пространство моря; но противные вѣтры склоняли его къ SO и къ О, среди болыпихъ яссы пловучаго льда; прошедь черезъ нихъ, онъ ожидать направилъ плаваніе къ NO, дабы обойти Шелагскій мысъ, но не дошедъ до него, встрѣтилъ противные вѣтры, побудившіе его, по позднему времени, искать мѣста для зимовки. Въ такомъ памъреніи поплылъ Шалауровъ на StO, къ отверстой губѣ, находящейся по западной сторонѣ Шелагскаго мыса и никакъ прежде его не описанной. Онъ вошелъ въ нее 25-го числа, проливомъ между материкомъ и островами Араутанъ, а 26-го попалъ на мыль, у низменной оконечности, противъ устья рѣки Пахля. Съ великимъ трудомъ стащивъ свое судно на вольную воду, поплылъ Шалауровъ на берегъ, искать удобнаго мѣста для зимованія. Онъ нашелъ две рѣчки, но какъ тутъ не было ни растущаго, ни наноснаго лѣса, то, ища другаго мѣста, плавъ бы по южной сторонѣ губы, въ виду и въ близкомъ разстояніи отъ берега, до острова Сабадел*.

15-го Сентября, находясь противъ узкаго про-
тиснило, а стояли до 23-го числа, иначе за незнаніемъ въ такой близости поперечного берега, а ежелиъ выдали чтобъ миновали Шелагскій мысъ и препятствіемъ спаслись."

* На карте Шалаурова островъ названъ Заведей.

ліва, между островомъ Сабадеемъ и материкомъ, увидѣли Чукотскіе шалаши, коихъ жители убѣжали, когда Шалауровъ къ нимъ приблизился.

8-го числа, въ полдень, онъ находился у SO оконечности острова Сабадея; 10-го, будучи въ 10 миляхъ къ NW отъ Пещанаго мыса, за безвѣтремъ, «положили дрехтъ на льдину, и плыли по течению 5 верстъ» къ WSW; около сего времени увидѣли къ NOrN, въ дальнемъ разстояніи, гору*.

12-го числа, Шалауровъ вошелъ въ Колыму и занялъ прежнее мѣсто для зимовки. У Кокса упомянуто, что Шалауровъ замѣтилъ двѣ привлѣчательныя скалы, близъ того мѣста, где берегъ заворачивается къ NO, и проявивъ между островомъ Сабадеемъ и материкомъ; что одна скала названа Залчимъ Камнемъ, и подобна со-тнутому рогу, а другая Баранай Камень, въ видѣ груши, то есть, верхъ шире низа, и возвышается надъ горизонтомъ воды на 29 ярдовъ. Такихъ названий на картѣ Шалаурова нѣть, да и трудно опредѣлить: какія скалы, или горы Шалауровъ разумѣть? Гора, известная нынѣ подъ названіемъ Баранова Камня, ни малъшаго следства съ грушю не имѣть, а по всему берегу Ледовитаго моря до Шемагского мыса, я не за-

* У Кокса сказано, что Шалауровъ, 2-го Сентября, обошелъ островъ Сабадей, и тогда теченіе было по 5 верстъ въ часъ; но я основывался на оригиналлной картѣ Шалаурова, приписки въ ней совершенно объясняютъ его излаваніе.

и́метъ ни одной согнутой на подобіе рога горы, или скалы.

На картѣ Шалаурова, берегъ Ледовитаго моря, оть рѣки Яны до Шелагскаго мыса, изображенъ съ геодезическою вѣрностію, дѣлающею немалую честь сочинителю. Губа Чаунъ прежде него ни кѣмъ не осмотрѣна, да и потомъ морской описи съ промѣромъ тутъ не было. Широты около $1\frac{1}{3}^{\circ}$ избыточно невѣрны, и, вѣроятно, обсервованныхъ не было, что не касается берега между Колымою и Леною, который, кажется, снятъ съ описи Дмитрія Лаптева, о коей говорено было выше. Острова Араутанъ назначены на Шалаурова картѣ въ губѣ Чаунъ, точно на своихъ мѣстахъ, и не видать на ней третьяго островка, нарисованнаго у Кокса близъ Шелагскаго мыса, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, онъ вовсе не существуетъ. Относительно усмотрѣнной Шалауровыми горы по румбу NOrN, я долженъ замѣтить, что въ 1822 году находились мы на сей линіи, въ 75 Итал. миляхъ, оть пункта, съ котораго Шалауровъ думалъ видѣть землю, но хотя погода и горизонтъ довольно были ясны, однакожъ мы ничего похожаго на землю не замѣтили, почему полагаю, что ледяная гора ввела Шалаурова въ заблужденіе.

Склоненіе компаса у Баранова Камня показано Шалауровымъ $11^{\circ} 15'$ восточн., Биллингсомъ, въ 1787 году, $17^{\circ} 12'$ восточн., а мною, въ 1822 году, $12^{\circ} 35'$ восточн. Теченіе моря, испытанное мною, подтверждаетъ то, что и другими мореплава-

вателями замѣчено въ семъ морѣ, гдѣ лѣтомъ воды стремятся отъ востока на западъ.

Путь Шалаурова въ 1761 году показываетъ, что островъ Діомида, къ востоку отъ Святаго Носа, еще существовалъ въ то время, и точно на томъ мѣстѣ, гдѣ Дмитрій Лаптевъ, въ 1739 году, его видѣлъ. Но при описяхъ, учиненныхъ Геденштремомъ въ 1810, и лейтенантомъ Анжу въ 1823 году, островъ сей не найденъ, и прежняго существованія его не осталось даже и въ преданіяхъ промышленниковъ, которые весьма часто въ сихъ мѣстахъ разъезжаютъ. Лаптевъ и Шалауровъ изображаютъ берегъ отъ Святаго Носа къ рѣкѣ Хромѣ съ изгибами, и не такою прямою чертою, какъ по послѣдней описи онъ оказался, а островъ Діомида положенъ на обвихъ картахъ отъ Св. Носа въ 45 миляхъ на NO, 78° по правому компасу, и въ 18 Итал. миляхъ отъ ближайшаго берега. Сравнивая сіи карты съ картою лейтенанта Анжу, мы съ перваго взгляда удостовѣряемся, что островъ Діомида не присоединился къ берегу *, а, вѣроятно, смыть, или сдвинутъ отъ сильнаго напора льдовъ; та же причина могла сравнить и низменный берегъ къ востоку отъ Святаго Носа.

Усмотрѣнная Шалауровымъ гористая земля къ сѣверу отъ Святаго Носа, есть, безъ сомнѣнія, первый Лиховскій гористый островъ.

Неудача, испытанная Шалауровымъ, не лишила его надежды на лучшій успѣхъ въ слѣ-

* Хрон. Истор. г. Берха, часть I, стр. 141.

дующемъ году; онъ рѣшился испытать еще разъ обходъ Шелагскаго мыса, но команда взбунтовалась, разбрѣжалась, и привела его въ необходимости возвратиться на Лену. Оттуда вѣздили Шалауровъ въ Москву, и получивъ вспоможеніе отъ Правительства, предпринялъ вторичное путешествіе къ Шелагскому мысу, въ 1764 году, но болѣе уже не возвращался.

Различные были слухи и мнѣнія о жребіи, постигшемъ сего предпріимчиваго мореплавателя. Въ 1823 году найдено нами мѣсто, куда Шалауровъ спасся съ ногибшаго во льдахъ судна; мѣсто сие находится на матеромъ берегу, въ 70 Итал. миляхъ отъ Шелагскаго мыса. Тамъ, въ необитаемой пустынѣ, кончилъ Шалауровъ жизнь, передавъ потомству имя свое, въ воспоминаніе рѣдкаго пріимѣра предпріемчивости и самоотверженія.

Острова, лежащіе противъ рекъ Яны и Колымы, не могли оставаться долго въ сомнительной неизвѣстности. Найденное Якутскимъ купцомъ Ляховыми, около 1750 года, боратство въ изѣдрахъ земли тундренного полуострова, между реками Хотангой и Анабарой *, мамонтовые рога, подстрекали къ новымъ обрѣтеніямъ. У при-морскихъ жителей существовали давнія преданія объ островѣ противъ Святаго Носа; Шалауровъ видѣлъ горы на немъ, и заставало время повѣрить извѣстію и распространять промышленность.

* Хрон. Истор. г. Берка, часть II, стр. 144.

Въ 1759, или 1760 году*, Устьянскій Якутъ Этериканъ рѣшился на сіе предпріятіе, увѣнчавшееся открытиемъ противъ Святаго Носа острова, сохранившаго и поднесъ название Этериканъ, или Первый Ляховскій островъ; послѣднѣе название дано ему по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ честь Ляхова, Ѣздившаго туда и открывшаго новые острова.

Купецъ Ляховъ, которому, вѣроятно, открытие Этерикана было уже известно, находясь въ Мартѣ мѣсяцѣ 1770 года у Святаго Носа, увидѣлъ многочисленное стадо оленей, шедшихъ къ югу, слѣды коихъ простирались отъ сѣвера черезъ море. Рѣшившись извѣдать, откуда шли сіи звѣри, Ляховъ пустился рано утромъ, въ началѣ Апрѣля, на нартахъ, по слѣду, и проѣхавъ около 70 верстъ отъ мыса прямо на сѣверъ, прибылъ къ острову, гдѣ остался ночевать. Слѣдующаго дня, не оставляя оленевыхъ слѣдовъ, достигъ онъ, на 20 верстъ, другаго острова. Слѣдъ, простираясь еще далѣе на сѣверъ, скоро завлекъ Ляхова въ тороса, по коимъ ему невозможно было пробираться далѣе, почему возвратился онъ назадъ, и съ трудомъ выѣхалъ на материкъ.

По полученіи извѣстія объ его поѣздкѣ, Правительство предоставило Ляхову исключительное право промышлять мамонтовую кость и песцовъ, какъ на сихъ островахъ, такъ и на тѣхъ, которые онъ впредь откроетъ.

* См. Путешествіе Геденштрема, въ Сибирской Вѣстникѣ на 1823 годъ.

1773 года, Лаховъ, сопутствуемый Якутскимъ купцомъ Протодьяконовымъ, поплылъ въ лодкѣ, съ 5-ю гребцами, на первый островъ; въ проливѣ морская вода казалась имъ весьма солона; теченіе было отъ востока. Со втораго острова увидѣлъ Лаховъ, при ясной погодѣ, еще землю на съверъ, и скоро приѣхалъ на нее, назвавъ ее Третиимъ островомъ. Берегъ покрытъ былъ наноснымъ лѣсомъ. Земля, гористая, казалась обширною. Путешественники нашли клыки мамонтовые и видѣли слѣды звѣрей. Возвратясь на первый островъ, Лаховъ выстроилъ изъ наноснаго лѣса зимовье, где и провелъ зиму. Здесь должно замѣтить еще, что одинъ изъ его товарищѣй оставилъ на третьемъ островѣ котель мѣдный, обстоятельство, доставившее ему название Котельнаго острова.

Протодьяконовъ разсказывалъ Сауеру, въ бытность Биллингса въ Якутскѣ, что земля на первомъ островѣ состоитъ изъ песка со льдомъ. Мамонтовыхъ костей находили на немъ такое множество, что казалось, будто островъ весь состоялъ изъ нихъ. Между мамонтовыми костями видѣли головы и рога, похожіе на буйволовые. На третьемъ островѣ нашли нѣсколько рѣчекъ; въ устьяхъ лежало множество наноснаго лѣса, и въ рѣчки вплывали съ моря рыбы, между коими и краснотельная нерка, которая водится въ Охотскѣ и Камчаткѣ, но ни въ Колымѣ, ни въ Иди-гиркѣ не бываетъ. Въ морѣ видѣли китовъ и бѣлугъ, а на земль бѣлыхъ медвѣдей, волковъ

и оленей. Неизвестность пространства сего острова возобновила старую молву о продолжении Американского берега.

По возвращении Ляхова на Яну, распространился слухъ о вновь открытой большой землѣ, для изслѣдованія которой отправленъ изъ Якутска землемѣръ Хвойновъ, съ порученіемъ сопутствовать Ляхову на ту землю и сдѣлать ей вѣрную опись.

Въ концѣ Марта 1775 года, Хвойновъ прибыль въ Устьянскъ и по льду перевѣхалъ къ Святому Носу. 16 Мая прибыль онъ къ первому острову, имѣющему по его счету 150 верстъ въ длину, попоперегъ 80, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, и 20 въ самомъ узкомъ. По срединѣ нашелъ онъ озеро, значительной величины, но весьма мѣлкое, хотя берега его были круты. Дѣлая опись, Хвойновъ объѣхалъ кругомъ всего острова, и насчиталъ 367 верстъ во всей окружности. Дурные погоды и недостатокъ въ кормѣ собакъ удержали землемѣра безъ всякаго дѣла въ Ляховскомъ зимовье на семь острововъ до 6-го Июня; тогда выступилъ онъ въ обратный путь и благополучно прїехалъ въ Устьянскъ.

Въ 1776 году надлежало Хвойнову довершить опись Ляховскихъ острововъ, но дурные погоды и недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ остановили его. Въ 1777 году имѣль онъ тотъ же неуспѣхъ, отъ тѣхъ же причинъ. Однакожъ, онъ собралъ отъ промышленныхъ людей столько известій, что на картѣ начертилъ и второй островъ

со словъ другихъ, а первый же собственной оши-
си, которая въ главныхъ размѣренияхъ острова
невѣрна, а въ частныхъ подробностяхъ довольно
ио хороша. Замѣчательно, что отъ юго-восточнаго
мыса, въ 10 верстахъ на востокъ, усмотрѣть
Хвойновъ отрядыны во льдахъ, который на
его картѣ, ниже на новѣйшей карте лейтенанта
Анжу не означенъ, и, можетъ быть, дѣйстви-
тельно, болѣе не существуетъ *.

О Медвѣжьихъ островахъ существовали въ то
время одни темы, на преданіяхъ основанныя
извѣстія. Надлежало ихъ привести въ ясность,
и испытать на дѣлѣ степень вѣроятія молвы о
продолженіи Америки мимо Колымы, въ недаль-
номъ отъ Сибирскаго берега разстояніи.

Дѣло поручено было геодезіи сержанту Ан-
дрееву **, посланному, въ 1762 году, отъ Сибир-
скаго генер. губернатора Чичерина на Колыму.

* Извлечено изъ журнала Хвойнова, помѣщенного въ *Pallas* *neue nord. Beyträge*; 7 ч., стр. 134 — 142.

** У Палласа, въ *Neue nord. Beyträge*, т. I, ч. II, стр. 231, сообщается журналъ геодезистовъ Андреева, Леонтьева и Лысо-
ва, вздвинувшихъ по Ледовитому морю въ 1763 году. Въ Сибир-
скомъ Вѣстникѣ, на 1823 годъ, тотъ же журналъ помѣщенъ подъ
заглавиемъ: «Журналъ Анадырской команды сержанта Андре-
ева» и проч., веденный въ 1763 году. По Хронол. Ист. Берха,
стр. 148, ч. II, сказано, что полковникъ Плениснеръ, будучи
посланъ осмотрѣть Анадырскій острогъ, и получивъ отъ Чукчей
свѣдѣніе, что къ сѣверу отъ рѣки Колымы есть большая земля,
именуемая Имоглинъ, отправилъ сержанта Андреева, чтобы удо-
стоиться въ справедливости сего сказанія. Г. Берхъ при-
водить о путешествіи Андреева вкратцѣ тоже, что въ прежде
упомянутыхъ журналахъ сказано. Далѣе говоритьъ, что послѣ

Марта 4-го дня , 1763 года , отправился Андреевъ изъ Нижне-Колымского острога , на собакахъ , къ рѣкѣ Крестовой , и оттуда на рѣку Индигирку , съ казакомъ Шкулевымъ , который долженъ былъ указывать путь . Возвратясь къ Крестовой и откорчивши собакъ , Апрѣля 22-го , при благополучной погодѣ , отправились они по льду , на собакахъ , въ море , и перетхавъ 90 верстъ , прибыли къ первому видимому острову , который протянулся по морскому берегу , отъ востока къ западу , на 50 верстъ ; ширина острова около 40 , окружность до 100 верстъ .

Андреевъ , описывая подобнымъ образомъ и прочие острова сей группы , находилъ на каждомъ признаки бывшей обитаемости , развалившіяся землянки , или вкопанныя въ землю юрты . Особенно примѣтальна юрта , найденнаа имъ на скаль у третьяго острова , который , по описанію Андреева , превышаетъ величиною первый островъ , имѣя 120 верстъ вокругъ и 60 въ длину . Вотъ слова его : « Съ съверной стороны острова имется у берега называемый отрядыши , разстоянiemъ отъ берега 11 сажень печатныхъ , и на прибыли межутками бываетъ вода , а нынѣ сухо , одна мѣлкая дресва , а сный камень отрядыши весьма Андреева (путешествовавшаго въ 1763 году) , въ 1767 , 1768 , 1769 годахъ , вѣздили по Ледовитому морю три геодезиста , Леонтьевъ , Лысовъ и Пушкаревъ . По рукописному же журналу сихъ трехъ геодезистовъ видно , что они вѣздили по Ледовитому морю въ 1769 , 1770 и 1771 годахъ , а что касается до земли Имоглинъ , то известно , что первый островъ отъ Чукотского Носа въ Беринговомъ проливѣ назывался Имоглинъ . (См . Палласа , N. п. B. , IV , 107) .

мягокъ, дресвянь, вышиною отъ земли въ 5 сажень печатныхъ; на немъ же имѣется самый тѣсный залавокъ (уступъ), вышины отъ земли три сажени печатныхъ, на которомъ сдѣлана крѣпость, на подставныхъ десяти лѣсинахъ матерыхъ (крупныхъ), лиственичныхъ; а становлены лѣсины вверхъ кореньями, къ землю же вершинами; такъ прильплено, какъ птица на деревѣ гнѣздо вьеть, а сдѣлано подобно, какъ быть надобно лабазу. Первый полъ настланъ изъ наноснаго лиственичного матераго жъ лѣсу; поверхъ пола настланъ песокъ съ мѣлкою дресвою, толщиною на четверть, а по тому полу обстановлено вокругъ, на подобіе юрты, дощечками и пластинами шести-четвертными, столь высоко, человѣку въ полсь; вокругъ юрты осыпано тою же дресвою съ дерномъ, а на верхъ накиданъ мѣлкій, наносный, лиственичный, еловый и осиновый лѣсъ, на коемъ была насыпана жъ дресва съ пескомъ, токмо обвалилась. Для связей рублены проухи и связаны уши ремнями; оные проухи рублены и доски тесаны топоромъ не желѣзными, а каменными, или какимъ костянымъ, подобно какъ зубами грызено. Поперегъ ея четыре сажени, въ длину $4\frac{1}{2}$ сажени, а когда она цѣла была, вдоль и поперегъ по 6 сажень; внизъ къ берегу изъ юрты спускъ на землю; другой спускъ въ камень на сѣверную сторону, токмо много же развалилось. А признается дѣлана оная крѣпость съ превеликимъ трудомъ, но высотъ и по тѣснотѣ того залавка, токмо

строева не Русскими людьми, а другими, но какими о томъ знать не можно.»

Объѣхавъ и четвертый островъ, онъ наконецъ прибылъ на пятый; по его словамъ, разстояніемъ отъ четвертаго 100 верстъ, въ длину 70, вокругъ 140, а поперегъ 50 верстъ, «и много поотшѣлся противъ устья рѣки Чауна, или можно сказать къ Чукотскому Носу.» Описать найденныя двѣ развалившіяся юрты, и «два камня, стоящіе, съ пріезда отъ западной стороны, въ полугорѣ, называемые кекуры, съ издали видимы наподобіе человѣковъ,» Андреевъ продолжаетъ, «да на сѣмь же островѣ всходили на верхъ горы и смотрѣли во все стороны. Въ полуденную сторону виденъ голомежитъ камень, который, по разсужденію нашему, тутъ Ковымскій камень, а въ «лево, въ восточной сторонѣ, едва чуть видѣть, синий синевѣть, или называть какая чернь, что такое, земля или полое море, по томъ въ по-«дливникѣ обстоятельно донесли не умѣю.» Отъ сего острова возвращаясь къ Крестовой рѣкѣ, почевали на третьемъ островѣ. Мал 1-го, потосясь выѣхать, встали поутру рано, и «увидѣли, что два медведя побѣжали въ море, за которыми от-спустили собакъ и расшибли ихъ пороги, а раздѣля на двое команду, догнали медведей и кубили,»

Выѣхавъ благополучно на Крестовую рѣку, Андреевъ, въ заключеніе журнала своего, говорить: «Хотя по сказкѣ, данной отъ казака Федора Татаринова, съ товарищи, и показано отъ рѣчки

Крестовой до первого, а отъ первого до втораго, даже и до пятаго острововъ, въ длину, ноперегъ и вокругъ, разстояніемъ верстъ, но только онаго весьма явилось много; а что касается по моей описи, то развѣ единая въ маломъ числѣ верстъ ошибка быть можетъ.»

Вопреки столь скромному увѣренію, Андреевъ въ описи погрѣшилъ на 440 верстъ избыточно, протягивая пять острововъ отъ рѣчки Крестовой къ востоку на 550 верстъ. Такжѣ взаимное положеніе и размѣренія острововъ весьма ошибочны.

Укрепленная на скалѣ юрта и скала тѣмъ болѣе примѣчательны, что въ 1820 году онъ бывшею тамъ экспедицію не найдены, почему думать должно, что льдомъ стерты и скрыты иныи подъ водою. Разрушенныя жилища, коихъ остатки найдены и нами на иѣкоторыхъ изъ сихъ острововъ, конечно, замѣчательны, но не болѣе какъ свидѣтельства прежней (вѣроятно, на короткое время) обитаемости острововъ, опустѣвшихъ подобно приморскимъ берегамъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса, по коимъ видѣли мы также немалое число развалившихся землянокъ. Г. Берхъ находитъ причины сего опустѣнія въ перемѣнѣ климата *.

* См. Хрон. Ист. часть I, стр. 148, гдѣ сказано: «Оставленныя жилища сіи подаютъ намъ идею о тѣхъ великихъ измѣненіяхъ, коими шаръ земной подвергался въ теченіе своего вѣковаго круговорашенія.» Должно замѣтить, что сіи жилища не суть развалины Греческой архитектуры, а юрты, землянки, какія строятся въ самыхъ холодныхъ странахъ подъ 76° широты.

Что касается до усмотрѣнной Андреевымъ съ пятаго острова синевы, замѣчу, что ставъ лицомъ къ Колымскому Камню на полдень, синева замѣчена на лѣвой руцѣ «къ восточной сторонѣ», то есть, въ той сторонѣ моря, которая изслѣдована нами, въ 1821 и 1822 годахъ, на 250 верстъ: доказательство, что синева не могла быть неизвѣстная земля, которая долженствовала бы намъ непремѣнно открыться.

Вѣроятно, въ слѣдующемъ году сержантъ Андреевъ былъ опять на пятомъ островѣ, ибо въ дополнительномъ наставленіи, данномъ Биллингсу *, сказано: «Въ 1764 году сержантъ Андреевъ, съ послѣдняго изъ Медвѣжьихъ острововъ, усмотрѣлъ въ великой отдаленности, полагаемый имъ величайшимъ, островъ, куда и отправились льдомъ на собакахъ, но не дѣзжая того верстъ за 20, наѣхали на свѣжіе слѣды превосходнаго числа, на оленяхъ и въ саняхъ, неизвѣстныхъ народовъ, и будучи малолюдны, возвратились на Колыму. Больше о сей земль, или великому островѣ, нѣть никакихъ свѣдѣній.»

Какое довѣріе заслуживаетъ Андреевъ, показываетъ намъ его опись Медвѣжьихъ острововъ, и вышеизложенная мною невозможность видѣть землю съ пятаго острова въ восточномъ направлениі. Если же Андреевъ вхалъ въ ту сторону, въ которой усмотрѣлъ онъ синеву, то есть, на востокъ, и дѣйствительно видѣлъ высокую

* См. Путешествіе капитана Биллингса, изд. г. вице-адмирала Сарычевымъ, стр. 190.

землю и олены слѣды, то его открытие должно быть отнесенено къ матерому берегу Азіи, къ которому непримѣтнымъ образомъ могъ онъ склониться, єдучи на востокъ. Иначе показаніе Андреева должно называться баснею, которая въ послѣдствіи еще болѣе распространена и раскрашена. Напримѣръ, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, за 1823 годъ, въ замѣчаніи къ журналу сержанта Андреева, мы находимъ: «Другія известія доказываютъ, что сія земля имѣть жителей, которые называютъ ее Тикогенъ, а самъ известны подъ именемъ Хрохадеевъ, и состоять изъ двухъ племенъ. Нѣкоторые изъ нихъ бородатые и похожи на Россіянъ, другіе же Чукотской породы. Бывшіе при экспедиції Билингса, сотрудникъ Кобелевъ и толмачъ Дауркинъ, подтверждивъ описание Андреева, представили даже обрись видѣнной имъ земли, составленный нѣкоторымъ Американскимъ тоеномъ.»

Здѣсь, вѣроятно, говорится о сѣверо-западномъ берегѣ Америки, котораго главыши мисы и бухты могли быть известны Американскому тоену, а название народа Хрохада взято изъ рассказовъ Чукчей Сѣвернаго мыса, какъ означено въ моею журналь.

Извѣстіе, досыпанное Андреевымъ объ обширной на сѣверъ земль, подало проводъ къ отправленію секретной экспедиціи изъ Тобольска на Комыцу. Г-нъ Берхъ нашелъ въ Тобольскомъ архивѣ журналъ сей экспедиціи, которая иначе осталась бы для насъ поднесъ секретного.

Въ 1767 году ъздили геодезіи прaporщики Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ изъ Якутска въ Охотскъ, и оттуда въ Нижне-Колымскъ. Въ сей острогъ прибыли они въ 1768 году, и въ слѣдующемъ году предприняли путешествіе по Ледовитому морю.

1769 года, Марта 1-го, поѣхали они на собакъ изъ Нижне-Колымска, а 17-го числа отправились отъ устья рѣки Крестовой на первый Медвѣжій островъ, и объѣзжая всѣ другіе острова, дѣлали имъ подробную геодезическую опись, столь вѣрную въ отношеніи къ взаимному ихъ положенію и отстоянію, что въ 1821 году, мы не нашли значительныхъ погрѣшностей. Геодезисты видѣли тѣ же развалившіяся юрты, о которыхъ говорилъ Андреевъ.

23-го Марта, находясь на самомъ восточномъ островѣ, въ бухтѣ, по сѣверному его берегу, Леонтьевъ, по обсерваціи, нашелъ широту $71^{\circ} 58'$, почти на томъ мѣстѣ, где въ 1821 году мною найдена широта $70^{\circ} 37'$.

24-го числа отправились они въ море на NO 18° , и проѣхавъ 37 верстъ по торосамъ и разсолу, остановились на ночлегъ, где крѣпкимъ отъ W вѣтромъ начало ломать ледь, такъ, что едва успѣли перейти на другое безопаснѣйшее мѣсто.

25-го числа стояли за погодою и пургою.

26-го числа, проѣхавъ на NW 5° три версты, черезъ трудные торосы, нашли, что ледь то-покъ, почему не рѣшились слѣдоватъ далѣе, «бо

до большой Американской земли разстояніе неизвѣстно^{*}. Притомъ не стало у нихъ пищи и корма собакамъ, подбившимъ себѣ ноги, такъ, что онъ съ трудомъ бѣжали. Поворотясь назадъ, прѣхали тѣмъ же путемъ, Апрѣля 7-го, въ Нижне-Колымскъ, проѣхавъ по ихъ счёту впередь и обратно 839 верстъ и 200 сажень.

1770 года, Февраля 28-го, пустились вторично изъ Нижне-Колымска, а Марта 7-го изъ устья Чукотской протоки, и направили путь къ Медвѣжьимъ островамъ, на самый восточный изъ коихъ прибыли Марта 10-го; за погодою оставались на семъ островѣ 5 дней.

16-го числа поѣхали на NO 5°, къ «большой Американской землѣ,» и на 28 верстъ остановились на ночь.

17	на NO	8°	проѣх.	25	верстъ	300	саж.)	
18	—	NO	5°	—	18	—	150	— } тороп-
19	—	NO	5°	—	25	—	“	— } сами.
20	—	NO	5°	—	22	—	“	— } весьма
21	—	NO	5°	—	18	—	“	— } часты-
22	—	NO	10°	—	18	—	“	— } ми то-
23	—	{	NO 15°	—	{	40	—	400 — } росами.
24	—	{						

25-го чинили нарты, совершенно изломавшіяся въ торосахъ.

26-го стояли за погодою.

27-го, «по видимости, что впереди торосы еще чаще,» поѣхали Лысовъ и Пушкаревъ, въ число 10 человѣкъ, на отобранныхъ собакахъ, съ кор-

* Слѣдовательно, Андреевъ не могъ сказать, что не доѣхалъ 20 верстъ до нея.

момъ и пищею на 3 дня, «для осмотрѣнія, не увидится ли гдѣ какая земля. На 5-й верстѣ доѣхали къ великимъ торосамъ, въ 4 сажени вышиною; по онымъ проѣхали около 30 верстъ; осмотрѣли зрительною трубою горизонтъ, и видѣли одни частные торосы, черезъ которые не предвидя возможности вѣхать далѣе, поворотили 28-го числа назадъ».

На пути къ острову переехали они 5 разъ линъ на льду, шириной по 1 аршину, и 1-го Апрѣля прибыли на 5-й островъ, гдѣ остались три дня для осушки платья и обуви; убили 4 медвѣдей.

5-го Апрѣля поѣхали на Колыму, и 9-го числа прибыли въ Нижне-Колымскій острогъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 950 верстъ 150 сажень.

Полагая склоненіе компаса 15° восточное, приводя курсы ихъ въ широту $72^{\circ} 00'$ то мѣсто, гдѣ остановлены были свѣжими торосами.

1771 года, Февраля 27-го числа, геодезисты въ третій разъ отправились изъ Нижне-Колымска, и отъ устья Средней Колымы направили путь къ послѣднему Медвѣжьему острову, куда прибыли 9-го Марта. Будучидержаны погодою, поѣхали отъ острова 15-го числа, держа на NO 77° , къ Чаунской сторонѣ. Проѣхавъ въ три дня 78 верстъ, почти на истинный востокъ, и не замѣти ничего примѣчательнаго, поворотили на SW 10° , къ большому Баранову Камню, куда прїехали на 50-й верстѣ, 18-го числа.

19-го дневали, и убили одного бываго медвѣдя въ берлогѣ.

Отъ 20-го до 24-го числа, включительно, шли къ востоку вдоль береговъ; 25-го дневали; 26-го поѣхали далѣе, до губы Шелагинской; 28-го поворотили назадъ, за неимѣніемъ корма, а 6-го Апрѣля прибыли въ Нижне-Колымскъ, сдѣлавъ впередь и обратно 432 версты 450 саженъ.

На картѣ, сочиненной геодезистомъ Леонтьевымъ, изображенъ берегъ отъ Колымы къ губѣ Чаунъ съ великимъ небреженіемъ, и какъ будто въ доказательство, что геодезисты не токмо вовсе не помышляли объ описи, но даже не пользовались картою Шалаурова, на коей сія часть берега проведена съ довольною точностью. Такая неосновательность геодезистовъ удивляетъ тѣмъ болѣе, что пройденныя ими разстоянія при описи Медвѣжихъ острововъ, и даже суточные переходы въ сию посѣднюю поѣздку, показываются въ саженяхъ, почему должно думать, что разстоянія измѣряемы были цѣпью; но въ торосахъ такой способъ вовсе неудобенъ, и, вѣроятно, употреблялся только на ровныхъ мѣстахъ*.

Ноября 6-го отправились геодезисты изъ Нижне-Колымска, по ордеру отъ полковника Плениснера, въ Тобольскъ, откуда Сибирскій губернаторъ Чичеринъ, 1773 года, въ Августѣ, послалъ

* Старики Нижне-Колымска помнятъ эту цѣпь, и рассказываютъ, что при описи Медвѣжихъ острововъ таскали ее люди.

допоесенія и карты, съ прaporщикомъ Леонтьевымъ, въ С.-Петербургъ.

Экспедиція, продолжавшаяся пять лѣтъ, и сдѣлавшася три поездки въ Ледовитое море, хотя и не достигла предположенной ей Правительствомъ цѣли, но не была и вовсе безуспешна. Медвѣжьи острова съ великою вѣрностью, геодезически описаны, и море исследовано къ сѣверу и къ востоку отъ нихъ, сколько обстоятельства позволяли; показаніе сержанта Андреева о сѣверной землѣ, обитаемой оленными народами, принадло видѣ басни, равно и преувеличенное извѣстіе о дальнемъ протяженіи Медвѣжихъ острововъ, и ихъ размѣрѣніи, достаточно опровергнуто.

1778 года, Августа $\frac{11}{25}$, появился Куку въ Беринговомъ проливѣ, съ извѣстною цѣлью: отыскать проходъ въ Атлантическій Океанъ, мимо сѣверныхъ береговъ Америки или Азии. Льдяные поля, примкнувшія къ Ледовитому мысу, остановили Кука на востокѣ, а противные вѣтры и позднее время года понудили знаменитаго мореплавателя возвратиться, достигнувъ за западъ мыса, названного имъ Сѣверный, который опредѣленъ въ широтѣ $68^{\circ} 56'$, долготѣ $179^{\circ} 11' W$, отъ Гринича; склоненіе компаса найдено здесь 26° восточное. Капитану Куку казалось, что отъ сего мыса берегъ принимаетъ почти западное направленіе, и что за нимъ находится озеро, или заливъ.

Учиненная въ 1823 году опись показываетъ,

что догадки Кука въ семь случаѣ были невѣрны, а опредѣленіе широты мыса Сѣвернаго довольно согласно съ моими наблюденіями, на самомъ почти мысѣ учиненными; по онымъ широта $68^{\circ} 55' 16''$, долгота $179^{\circ} 54' W$; склоненіе компаса $21^{\circ} 40'$ восточное.

Азіатскій берегъ до мыса Сѣвернаго не могъ быть осмотрѣнъ Кукомъ иначе, какъ весьма поверхностно. На обратномъ плаваніи усмотрѣнъ островъ, «имѣющій отъ 4 до 5 миль въ окружности, средней вышины, съ отвѣсными, скалистыми берегами, въ разстояніи 3-хъ миль отъ материка.» На картѣ положенъ сей островъ, названный Burney's island, въ широтѣ $66^{\circ} 45'$, долготѣ $185^{\circ} 5' вост.$

Поелику около сего мѣста не находится другаго острова, кромѣ Кулючина, то, безъ сомнѣнія, Burney's island есть тотъ самый, до котораго, въ 1823 году, наша экспедиція доехала; описание наружнаго вида его совершенно оправдываетъ догадку, хотя въ опредѣленіи географическаго положенія находимъ значительное несогласіе, ибо, по обсервациямъ, учиненнымъ мною на южной оконечности острова, широта мѣста $67^{\circ} 26' 46''$, долгота, по счисленію, $184^{\circ} 28' вост.$

Далѣе къ востоку, въ широтѣ $67^{\circ} 3'$, долготѣ $188^{\circ} 11'$, усмотрѣлъ капитанъ Кукъ довольно значительной высоты мысъ, отвѣсно стоящій надъ моремъ. «Къ востоку отъ него берегъ идетъ высокій и приглубый, но къ западу онъ низменъ и направляется къ NNW и NWtW, почти

до самаго мыса Съвернаго. Глубины, въ одинаковыхъ разстояніяхъ оть берега, вездѣ почти одинаковы, какъ у Азіатскихъ, такъ и у противолежащихъ береговъ Америки. Самая большая глубина, плывя вдоль нихъ, была 23 сажени, и ночью, или въ туманную погоду, лотъ можетъ служить не бесполезнымъ вождемъ въ плаваніи вдоль обоихъ сихъ береговъ».

На счетъ сихъ замѣчаній капитана Кука можно сказать, что весь берегъ къ востоку оть Шелагского мыса до мыса Съвернаго, и оть сего послѣдняго до острова Кулючина, нельзя назвать ни низменнымъ, ни высокимъ; онъ перемѣняется, и именно около мысовъ *Оньманъ* (къ западу оть острова Кулючина), *Кибера* и *Козьмина*, представляетъ довольно высокія, нѣсколько отлогія горы и отвесныя скалы.

Въ плаваніи между берегами Азіи и Америки, къ съверу оть Берингова пролива, капитанъ Кука и астрономъ Бялей неоднократно думали видѣть примѣты близости земли на съверѣ. Почти непримѣтное увеличеніе глубины моря, съ удаленіемъ оть береговъ обоихъ материковъ, стада гусей и утокъ, летѣвшія оть съвера на югъ въ Августѣ мѣсяцѣ, въ такое время, когда сіи птицы, дѣйствительно, въ полуденные страны отлетаютъ, самое образованіе льдовъ, все, по мнѣнію Бурнея, согласно указывало на неизвѣстную землю, къ съверу оть пролива. Теченія никакого не замѣчено, хотя льды примѣтно на югъ подавались.

Подвиги Англичанъ, старавшихся знакомить Европу съ отдаленнѣйшими странами нашей земли, обратили на сей предметъ вниманіе и Россія. Кому неизвѣстны описанія экспедиціи, отправленной въ съверо-восточную Азію и къ съверо-западнымъ берегамъ Америки, для географическихъ изслѣдованій, подъ начальствомъ капитана Биллингса, съ 1785 года по 1794 годъ? На Русскомъ языке описаны ея дѣйствія капитаномъ Сарычевымъ *, который былъ двѣтъ-нѣшь въ ней сотрудникомъ, а на Англійской секретаремъ экспедиціи Сауеромъ **.

Въ числѣ многихъ предметовъ, составлявшихъ цѣль сего предпріятія, было и испытаніе возможности мореходнаго сообщенія изъ Ледовитаго моря чрезъ Беринговъ проливъ, въ Восточный Океанъ. Для того (на рѣкѣ Ясашнѣ, близъ Верхне-Колымскаго острога) построили два мореходныхъ судна, Палласъ*** и Ясашну****. На первомъ находился начальникъ экспедиціи капитанъ Биллингсъ; второе поручено въ командованіе капитану Сарычеву.

1787 года, Мая 25-го, посыпши оба судна внизъ по Ясашнѣ и Колымѣ, и 18-го Июня находились противъ Нижне-Колымскаго острога, гдѣ нашли широту $68^{\circ} 17' 14''$, долготу $168^{\circ} 17'$.

* Немецкій переводъ, von Busse, Leipzig, 1805.

** An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia.

*** 45 футовъ по калю.

**** 28 футовъ по калю.

30го восточную; склонение компаса 14° 14' восточное.

19-го числа, Палласть поплыть далъе, а 21-го послѣдовала за нимъ и Ясашна; 22-го соединились оба въ восточномъ устьѣ Колымы, близъ Шалауровскихъ казармъ и Лаптева маяка. Капитанъ Сарычевъ замѣчаетъ: «Кажется вѣроятно, что прежде фарватеръ рѣки былъ возлѣ праваго берега, что доказываютъ построенные на немъ Лаптевыми для людей казармы, близъ коихъ вытащенъ былъ и ботъ его, но теперь, не только большое судно приблизиться къ сemu берегу не можетъ, но и шлюпка подходитъ съ трудомъ, и то въ водополье, а во время убыли воды отмъль бываетъ версты на три.»

23-го числа, югозападнымъ вѣтромъ развело волненіе, и въ Ясашнѣ оказалась уже тень, которую однакожъ скоро остановили.

24-го, начальникъ экспедиціи объявилъ себѣ чинъ капитана 2-го ранга, и того же дня оба судна снялись съ якоря, и чрезъ 6 миль вышли изъ устья Колымы въ Ледовитое море. «Глубина на рѣки, по фарватеру, который здѣсь до 200 сажень шириной, была отъ 3 до 5 сажень; на днѣ жидкій иль. Берегъ продолжается каменнымъ утесомъ, вышиною до 8 сажень; подъ нимъ видно много гранитнаго лѣса».

Укрываясь отъ льдовъ, носившихся близъ береговъ, суда входили въ небольшие заливы за мысами, и останавливались на якоряхъ, когда не находили возможности плыть далъе. 28-го,

находясь въ заливѣ между Большимъ и Малымъ Барановыми камнями, противъ ручья, Биллингсъ устроилъ свою обсерваторію, на берегу, нашель широту того мѣста $69^{\circ} 27' 26''$, долготу, по хронометру, $167^{\circ} 50' 30''$. Капитанъ Сарычевъ въ своемъ сочиненіи показываетъ обсервованную широту того же мѣста $69^{\circ} 29'$, прибавляя: «Изъ сего видно, что на всѣхъ прежде изданныхъ картахъ, берегъ Ледовитаго моря положенъ далѣе къ сѣверу почти на два градуса». Склоненіе компаса было здѣсь $16^{\circ} 00'$ восточное.

1-го Іюля, оба судна снялись съ якоря, и старались пробираться на сѣверъ, гдѣ льды, казалось, уменьшались, но самый густой туманъ, препятствовавшій видѣть далѣе 2-хъ сажень, по-нуждалъ ихъ ложиться часто на якорь. Самое большое отдаленіе отъ берега къ сѣверо-западу простиравалось не болѣе 20 миль; отсюда принуждены были повернуть обратно, «ибо высокіе и Большіе льды, коимъ не видно было конца, покрывали впереди все море, и ударяющіяся объ нихъ волны производили ужасный шумъ.» Палласъ, 2-го числа, положилъ якорь въ заливѣ за мыскомъ, западнѣе того, у котораго вчера стояли; Ясашна скоро съ нимъ соединилась.

5-го, и въ слѣдующія числа, пытаясь проплыть далѣе на востокъ, и встрѣчая всегда препятствія отъ льдовъ, при частыхъ, густыхъ туманахъ, миновали 19-го Іюля Большой Барановъ камень, но прошедь на сѣверо-востокъ около 11 миль, ледяные громады, изъ коихъ многія на

16 саженяхъ глубины доставали дно, принуди-
ли ихъ укрыться по западной сторонѣ сего мы-
са, и положить якорь.

Здѣсь капитанъ Биллингсъ составилъ совѣтъ изъ офицеровъ, въ коемъ положено: «за невозмож-
ностію пройти далѣе къ востоку, и за позднимъ
осеннимъ временемъ, возвратиться на Колыму.»
Лишь только кончился совѣтъ, то снялись, и
на завозахъ пошли на западъ. 26-го Іюля во-
шли въ устье Колымы, коей теченіе было столь
тихо, что черезъ пять дней дошли до Нижне-
Колымска, «и тѣмъ кончили, сколь трудное, столь
и опасное плаваніе по Ледовитому морю».
По окончаніи плаванія, Биллингсъ вторично
собралъ совѣтъ, въ коемъ разсуждаемо было:
«какъ бы удобнѣе и безопаснѣе обойдти, водою
или берегомъ, мысы Щелагскій и Чукотскій.»
Опытъ показалъ, что водою сего исполнить было
не можно; осталось еще средство обѣзжать
мысы зимою на собакахъ, «но оно отвергнуто въ
совѣтѣ, такъ какъ неудобное, потому, что нель-
зя взять съ собою для собакъ корма болѣе, чѣмъ
на 200 верстъ пути.»
Наконецъ, положено сдѣлать еще покушеніе съ
восточной стороны, отъ Берингова пролива, и
судаъ, приготовившися въ Охотске.**
На пути въ Беринговъ проливъ, въ 1791 годѣ,
капитанъ Биллингсъ, на суднѣ *Слава Родины*,

* Смѣртъ капитана Биллингса въ Беринговомъ проливѣ.

** Смотрите Путешествіе капитана Биллингса черезъ Чукотскую землю, составленное вице-адмираломъ Г. А. Сарычевымъ.

зашелъ въ губу Св. Лаврентія, гдѣ его навѣстили Чукчи. Они сказывали начальнику экспедиціи, что Ледовитое море почти всегда покрыто бываетъ множествомъ льду, и что нѣть возможности плавать по сему морю, не только на большихъ судахъ, но и на байдарахъ. Повѣривъ такимъ рассказамъ, болѣе нежели собственному опыту *, капитанъ Биллингсъ отмѣнилъ намѣреніе обойти моремъ Шелагскій Носъ, и, какъ будто изъ благодарности къ Чукчамъ за избавленіе его отъ предстоявшихъ ему въ плаваніи опасностей, рѣшился на труднѣйшій, но менѣе славный подвигъ: пройхать чрезъ Чукотскую землю, и взвѣриться дикому и коварному ея народу, пренебрегая даже мѣрами осторожности, вопреки убѣдительнымъ представленіямъ своихъ подчиненныхъ, и особенно капитана Сарычева.

11-го Августа, капитанъ Биллингсъ отправилъ геодезіи сержанта Гилева, моремъ, на Чукотской байдарѣ, описывать берегъ кругомъ восточнаго Чукотскаго мыса, до острова Кулючина, откуда стараться выѣхать ему на встрѣчу, при путешествіи Биллингса берегомъ.

Сержантъ Гилевъ, отправясь, щахъ на байдарѣ подъ береговъ до Восточнаго мыса, перешелъ пѣшкомъ чрезъ перешеекъ его къ Ледовитому морю, откуда следовалъ подъ береговъ къ NW, то на байдарахъ, то пѣшкомъ, смотря по тому,

* Извѣстно, что капитанъ Биллингсъ находился съ Кукомъ въ третьемъ его путешествіи, и что Кукъ достигъ мыса Севернаго не встрѣтивъ большихъ препятствій отъ льду.

какъ носящіеся по морю льды ему позволяли или препятствовали; наконецъ, не доходя до острова Кулючина 90 миль, сидяче Чукчи отказались провожать далѣе, и отдали его, случившимся тутъ, оленнымъ Чукчамъ, которые, на своихъ оленяхъ, черезъ горы, привезли его въ станъ къ Биллингсу, находившемуся тогда близъ вершины рѣки Югнай, впадающей въ Кулючинскую губу.

На пути сюда, на 1-й верстѣ отъ озера Югнай, осмотрѣмъ штурманъ Батаковъ ключи теплыхъ водъ, которые описывается такимъ образомъ: «Они находятся на невысокой каменной горѣ, и составляютъ четыре, овального вида, водоема, которые возвышены отъ поверхности горы на $1\frac{1}{2}$ фута тонкими закраинами, сверху загнувшимися на вѣшнюю сторону, такъ ровно, что сіи водоемы походятъ совершенно на котлы, вырытые въ землю. Они всѣ наполнены, съ краями на-ровень, теплою, густоватою, блесковатаго цвета водою. По срединѣ ихъ видны бьющие съ низу ключи, на подобіе кипящей воды, гдѣ до дна не могли достать палкою, а къ краямъ находится вязкій известковый иль, отъ отсадки котораго, какъ думать должно, произошли закраины котловъ. Величина сихъ водоемовъ отъ 6 до 8 саженъ въ окружности; другіе два находятся въ 50-ти сажен. отъ первыхъ.» Штурманъ Батаковъ, по наружнымъ признакамъ, полагаетъ, что сія гора нѣкогда была огнедышащею сопкою.

Капитанъ Биллингсъ, съ сержантомъ Гилевымъ,

вздилъ по Куючинской губѣ, до ея устья, которое по описанію лежитъ въ 120 миляхъ отъ Берингова пролива, и вдалось внутрь Чукотской земли, къ югу, на 60 миль. Ширина ея не болѣе семи миль. Въ нее впадаетъ много рѣчекъ, и двѣ рѣки: *Югнай* и *Килью*; первая течетъ изъ озера, вторая изъ горныхъ хребтовъ. Устье Куючинской губы имѣть ширины 4 мили; по срединѣ его лежитъ островъ *Песлоне*, величиною до 3 миль. Чукчи сказывали, что по западную его сторону мѣлководно, а по восточную глубоко, такъ, что симъ проливомъ входятъ въ губу киты. Островъ Куючинъ лежить въ морѣ, отъ устья губы къ N въ 10 миляхъ.» По картѣ капитана Биллингса, средина острова Куючина находится въ широтѣ $67^{\circ} 30'$, долготѣ $185^{\circ} 26' W$, отъ Гринича.

На всемъ пути капитана Биллинса, до первого Русскаго селенія на Большомъ Анюѣ, при устьѣ Индигирки, куда онъ прибылъ 17-го Февраля 1792 года, Чукчи, державшіе путешественниковъ, такъ сказать, у себя въ неволѣ, никакъ не измѣнили обыкновеннаго своего тракта и медленнаго на оленяхъ кочеванія, идя всегда долинами и не приближаясь къ морскому берегу ближе 50-ти миль. Биллингсъ скучалъ продолжительностью, трудностями пути и нахальствомъ Чукчей, отъ которыхъ долженъ былъ переносить обиды.

Штурманъ Батаковъ съ великимъ трудомъ замѣчалъ направленія пути, и памѣряль пройден-

ные разстоянія, означая въ журналь своеимъ именемъ рѣкъ, положеніе горъ, и все, что могъ распросами узнать отъ Чукчей, для положенія всего на картѣ.

Говоря о Чукотской странѣ вообще, капитанъ Биллингсъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: «Она вся состоитъ изъ горъ и бесплодныхъ долинъ; на горахъ никакой травы неизрѣменно, выключая моха, который служить пищею оленямъ; вездѣ видѣнъ голый камень. Въ нѣкоторыхъ долинахъ торчатъ налочки тальниковые, очень нетолстые; климатъ самый несносный: до 20-го Іюля непримѣтно лѣта, а около 20-го Августа приближеніе зимы во всемъ уже лѣщается.»

«Чукотская земля возвышенна, и часто поднимались намъ горы удивительной вышины. По горамъ и въ долинахъ, во многихъ мѣстахъ, снежные кучи покрываютъ землю весь годъ. По долинамъ, направленнымъ къ сѣверу, протекаетъ множество мѣлководныхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ каменистое дно. Самыя долины, большую частью, болотисты и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Ягоды рождаются только голубика, брусника и водяница, называемая шишка. При берегахъ сѣверо-восточной, восточной и отчасти южной сторонъ, ловятся сивучи, моржи и тюлени. Сѣверный олень, горный баранъ, бѣловатый волкъ, медведь, лисицы и песцы составляютъ все царство четвероногихъ. Во время кратчайшаго лѣта видны орлы, соколы, куропатки и разныхъ родовъ водяные птицы, а во время

зимы, когда жители путешествуют, то вездѣ летаютъ за ними вороны.»

Объ обитателяхъ сей дикой страны, Билингсъ въ своихъ запискахъ намъ ничего не сообщаетъ, кроме описанія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, и намъ остается сожалѣть, что необычайные труды, путешественниками перенесенные, въ проѣздѣ черезъ всю Чукотскую землю, не познакомили нась короче съ ея обитателями.

По смерти купца Лахова, купецъ Сыроватскій вступилъ, по частной передачѣ указа Якутской Воеводской Канцеляріи, во владѣніе островами, открытыми Лаховымъ. Желая распространить промыслы, передовщикъ (начальникъ артели) Сыроватскаго, мѣщанинъ Санниковъ открылъ отъ втораго острова на западъ новый островъ, который, по высокимъ каменнымъ горамъ, и по малому объему своему, названъ *Столбовой*. Тотъ же Санниковъ, послѣ смерти Сыроватскаго, бывъ посыманъ сыномъ его, мѣщаниномъ Сыроватскимъ, открылъ, въ 1805 году, на востокъ отъ треть资料 го Лаховскаго, или Котельного острова, другую землю, которая названа *Фаддеевскихъ островомъ*, потому, что первое на немъ зимовье построилъ промышленникъ Фаддеевъ.

Въ 1806 году, промышленниками Сыроватскаго открыта отъ сей земли въ близкомъ разстояніи другая, названная въ послѣдствіи времени *Новою Сибирью*.

Въ то же время, купецъ Протодьяконовъ, не-

имевшій сначала успѣхъ въ обрѣтеніи отъ устья Лены какого либо нового острова, рѣшился просить Государя Императора о всемилостивѣйшемъ дозвolenіи, ему, съ товарищемъ его, мѣщаниномъ Бѣльковымъ, производить промыслы на Котельномъ островѣ, и тѣмъ уничтожить исключительное право Сыроватскихъ.

Сіе обстоятельство подало поводъ Государственному Канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцову, отправить г-на Геденштрома на сіи острова, съ порученіемъ обозрѣть ихъ со всею подробностію.

Между тѣмъ, еще до отъѣзда Геденштрома, въ 1808 году, найденъ мѣщаниномъ Бѣльковымъ островокъ, отдѣляющійся отъ западнаго берега Котельнаго острова узкимъ проливомъ, и называемый понынѣ *Бѣльковскимъ островомъ*.

1808-го года, въ Августѣ, отправился г-нъ Геденштромъ изъ Иркутска въ Якутскъ, вмѣстѣ съ землемѣромъ Кожевиннымъ, откомандированнымъ ему въ помощь. Окончивъ всѣ нужные къ предстоявшему путешествію приготовленія, г-нъ Геденштромъ отправился изъ Якутска 18-го Ноября, и 5-го Февраля 1809 года прибылъ въ Усть-Янскъ. Здѣсь представились ему величайшія затрудненія въ исполненіи первоначального плана, состоявшаго въ томъ, чтобы учредить на Котельномъ островѣ главную складку запасовъ и начать отъ него опись береговъ къ востоку. Хотя сіе намѣреніе и рушилось, но благоразуміемъ и дѣятельностию своею, г-нъ Геденштромъ привелъ се-

бя въ состояніе употребить наступимою весною съ пользою для географіи.

Средства его, конечно, были весьма ограничены, но онъ старался вознаградить недостатки усердіемъ. Онъ имѣлъ октанъ, одну старую астролябію, «которая для вѣрнаго назначенія широты мѣста не годилась,» и довольно хороший, «морской, или пель-компась.» Для успѣшнѣйшаго дѣйствія, г-нъ Геденштромъ поручилъ землемѣру Кожевину, съ астролябіею, описать первую отъ Котельнаго острова, къ востоку лежащую землю, т. е. Фаддеевскій островъ, и на обратномъ пути объѣхать первый и запеленговать второй Лаховскій острова. Мѣщанину Санникову, который находился при экспедиціи въ числѣ добровольно сопутствующихъ, поручено узнать пространство пролива, отдѣляющаго Котельный островъ отъ Фаддеевскаго. Себѣ предоставивъ г-нъ Г., раздѣлясь съ Кожевинымъ на Фаддеевскомъ островѣ, описать открытую, по объявлению Сыроватскихъ, на 300 верстъ къ востоку отъ сего послѣдняго острова землю, называемую нынѣ Новой Сибирью.

Оправившись 7-го Марта изъ Усть-Янска, пришли къ первому Лаховскому острову (число въ журнале г-на Геденштрома не показано), где шесть дней сильныя вьюги держали на мѣстѣ. По приѣтии наконецъ на Фаддеевский островъ землемѣръ Кожевинъ и Санниковъ съ г-мъ Геденштромомъ раздѣлились. Онъ самъ направилъ шуть на

Новую Сибирь, вздѣль вожатыи Усть-Янскаго иреестъяния Портнягина.

Землемѣръ Кожевинъ описалъ западный, южный и восточный берега Фаддеевскаго острова, обѣхъаль также первый, запеленговалъ второй Лахевскій острова, и возвратился въ Усть-Янскъ благополучно.

Мѣщанинъ Санниковъ перѣѣжалъ во многихъ престажъ проливъ между Котельнымъ и Фаддеевскими островами, и нашелъ, что ширина его, примерно, отъ 7 до 30 верстъ.

Г-нъ Геденштромъ описалъ южный берегъ Новой Сибири на 220 верстъ; нашелъ, что промышленники Сыроватскаго, вмѣсто 300 верстъ, какъ обѣявали, проѣхали по новой землѣ только 65 верстъ, и возвратился благополучно въ Усть-Янскъ, три дня посдѣ Кожевина.

Г-нъ Геденштромъ, намѣреваясь въ будущемъ году провести лѣто на Новой Сибири, азвести туда оленей и лошадей, построилъ заблаговременно зимовье на сей острову, и увѣриться въ спосбахъ и продовольствія на немъ, отправилъ мѣщанина Санникова, съ пятью промышленниками, на Новую Сибирь, на лѣтовицу, такъ сказать, для испытания, а самъ вѣзилъ въ Верхоянскъ, для разныхъ хозяйственныхъ распоряженій.

Возвратясь къ осени 1809 года въ Усть-Янскъ, чтобы не остаться праздными, дѣмаль г-нъ Геденштромъ описъ приморскаго берега къ Индигиркѣ. Тутъ узналъ онъ о возвращеніи, въ на-

чалъ Ноября, Санникова, съ артелью, отъ Новой Сибири. По объявленію ихъ, лѣто было столь холодное, что даже во многихъ мѣстахъ не сходилъ снѣгъ и травы никакой не было. Рыбы въ рѣкахъ не видно другой, кроме рогатки (рыбка въ 4 вершка длины); впрочемъ рыба и не могла входить съ моря, потому, что берегового льда въ то лѣто не разносило. Бывшій при артели плотникъ построилъ на Новой Сибири два зимовья и три стана. Мѣщанинъ Санниковъ также вывезъ съ собою иѣкоторыя вещи, найденные на Фаддеевскомъ островѣ и на Новой Сибири. На первомъ найдены Юкагирскія сани, и обдѣланная кость, съ выемкою, въ которую вкладывалось каменное острее, для сбитія съ оленыхъ кожъ шерсти, а на Новой Сибири обдѣланный кусокъ мамонтовой кости, наподобіе Чукотскихъ топоровъ. «Все доказываетъ,» говорить г-нъ Геденштромъ, въ своемъ занимательномъ журналь, «что были на тѣхъ островахъ Юкагиры, съ давнихъ лѣтъ туда зашедши, ибо ежели предполагать, что вещи сіи принадлежать нынѣшнимъ Юкагирамъ матераго берега, то для чего имъ употреблять кость и камень, вместо желѣза, котораго у нихъ довольно привознаго?»

Зиму провелъ г-нъ Геденштромъ съ своими людьми въ такъ называемы Посадномъ зимовье (на морскомъ берегу, около 100 верстъ къ востоку отъ Св. Носа, и въ 180 верстахъ отъ ближайшаго селенія на Индигиркѣ), куда всѣ нужные запасы завезены были заранее. «Время,»

говорить Геденштромъ, «протекало у насть скорѣе, нежели у иного при всѣхъ городскихъ забавахъ. Но цынга, которая въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно случается зимою, посѣтила и насть. Болѣе двухъ мѣсяцовъ продолжающаяся здѣсь ночь дѣлаетъ воздухъ чрезвычайно густымъ и нездоровымъ; безъ частыхъ вѣтровъ и выюгъ, которые посылается тогда благотворная природа, для приведенія въ движеніе сего тяжелаго воздуха, мѣста сіи были бы дѣйствительно для человѣка зимою необитаемы. Я предвидѣлъ нашу опасную болѣзнь, и принялъ для сопутниковъ моихъ всѣ предосторожности, состоявшія въ свѣжей пищѣ, безпрестанномъ движеніи, и проч. За то и показалась она только у меня и у одного казака, потому, что мы менѣе всѣхъ другихъ предохранялись движеніемъ. Но повторяемые пріемы селитры, отваръ кедроваго сланца, и принужденное сильное движеніе при самомъ появлѣніи болѣзни, избавили насть скоро отъ нея.»

1810 года, Января 29-го, г-нъ Геденштромъ поѣхалъ изъ Посаднаго стана въ Усть-Янскъ, гдѣ присутствіе его для различныхъ распоряженій было необходимо нужно. Руководствуясь опытомъ Саникова, лѣтовавшаго въ прошедшемъ году на Новой Сибири, г-нъ Геденштромъ отмѣнилъ лошадей, и распорядился, чтобы одни олени были переведены туда, но не прежде, какъ уѣхавши, что Новая Сибирь не есть островъ, а дѣйствительно обширная земля.

Преодолѣвъ многія препятствія и затрудненія, г-нъ Геденштромъ наконецъ, 2-го Марта, отправился изъ Русскаго Устья (на Индигиркѣ), на 29-ти нартахъ, въ море, держа путь къ поставленному имъ, въ 1809 году, кресту, близъ Песцового мыса. 13-го числа прїехали къ Новой Сибири, въ 10-ти верстахъ западнѣ сего мыста. «Столь малюю ошибкою,» говорить онъ, «обязанъ я Деревянныи горамъ, которыя увидѣли мы еще за 120 verstъ до Новой Сибири.» Дорога была по частымъ торосамъ весьма трудна, тѣмъ болѣе, что Индигирскія собаки и проводники не имѣютъ довольноаго навыка въ разъѣздахъ такого рода. Отправивъ съ креста 22 нарты обратно на Индигирку, продолжалъ Геденштромъ, на 7 лучшихъ нартахъ, описывать берегъ къ востоку. У Песцового мыса опредѣлили по наблюденію склоненіе стрѣлки 15° восточн., а широту $74^{\circ} 45'$, которая отъ опредѣленія лейтенанта Анжу разнствуетъ только $5'$ недостаточно.

Мѣщанинъ Санниковъ отправленъ на одной нартѣ черезъ островъ, къ сѣверному берегу Новой Сибири.

16-го Марта, Геденштромъ находился уже у Камennаго мыса, съ котораго берегъ Новой Сибири склоняется къ западу. Съ высоты сего мыса виднѣлась на NO синева, совершенно похожая на отдаленную землю.»

На утро прїехалъ и Санниковъ. Проехавъ землю 70 verstъ на сѣверъ, выѣхалъ онъ къ мор-

скому берегу, откуда повернувшись къ востоку и ночевалъ въ 5-ти верстахъ оть Геденштрома. Онъ также принялъ синеву къ НО за отдаленную землю.

Увѣрившись въ небольшомъ протяженіи Новой Сибири на востокъ, Геденштромъ отмѣнилъ измѣреніе лѣтовать на ней, и отпустивъ Санниковъ въ Усть-Янскъ, пустился къ НО за новымъ открытиемъ.

«Дорога была изъ труднѣйшихъ, но всѣ труды были забыты, когда прежде видѣнная синева представилась черезъ зрительную трубку бѣлыя яромъ, изрытымъ, какъ казалось, множествомъ ручьевъ. Вскорѣ яръ сей показался простирающимся полуциркулемъ, почти соединяющимся съ Новою Сибирью. Но, къ крайнему прискорбію всѣхъ, на другой день узнали мы, что обманулись. Мнимая земля преобразилась въ гряду высочайшихъ лѣдяныхъ громадъ, 15 и болѣе саженъ вышины, отстоящихъ одна отъ другой въ 2 и 3 верстахъ.»

Желая запастись дровами на дальній путь, возвратился Геденштромъ отсюда на Новую Сибирь, и нагрузя ими нарты на 14 сутокъ, отправился вто-
рично, 24-го Марта, на востокъ, но торосъ былъ столь густъ, что въ 4 дни проѣхали не болѣе 70 верстъ. «Здѣсь увидѣли мы, къ крайнему удивленію, въ 5 верстахъ воду и носящейся по морю ледь. Сія вода была, какъ я поспѣхъ увѣрился, морская полынья, простирающаяся почти отъ Нової Сиби-

ри до Медвѣжьихъ острововъ, что составить до 500 верстъ.»

Намѣреваясь ѿхать прямо къ Лаптевскому маяку на устьи Колымы, три раза приближался Геденштромъ къ полынью, и наконецъ, увѣрившись въ непроходимости сей препоны, поворотилъ на югъ, и выѣхалъ на Азіятскій берегъ около устья рѣки Курджагиной, пробывъ 43 дня въ пути (считая отъ Индигирки), вмѣсто предположенныхъ 28 дней, отъ чего онъ весьма нуждался бы въ запасахъ, еслибы 11 убитыхъ имъ, бѣлыхъ медвѣдей не отвратили недостатка въ кормѣ собакъ. 13-го Апрѣля прїехали къ Лаптевскому маяку.

Ещё до отправленія своего на Новую Сибирь, Геденштромъ послалъ на Колыму парочнаго, съ предписаніемъ изготавить подъ экспедицію 5 отборныхъ нартъ, но какъ, вмѣсто такихъ, встрѣтили ихъ 4 весьма дурныхъ нарты, то онъ принужденъ былъ напасться ѿхать въ Нижне-Колымскъ, и немедленно принять нужныхъ мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь присланнаго къ нему въ Усть-Янскъ землемѣра Пшеницына (на мѣсто заболѣвшаго Кожевина) отправилъ онъ для лѣтовки на Котельный островъ.

Наконецъ, 18-го Апрѣля, Геденштромъ отправился изъ Нижне-Колымска, на 5 нартахъ, имѣя корма на 20 дней. У Баранова Камня продержала его жестокая буря отъ востока 7 дней; потомъ пустился онъ въ море, держа на NO 20°. На разстояніи 150 верстъ стали попадаться земляные глыбы на льдинахъ.

«Мая 1-го видели мы стадо гусей, летевшихъ на NNW, и бѣлаго филина; на N подымались облака; глубина морская уменьшалась. Все доказывало близость земли. Въ 245 верстахъ оть Баранова Камня переехали мы щель, въ 1 аршинъ ширины, но въ 5 верстахъ доѣхали до щели въ 15 саженъ. Здѣсь замѣтилъ я быстрое морское теченіе на OSO, и заключилъ, что щель сія сдѣлалась оть бывшей съ востока бури. Въ 5-ти верстахъ сихъ, глубина морская, оть $11\frac{1}{2}$ саж., уменьшилась до 11-ти сажень.»

Сравнимъ сіи обстоятельства съ тѣми, которыя испытаны мною, десять лѣтъ послѣ Геденштрома.

Курсъ NO 20° , по компасу, исправя склоненіемъ компаса (15° восточное), проходитъ по самыи тѣмъ мѣстамъ, по коимъ, въ 1821 и 1822 годахъ, мы проѣзжали. 150 верстъ оть Баранова Камня, гдѣ Геденштромъ нашелъ земляные глыбы на льдинахъ, есть почти тотъ самый пунктъ, откуда, въ 1821 году, слѣдя къ юго-востоку, поворотили мы назадъ, а встрѣча щелей въ 245 верстахъ воспослѣдовала тамъ, гдѣ въ 1822 году нашли мы поперемѣнно полыни и чрезвычайные тороса, въ коихъ вырыли вторую яму, для храненія припасовъ, дабы облегчить ъзду въ торосахъ. Нами измѣренная глубина здѣсь $14\frac{1}{2}$ саж., грунтъ илъ, а на 30 миль съвериѣ нашли мы $14\frac{1}{2}$ саж., грунтъ дресва, или камень. Сіи глубины несогласны съ показаніемъ Геденштрома, и какъ онъ не выходилъ изъ предѣловъ нашей ъзды, во время коей

и многократно измѣряема была глубина моря, возрастающая съ удалениемъ на востокъ и уменьшающаяся къ западной сторонѣ, не уменьшалась къ сѣверу, то я имѣю достаточныя причины полагать въ измѣреніяхъ его ошибки, тѣмъ больше вѣроятнаго, что, какъ мнѣ известно, настоящаго, на футы измѣренного лотъ-линя при немъ не находилось, а пройденныя разстоянія полагались по примѣрному соображенію бѣга собакъ, безъ повѣрки обсервованными широтами. Что полагаемыя такимъ образомъ разстоянія весьма не надежны, и у Геденштрома всегда были слишкомъ велики, въ томъ свидѣтельствуетъ его опись Новой Сибири, въ послѣдствіи повѣренная лейтенантомъ Анжу. Явленіе гусей и филина въ значительномъ отдalenіи отъ материка не должно также насть удивлять, и отнюдь не можетъ служить доказательствомъ близости другой земли на сѣверъ, ибо гуси, пролетая къ морскому берегу отъ юга, и не находя воды, обыкновенно пускаются вдали къ полыньямъ, пока вскрытие рѣкъ не позоветъ ихъ обратно, а филинъ есть плотоядная птица, ищущая пищи въ объѣдкахъ бѣлыхъ медвѣдей. Если бы въ исходѣ лѣта видѣли стада гусей, отъ сѣвера черезъ море къ югу летящихъ, то, конечно, можно бы думать съ нѣкоторою основательностью, что они оставили сѣверную землю и возвращаются въ полуденный страны.

Не видя возможностиѣхать дальше на сѣверъ, Геденштромъ желалъ выѣхать къ Шелагскому мысу,

но тонкій ледъ ему и въ томъ покушеніи воспрепятствовалъ, такъ, что съ трудомъ нашелъ онъ свой старый слѣдъ, по которому прѣхалъ, 8-го Мая, къ Баранову Камню, где вторично сильная буря два дня его продержала.

Проведя лѣто въ Нижне-Колымскѣ, Геденштромъ отправился, 18-го Сентября, на нартахъ къ Индигиркѣ, дѣлая всему берегу опись. На Индигиркѣ засталъ онъ геодезиста Пшеницына, который оставался во все лѣто на Янѣ и Индигиркѣ, не находя возможности перебраться для лѣтовки на Котельный островъ.

Въ половинѣ Октября отправились въ Усть-Янскъ, прямымъ путемъ черезъ тундру. «На семъ пути,» говорить Геденштромъ, «примѣчательно «озеро Хастахъ, длиною 14, а шириной 6 верстъ. Оно въ каждую осень выбрасываетъ на берегъ «великое множество, извѣстнаго по Естественной «Исторіи, смолистаго дерева (*bituminosis Holz*), «въ видѣ щепъ. Берега завалены имъ въ иныхъ «мѣстахъ на аршинъ вышиною; между сими щепами попадается мѣлкими кусками вещества, «очень похожее на камедь. Оно горить, какъ янтарь, но имѣть смолистый запахъ, и судя по-«тому есть, вѣроятно, ни что иное, какъ затвердѣлая смола лиственницы. Ближнее разстояніе «сего озера отъ моря 115 верстъ, отъ лѣса 80 «верстъ.»

Онъ сообщаетъ намъ и другое, не менѣе примѣчательное явленіе природы. «На тундрѣ также

«находить, далъе отъ лѣса, въ ярахъ, надъ озераами и рѣками, цѣлые березы, съ корнемъ и корою. Онъ истлѣли, но жители употребляютъ ихъ на тонку, въ случаѣ недостатка въ дровахъ. «Онъ не даютъ пламени. Жители называютъ сіи березы адамовиціна.»

Въ Усть-Янскѣ освѣдомился Геденштромъ о возвращеніи Санникова отъ Котельнаго острова. Вотъ краткій отчетъ его:

«Мѣщанинъ Бѣльковъ (компаньонъ купца Протодьяконова), вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Санникомъ, лѣтовали сего 1810 года на Котельномъ островѣ, для промысла мамонтовой кости и пещеръ. Они избрали для лѣтования западную сторону острова, на которой предполагали имѣть изобилінѣйшіе промыслы, потому, что до сего времени никто на сей сторонѣ не бывалъ.

«Мѣщанинъ Санниковъ, проходя по западному берегу Котельнаго острова, въ 150 верстахъ отъ тѣхъ мѣсть, до коихъ доходили прежніе промышленники, нашелъ:

1. «На берегу выкопанную могилу; тѣло было вырыто медвѣдемъ. Послѣ могилы стояла долгая, узкая и высокая нарта, строеніе коей отъ всѣхъ известныхъ отлично, и доказывало, что ставили ее люди лямками. Въ одномъ концѣ могилы сдѣланъ деревянный крестъ, обложенный свинцомъ, съ обыкновенною, церковною, Русскою надписью. Подъ креста лежали желѣзный

«ботась (родъ узкаго однолезвейнаго копья) и
«двѣ жельзныя стрѣлы.

2. «Въ недальнемъ отъ сего мѣста разстояніи
«было четыреугольное рубленое зимовье, въ ко-
«емъ найдено нѣсколько вещей изъ оленьяго ро-
«га, тесанныхъ топоромъ.

3. «На рѣчкахъ, гдѣ линяютъ гуси, находиль
«Санниковъ гусиныхъ кости, въ доказательство,
«что были здѣсь люди, а на морскомъ берегу
«видѣль китовые позвонки. Также замѣчено имъ,
«что дикіе олени сего мѣста гораздо боязливѣ
«и осторожнѣ находящихся на матерой земли
«Сибири.

4. «Берегъ, въ томъ мѣстѣ, до коего Санниковъ
«доходилъ, оборачивается на востокъ, а на сѣ-
«веро-западѣ, въ примѣрномъ разстояніи 70 верстъ,
«видны высокія каменные горы.»

Какъ Санникову и всѣмъ Усть-Янскимъ и Ин-
дигирскимъ промышленникамъ было известно, что
на западномъ берегу острова никто прежде не бы-
валъ, то видѣнные признаки бытія здѣсь Рус-
скихъ людей приписываетъ Геденштромъ круше-
нію какого либо коча мореходцовъ 17-го столѣтія.

Замѣчаніе Санникова, касательно высокихъ горъ
на NW отъ Котельного острова, побудило къ
намѣренію, весною слѣдующаго года, подробнѣе
все изслѣдоватъ. Окончательную опись Новой Си-
бири и Фаддеевскаго острова поручили геодези-
сту Шпеницыну, а казачьему сотнику Татаринову,
котораго обучили употребленію компаса,
приказано попытаться объѣхать съ сѣверной сто-

роны полынью, простиравшуюся отъ Новой Сибири къ Колымѣ.

Занимаясь распоряженіями къ приведенію изложенныхъ намѣреній для будущаго года въ исполненіе,ѣздилъ Геденштромъ въ Верхо-Янскъ, гдѣ получилъ повелѣніе отъ Иркутскаго Гражданскаго Губернатора возвратиться немедленно въ Иркутскъ, для личнаго обо всемъ отчета, съ тѣмъ, чтобы ко времени отправленія на острова, быть опять въ Усть-Янскѣ.

По прибытии Геденштрома, 4-го Января 1811 года, въ Иркутскъ, объявлено ему, что Гражданскій Губернаторъ, видя отягощеніе, которое малочисленные жители береговъ Ледовитаго моря несутъ отъ экспедиціи, представляя уже вышедшему начальству объ ея уничтоженіи. По разсмотрѣніи всѣхъ дѣйствій Геденштрома, предположено было окончить опись острововъ Котельнаго, Фаддеевскаго и Новой Сибири, однакожь съ тѣмъ, чтобы все выполнено было безъ Геденштрома, котораго Губернаторъ оставилъ при себѣ.

Въ слѣдствіе сего даны нужныя предписанія геодезисту Пшеницыну, которому назначены въ помощь мышанинъ Санниковъ, сотникъ Татариновъ и унтеръ-офицеръ Рѣшетниковъ, находившійся съ Геденштромомъ во всѣхъ его разѣздахъ.

Геодезистъ Пшеницынъ*, выѣхавъ въ началѣ Марта 1811 года изъ Русскаго Устья (деревня на Индигиркѣ) на Новую Сибирь, въ нартахъ,

* Отчетъ сей выписанъ мною изъ приложения къ журналу Геденштрома.

объехалъ ее, описалъ, и представилъ карту. Земля сія оказалась островомъ, имѣющимъ въ окружности 470 верстъ; съ съверной стороны Каменчаго мыса, сотникъ Татариновъ пускался въ море, но проѣхавъ не болѣе 25 верстъ, доѣхалъ до тонкаго льда, за которымъ видно было открытое безъ льдовъ море. Съверные берега сей земли состоять изъ крутыхъ, почти неприступныхъ яровъ. Наноснаго лѣса на южной сторонѣ довольно, а на съверной, кромѣ двухъ губъ, нигдѣ его не находили.

Мѣщанинъ Санниковъ, также въ началѣ Марта 1811 года, пустился изъ Усть-Янска, въ трехъ нартахъ, на Фаддеевскій островъ, оставивъ товарища своего, унтеръ-офицера Рѣшетникова, для приготовленія всего нужнаго къ лѣтovanью на Котельномъ островѣ. Прибывъ на Фаддеевскій островъ, и давъ нужный собакамъ отдыхъ, 27-го отправился онъ въ путь для обѣзда всего острова. Въ западной сторонѣ его, съ которой началъ путь свой, море, почитаемое прежде проливомъ, оказалось заливомъ. Верхній конецъ сего залива оканчивается до самаго моря низменнымъ пескомъ, которымъ Фаддеевскій островъ соединяется съ Котельнымъ. Съверо-западная оконечность Фаддеевскаго острова состоитъ изъ каменнаго, высокаго, узкаго, далеко въ море простирающагося мыса, отъ котораго земля, оборачиваясь круто на юго-востокъ и востокъ, составляетъ губу; въ восточной части острова, берегъ, склоняясь къ юго-востоку, простирается до Благовѣщенска-

ко мыса, составляющаго восточную оконечность острова, до котораго Геденштромъ доехалъ въ 1809 году, и съ котораго онъ пустился на Новую Сибирь.

Съ съвернаго берега видѣлъ Санниковъ на съверѣ землю, съ высокими горами; пустившись туда, проѣхалъ неболѣе 25 верстъ, когда былъ удержанъ полыньею, простиравшеюся во всѣ стороны; земля ясно была видна, и онъ полагалъ, что она отъ него тогда не болѣе 20 верстъ отстояла. Съ Благовѣщенскаго мыса также пускался онъ на съверъ въ море, но проѣхавъ не болѣе 30 верстъ, доехалъ до открытаго моря.

12-го Апрѣля Санниковъ возвратился въ Усть-Янскъ, и тотчасъ приступилъ къ отправкѣ оленей и прочаго на Котельный островъ для лѣтовки. 2-го Мая, обозъ его выступилъ изъ Усть-Янска, а 17-го прибылъ благополучно на Котельный островъ. Олени, по долгомъ ожиданіи, наконецъ пригнаны на островъ 9-го Іюня, числомъ 23, тогда, какъ ледъ во многихъ мѣстахъ уже былъ изрѣзанъ щелями и сообщеніе дѣлалось крайне опаснымъ. Назначеные для Пшеницына на Фаддеевскій островъ олени, по причинѣ поздняго времени, не были приведены, почему предвидѣлись для него величайшиe недостатки и затрудненія провести лѣто въ такомъ безпомощномъ состояніи.

Олени, не взирая на то, что отъ труднаго и дальнаго пути къ Котельному острову, были весь-

ма изнурены, скоро поправились, такъ, что 25-го Июня могли отправиться въ путь.

Слѣдя на оленяхъ, не могли всегда держать-ся берега, гдѣ рѣдко бываютъ довольно хорошія для оленей кориовища; зная также западную и восточную стороны острова на дальнее разстояніе, приняли намѣреніе пройдти внутрь земли, какъ можно далѣе, и тогда оборотиться къ берегу, и придерживаться его, сколь возможно ближе, пока опять дойдутъ до известныхъ уже мѣстъ.

Такимъ образомъ пустились вверхъ по Царевої рѣкѣ, съ которой своротили вправо, на восточную сторону острова, къ Санниковой рѣкѣ, отъ которой, все уже держась берега, обошли весь островъ вокругъ. Сей путь совершили въ 54 дня, и возвратились въ зимовье 17-го Августа. На пути питались болѣе дикими гусями и оленями; первыхъ стрѣляли изъ ружей, а оленей убивалъ Юкагирскій Князекъ, посредствомъ пріученнаго къ такому промыслу домашняго оленя, который непримѣтнымъ образомъ приближался къ табуну дикихъ оленей и закрывалъ собою своего хозяина.

Въ семъ путешествіи встрѣтились слѣдующіе замѣчанія достойные предметы:

«1-е. Въ значительномъ разстояніи отъ берега, на возвышенныхъ мѣстахъ, лошадиные, буйволовыя, бычачи и овеччи головы и кости въ великомъ множествѣ, ведущія къ заключенію, что сіи животныя водились здѣсь въ древнія времена цѣльными стадами. Но чѣмъ могли они питаться въ

такой бесплодной и суровой странѣ? Иначе изъяснить невозможно, какъ предположивъ, что тогда климатъ былъ здѣсь гораздо умѣреннѣе, и сіи стада рогатаго скота, вѣроятно, были современники мамонтамъ, кости которыхъ во множествѣ тамъ находятся, и тогда же произрасталъ и лѣсь, окаменѣлые остатки котораго встречаются цѣльными слоями на Новой Сибири.

«2-е. Многіе признаки Юкагирскихъ жилищъ. Въ Усть-Янскѣ и на Индигиркѣ есть преданіе, что лѣтъ за 150, множество Юкагировъ удалились на острова, избѣгая отъ свирѣпствовавшей тогда осипы; вѣроятно, что сей народъ перешелъ по-томъ на другіе острова или земли Ледовитаго моря.

«3-е. Изъ окаменѣлостей, кромѣ окаменѣлаго и смолистаго дерева, найдено въ Санниковой рѣчкѣ, на восточной сторонѣ острова, множество аммонитовъ, въ большихъ шарахъ затвердѣлаго ила. На западной сторонѣ острова находимы были на берегу китовыя кости, и онѣ доказываютъ, что отъ Котельнаго острова къ сѣверу простирается безпрепятственно обширный океанъ, не покры-вающійся льдомъ, подобно Ледовитому морю при материкѣ Сибири, гдѣ никогда китовъ и костей ихъ не видывано.*

«4-е. Изъ описанія путешествія Санникова, въ 1810 году, по западной сторонѣ Котельнаго острова, известно, что Санниковъ тогда нашелъ на

* Изъ описанія путешествій XVIII столѣтія видно, что тогда киты нерѣдко попадались въ семъ морѣ.

самоиъ берегу старое Русское зимовье и могилу съ крестомъ, и проч. Нынѣ Санниковъ и Рѣшетниковъ, прибывъ на то мѣсто, рѣшились открыть могилу; они нашли въ ней деревянный срубъ, а въ немъ нижнія челюсти человѣка, и слѣдующія вещи: 17 желѣзныхъ стрѣль, тоцоръ, колыбѣ для литья пуль, пилу, двѣ уды, огниво, кремень обитый, костяной гребень, и истлѣвшіе песчаные, оленыи и овчинные лоскутыя, и юфте-вые переды чаркѣвъ (Сибирскихъ котовъ). Неподалеку отъ могилы нашли желтой мѣди кастрюлю, тоцоръ и перерубленныя лыжи. Могила была вытаяна огнемъ, что доказывали найденные въ ней обгорѣлія головни и опаленная дресва. Откуда человѣкъ Русскій зашелъ на сей островъ? Кто его похоронилъ по обрядамъ Русскимъ и Азіатскимъ? Когда онъ здѣсь былъ и куда дѣвались его товарищи? Вотъ вопросы, на которые отвѣтить невозможно.

«5-е. Близъ устья Царевої рѣки нашли также ветхое судовое дно. Доски были изъ сосноваго, а кокоры изъ кедроваго лѣса. Конопать была засмоленная мочалы. »

4-го Октября, Санниковъ отправился для обозрѣнія низменнаго пещанаго мѣста, простирающагося вдоль восточной стороны острова, и для проѣзда оттуда на Фаддеевскій островъ, для на-вѣданія, какъ о томъ приказано ему было отъ Геденштрома, о геодезистѣ Пшеницынѣ.»

Геодезистъ Пшеницынъ, въ исходѣ Апрѣля, выѣхалъ изъ Русскаго Усть-Янскаго селенія, съ

сотникомъ Татариновымъ на Фаддеевскій островъ, полагая провести на немъ лѣто. Онъ расположилъся въ зимовье, въ ожиданіи оленей, которыхъ долженъ быть туда привести Князекъ Юкагирскій, но какъ Князекъ не прибылъ, то старался Пшеницынъ пѣшкомъ, сколько возможно, следовать берегомъ.

Перенеся величайшія трудности, онъ не могъ пройдти и 50 верстъ, возвратился въ зимовье, и ожидалъ осени, чтобы выѣхать на матерую землю, или на Котельный островъ. Къ несчастію, не было въ то лѣто мышей на островѣ (мыши островные часто кочуютъ съ острова на островъ, и даже на матерую землю), и собаки совершенно изнурились, потому, что вся надежда ихъ про-кормленія полагалась на мышей, которыхъ онъ лѣтомъ сами ловить. Завезенный кормъ хранился только на обратный путь.

6-го Октября, прибылъ Санниковъ на Фаддеевскій островъ, и засталъ геодезиста Пшеницына съ товарищами въ самой крайности. Большая половина собакъ у нихъ перемерла, а остальные, по недостатку въ кормѣ, столь были худы, что никакъ вѣхать было невозможно, а также и въ сѣстныхъ припасахъ терпѣли они крайній недостатокъ.

10-го Октября, всѣ, съ Санниковымъ и Рѣшетниковымъ, отправились съ Фаддеевскаго, и 13-го прибыли на Котельный островъ, гдѣ геодезистъ Пшеницынъ, изъ записокъ Санникова и словес-

ныхъ рассказовъ, составилъ журналъ и сочинилъ Котельному острову карту.

27-го Октября, отправились съ Котельного острова въ путь. На морѣ подвержены были, по причинѣ тонкаго льда и многихъ полыней, великой опасности, но опытностью Санникова благополучно всего избавлялись.

12-го Ноября, съ оленями прибыли благополучно въ Усть-Янскъ. Отсюда Санниковъ и Рѣшетниковъ, 27-го числа, выѣхали въ Иркутскъ, куда прибыли 15-го числа Января 1812 года.

Пшеницынъ оставался для распродажи вещей, припасовъ, оленей экспедиціи, и удовлетворенія жителей за кормъ, нарты, и прочее. Окончивъ все, возвратился онъ въ Иркутскъ, въ Сентябрѣ 1812 года.

Тѣмъ кончилась экспедиція г-на Геденштрома, столь занимательная по многимъ отношеніямъ. Особенно любопытны замѣчанія сего достойнаго исполнителя опаснаго и труднаго порученія о предметахъ естествознанія лѣдистой страны, такъ, что не излишнимъ считаю выписать ихъ вкратце изъ его журнала:

«По всему берегу Ледовитаго моря лѣсь не растетъ. Онъ оканчивается постепенно; близъ предѣловъ своихъ покрытъ мохомъ, низокъ и искривленъ. На нѣкоторое пространство отъ конца лѣсовъ растетъ еще низкій тальникъ и ерникъ (*betula nana*), которые съ приближеніемъ къ морю становятся примѣтно рѣже и ниже, и нако-

ицъ вовсе теряются. Изъ деревъ одна лиственница растеть въ крайнихъ къ съверу лѣсахъ.

«Все пространство оть лѣсовъ до берега Ледовитаго моря состоить изъ тундры, т. е., покрыто ихомъ, крайне болотисто и усыпано озерами. Въ рѣдкихъ мѣстахъ произрастаетъ трава. Берегъ Ледовитаго моря во многихъ мѣстахъ весьма низокъ, почти равенъ съ моремъ, такъ, что зимою трудно было бы его отличать безъ наноснаго лѣса. Все доказываетъ, что сей увалъ въ древніе годы былъ берегомъ, и что Ледовитое море отдѣляется оть береговъ Сибири. Оть низменныхъ береговъ простираются въ море на дальнее разстояніе иѣли, которыя зимою, а часто и во весь годъ, покрыты густымъ и высокимъ торосомъ.

«Многіе яры, на берегахъ Ледовитаго моря, рѣкъ и озеръ, удивленія достойны тѣмъ, что состоять изъ правильныхъ слоевъ льда и земли. Въ нѣкоторыхъ видны ледяныя жилы, перерѣзывающія земляные слои.»

На Ледовитомъ морѣ, въ ясный весенній день, особенно въ Апрѣль мѣсяцѣ, видимы отдаленнѣшіе предметы. Оть устьевъ Индигирки часто видѣть Деревянныя горы* на Новой Сибири. Разстояніе ихъ оть Индигирки не менѣе 312 верстъ. Быковскій мысъ, на правомъ устьѣ Лены, имѣть низменный берегъ, но также часто ясно видѣнъ бываетъ съ мыса Бархая, влѣво оть Яны, на разстоянії 115 верстъ.**

* Вышина ихъ, по измѣрѣніямъ лейтенанта Анжу, около 90 саж.

** Въ журналь Геденштрома сказано 300 верстъ, но несправедливо.

О съверныхъ островахъ Геденштромъ замѣчаетъ, что берега ихъ, болышею частію, состоять изъ синеватой глины. Изъ произрастеній находится мохъ, и въ рѣдкихъ мѣстахъ низкая трава, изъ рода солянокъ. Напротивъ, повсюду довольно, такъ называемой, куропаточьей травы; растеніе сіе низкое, стелющеся, гнѣздообразное; имъ питаются бѣлые куропатки. Наноснаго съ моря лѣса довольно на берегахъ, кроме съверныхъ береговъ Фаддеевскаго острова и Новой Сибири. Четвероногія: олени, выше станомъ оленей материка Сибири; песцы, бѣлые и голубые; бѣлые медвѣди; мыши, бурыя съ желтыми струйками, изрѣдка бѣлые; также замѣчены слѣды россомахи. Всѣ сіи звѣри туземные, вѣроятно, кроме россомахи. Птицы: бѣлые куропатки; бѣлые филины, какіе бывають въ Лапландіи и по всему съверу; турпаны, гагары, и родъ черныхъ гусей, величиною менѣе казарки, у коихъ крылья черные, хвостъ и спина бурые, брюхо и зобъ свѣтло-бурые. Жители приморскіе называютъ ихъ нѣмками. Мясо ихъ весьма вкусно и жирно. Рыбы: на Котельномъ островѣ, въ Царевой рѣкѣ, ловится красная рыба зубатка, а на Новой Сибири довольно рогатки. Она величиною до 4 вершковъ, походить на налима видомъ и вкусомъ, только брюхастье, и хвостъ у ней тонкѣ; на головѣ четыре твердыхъ, конической фигуры, возышенностіи, отъ которыхъ рыба сія и имя свое получила.

Изъ ископаемыхъ находится на Новой Сибири

смолистое дерево; тутъ же по близости есть пре-
восходной доброты точильный камень. Упомяну-
тыя выше Деревянныя горы названы симъ име-
немъ отъ того, что образуютъ утесы, состоящіе
изъ горизонтальныхъ, равной толщины слоевъ
пещаника и смолистаго дерева, въ видѣ бревенъ.
Въ утесахъ бревна сіи имѣютъ горизонтальное
положеніе, а на самой вершинѣ горы стоять
вертикально одно подъ другаго. Вышина кон-
цовъ, на поверхности земли, отъ 2 до 4 вершковъ.
Видъ ихъ весьма походить на заваленную плоти-
ну, изъ которой выказываются одни концы. По
всей поверхности горы разбросаны довольно боль-
шие куски каменнаго угля. Видъ сего угля чрез-
вычайно обманчивъ, потому, что онъ совершенно
походить на потухшій только что уголь, подер-
нутый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пепломъ. Гедени-
ромъ не могъ узнатъ, изъ чего состоить нѣжная,
блѣдоватая плева его, крѣпко впрочемъ соединен-
ная съ углемъ. *

На Котельномъ островѣ попадаются аммониты.
На всѣхъ островахъ находять изрѣдка темно-крас-
ные сердолики. Мамонтовыя клыки, или, какъ
нѣкоторые называютъ, рога мамонта, не попада-

* Лейтенантъ Анжу говорить о Деревянныхъ горахъ слѣдую-
щее: «Онъ суть ни что иное, какъ отвѣсный, до 20 саж. земляной
яръ, образующій морской берегъ, на разстояніи около 5 верстъ;
въ семь яръ лежать, почти горизонтально, бревна кучами, мѣста-
ми по 50-ти вѣстѣ, выходящія концами своими наружу. Са-
мое толстое, имено видимое, имѣло въ діаметрѣ полторы четверти;
составомъ хрупки, полутверды, чернаго, слабо-лоснищагося цвѣта;
гортать на угольяхъ трудно и издаютъ смолистый запахъ.»

лись тяжеле и нести пудовъ, а напротивъ, на матеромъ берегъ, въ некоторой отдаленности отъ моря, находили рога въ 12-ть пудовъ. Въ замѣнъ того островная кость свѣжѣе и бѣлѣе. На первомъ Ляховскомъ островѣ примѣчательно, что если отмѣль на западной сторонѣ острова, отъ продолжительныхъ вѣтровъ, обнажается, то находить на ней множество вновь нанесенныхъ изъ моря роговъ.

Астрономическія наблюденія г-на Геденштрома, для опредѣленія географического положенія мѣстъ, не заслуживаютъ большаго вниманія. Широта Святаго Носа, полагаемая имъ $71^{\circ} 50'$, разнствуетъ ровно однимъ градусомъ, недостаточно, съ опредѣленіемъ лейтенанта Лаптева, и около $1^{\circ} 5'$, также недостаточно, противъ вѣрнѣйшей обсервации лейтенанта Анжу. Въ другихъ мѣстахъ берегъ болѣе полу-градуса положенъ южнѣе новѣйшихъ опредѣленій. Съверные острова слишкомъ по долготѣ растянуты; отъ самаго западнаго мыса Котельного острова до самаго восточнаго Новой Сибири по картѣ Геденштрома 285 миль разстоянія, но лейтенантомъ Анжу найдено оно не болѣе 25 миль Итальянскихъ. Подобныя невѣрности дѣлаютъ опись Геденштрома ненадежною.

Читатель легко усмотрить изъ предшествовавшаго, что хотя съверные берега Сибири, и прилежащіе къ нимъ острова, были неоднократно осмотрѣны и частію описаны, однакожъ, за исключеніемъ капитановъ Кука и Биллингса, ни одна

географическая экспедиція, занимавшаяся въ сей части свѣта, не могла соответствовать требованиямъ географовъ и мореходцовъ, и морскія карты берега различновали въ широтѣ нѣкоторыхъ пунктовъ на $1\frac{1}{2}$ °. Такъ, напримѣръ, на генеральной меркаторской картѣ, изданной капитаномъ Сарычевымъ при путешествіи экспедиціи капитана Биллингса, положены: Святой Носъ 70° 53', а съверный пунктъ берега между Алазею и Колымою 70° 07'; у Геденштрома, первый 71° 50', второй 70° 27', а на оригинальной картѣ Дмитрия Лаптева, первый 72° 50', а второй 71° 05'.

Сверхъ того, отъ Шелагского мыса до мыса Съвернаго оставался берегъ вовсе еще неосмотрѣннымъ, а извѣстія о плаваніи казака Дежнева изъ Колымы въ Беринговъ проливъ были столь неопределенные, что Бурней находилъ въ нихъ доказательства въ подтвержденіе гипотезы своей о соединеніи Америки съ Азіею перешейкомъ близъ Шелагского мыса.*

Наконецъ, неопровергнутыя преданія, возобновленныя въ позднѣйшее время мѣщаниномъ Санниковымъ, о существованіи земель на съверъ отъ Котельного острова и Новой Сибири, и противъ рѣки Колымы, дѣлали географію сей части земли еще болѣе неизвѣстною, въ то время, когда съверные берега нового материка приводились въ точнѣйшіе предѣлы трудами Росса, Парри и Франклина.

* См. Burney's Chronological History.

Таковы были причины, побудившія блахенной памяти Императора Александра I-го повелѣть отправить къ устьямъ рѣки Яны и Колымы двухъ морскихъ офицеровъ, съ помощниками, снабдивъ ихъ нужными инструментами, и доставивъ всѣ возможные способы къ открытію предполагаемыхъ въ Ледовитомъ морѣ земель и точнѣйшему описанію береговъ Сибири, между означенными рѣками и за Шелагскій мысъ.

Въ слѣдствіе сей Высочайшей воли, морское начальство назначило два отряда, въ каждомъ морского лейтенанта, двухъ помощниковъ, врача, свѣдущаго по части Естествознанія, и двухъ человѣкъ нижнихъ чиновъ, знающихъ слесарное и плотничное ремесла. Одинъ отрядъ, подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, долженъ былъ отправиться на рѣку Яну; другой, назначенный дѣйствовать съ рѣки Колымы, порученъ мнѣ, и по собственному моему желанію опредѣлены къ сему отряду:

Мичманъ Матюшкинъ,
Штурманъ Козыминъ,
Докторъ Медицины Киберъ,
Слесарь Иванниковъ.
Матросъ Нехорошковъ.

Въ числѣ инструментовъ для астрономическихъ и физическихъ наблюдений находилось при сей отрядѣ:

Секстановъ	3
Артифіціальныx горизонтовъ со ртутью	3
Карманный секстанъ	1
Азимуфъ-компасъ	1

Ручныхъ мель-компасовъ	3
Термометровъ { ртутныхъ	3
спиртовыхъ	4
Барометровъ походныхъ	2
Инклиниаторъ	1
Искусственныхъ магнитовъ	2
Государственный Адмиралтейский Департаментъ, въ составленной для руководства инструкціи, изложилъ средства и цѣль отряда слѣдующими словами:	

«Изъ журналовъ прежнихъ плавателей по Ледовитому морю видно, что въ лѣтнее время, за множествомъ лосимаго по оному морю льда, невозможно производить описи на мореходномъ суднѣ. А. какъ сержантъ Андреевъ, въ 1763 году, и титуллярный советникъ Геденштромъ и геодезистъ Пшеницынъ, въ 1809, 1810 и 1811 годахъ, въ весеннее время, съ удобностію по льду на собакахъ, объѣзжали и описывали, первый Медвѣжий острова, а двое последнихъ Ляховскіе острова и Новую Сибирь, то и нынѣ полагается таковыми же способами исполнить Высочайшую волю Его Императорскаго Величества, и первый отрядъ отправляемой экспедиціи назначается для описи береговъ отъ устья рѣки Колымы къ востоку до Шелагскаго мыса, и отъ онаго на съверъ, къ открытію обитаемой земли, находящейся, по сказанію Чукчей, въ недальнемъ разстояніи.»

Экспедиція приступила въ полное распоряженіе Сибирскаго Генералъ - Губернатора, действи-

тельнаго тайного советника, Михайла Михайловича Сперанскаго; всъмъ, что экспедиція совершилъ успѣла, обязана она мудрымъ распоряженіямъ Его Высокопревосходительства; безъ его особеннаго и сильнаго покровительства, предпріятіе рушилось бы въ самомъ начальѣ, отъ недостатка мѣстныхъ способовъ.

==

ГЛАВА II.

Отъездъ Экспедиціи изъ С.Петербурга. Прибытие въ Иркутскъ.—
Плаваніе по рекѣ Ленѣ. — Городъ Якутскъ.

Оба отряда нашей экспедиціи отправились изъ С. Петербурга 23-го Марта 1820 года, и прибыли въ Москву 3-го Апрѣля. Здѣсь отдохнули я отъ начальника втораго отряда, лейтенанта Анжу; онъ рѣшился пробыть въ Москвѣ, со всѣми нашими инструментами, до установленія лѣтняго пути, а я, поручивъ оставшемуся при немъ г-ну Козьмину частный присмотръ за инструментами, принадлежавшими къ моему отряду, поспѣшилъ, съ мичманомъ Матюшкинымъ, въ Иркутскъ, дабы тамъ немедленно заняться нужными приготовленіями къ дальнѣйшему пути. Для ускореніяѣзды нашей, мы взяли съ собою только два небольшіе чемодана, съ необходимымъ платьемъ и бѣльемъ, и отправились на обыкновенныхъ перекладныхъ.

Разлитіе многихъ рѣкъ по сю и по ту сторону Уральскихъ горъ крайне замедляло путешествіе наше, но вмѣсть съ тѣмъ однокожъ и разнообразило его окружавшими насть видами. Всѣ удолья превратились въ огромныя вмѣстилища водь и въ озера; изъ нихъ торчали вершины уже зеленѣвшихъ деревъ, представляя взору чудное явленіе пловучихъ садовъ, между которыми, несясь чрезъ холмы и горные хребты по хорошимъ, и дурнымъ дорогамъ, достигли мы наконецъ до неизмѣримой Сибири.

Отъ Москвы до Иркутска, на пространствѣ 5317 верстъ, составляющемъ едва треть всего протяженія Россіи отъ запада къ востоку, встрѣчали мы нѣсколько разъ весну и нѣсколько разъ зиму; своротя въ сторону, на незначительное по Сибирскому размѣру разстояніе, мы могли бы найти столь же легко совершенное лѣто. Въ Казани зеленѣли уже деревья и луга украшались прекраснѣйшими цвѣтами, а на высотахъ и въ долинахъ Уральскихъ горъ лежаль еще глубокій снѣгъ. Въ окрестностяхъ Тобольска едва пробивалась свѣтлозеленая трава по отлогимъ мѣстамъ, между тѣмъ, какъ въ романическомъ Красноярскѣ улыбалась намъ роскошнѣйшая весна, а въ Иркутскѣ стояли сады уже въ полномъ цвѣтѣ. Къ сожалѣнію, спѣша на мѣсто нашего назначенія, мы только мимолетомъ удивлялись безпрестанно смѣнявшимся красотамъ природы и рѣзкимъ противоположностямъ всякаго рода, кото-

рыя дѣлались еще болѣе рѣзкими отъ быстрой зѣзы нашей, и отъ того, что не въ состояніи будучи слѣдоватъ за постепеннымъ измѣненіемъ предметовъ, переносились мы изъ великомѣшаныхъ чертоговъ столицы блокаменной Москвы въ юрты кочующихъ Тунгусовъ, изъ нѣобозримыхъ дубовыхъ и липовыхъ лѣсовъ Казани на голыя, сѣвѣромъ и лѣдомъ покрытые тундры по берегамъ Алазеи и Колымы. Какая разность въ климатѣ, произведеніяхъ, населеніи, физіономіи странъ! Какое разстояніе между степенью умственнаго образованія жителей столицы и народовъ кочующихъ!

Коль скоро перешагнете за Уральскій хребеть, или, по тамошнему, за Каменныи Поясъ, слѣдовательно, вступите въ Сибирь собственно, въсѧ поражаютъ самыми неожиданными образомъ рѣдкое добродушіе и привѣтливость обитателей сей страны, которую все еще представляютъ себѣ столь многіе, особенно иностранцы, ужасною, хладною пустынею, наполненную злодѣями и преступниками. Вместо того, путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь, именно въ южной части, роскошную растительность, хорошо воздѣланыя поля, отличная почтовыя дороги, большія, хорошо устроенные деревни и совершиенную безопаснѣсть, какую едвали можно найти въ образованѣйшихъ государствахъ Европы. Вездѣ принимали насъ съ радушнымъ гостепріимствомъ и безкорыстіемъ, и безъ малайшей задержки,

тотчасъ отправляли далѣе. При перемѣнѣ погоды, случалось ли то днемъ или ночью, венчаніи, межами на большой дорогѣ безъ всякаго присмотра, и часто, при малѣйшемъ изъявленіи на счетъ тогоже опасенія, намъ отвѣчали просторечно: «Небось! Тутъ ничего не украдутъ.»

Мая 18-го приѣхали мы въ Иркутскъ, и остановились въ домѣ начальника Адмиралтейства, лейтенанта М. И. Кутыгина, у котораго, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, проведенного мною здѣсь, пользовался я самыимъ радушнымъ гостепріимствомъ. Немедленно явился я къ бывшему тогда Сибирскимъ Генераль-Губернаторомъ, действительному тайному совѣтнику Сперанскому. Его Высокопревосходительство, удостоивъ меня самаго лестнаго пріема, съ предупредительною готовностью доставилъ мнѣ всевозможныя пособія къ снаряженію и приготовленію всего нужнаго для нашего дальнѣйшаго путешествія, такъ, что въ короткое время успѣль я застасить всѣмъ, что только здѣсь и отсюда получить было возможно. Между прочимъ, М. М. Сперанскій сообщилъ мнѣ, по своей благосклонности, всю переписку, веденную имъ по предмету нашей экспедиціи, со всѣми мѣстными начальствами тѣхъ областей, черезъ которыя проѣзжать ей надлежало, какъ равно и донесенія господина Гедештрома, посыпавшаго въ 1811 году берега и острова Ледовитаго моря, приказавъ мнѣ представить

собственное мнѣніе мое обо всемъ, что казалось бы еще нужнымъ и полезнымъ для лучшаго усиѣха въ предпріятіи нашемъ. Письменныя свѣдѣнія и личное мое знакомство съ г-мъ Гедештромъ, вызваннымъ въ Иркутскъ по распоряженію господина Генералъ-Губернатора, были для меня весьма важны, ибо я узналъ уже здѣсь, что предстоитъ мнѣ въ Нижне-Колымскъ и на берегахъ Ледовитаго моря. Картина странъ, покрытыхъ вѣчнымъ саваномъ, сотканнымъ изъ снѣга и льдовъ, странъ, гдѣ, кромъ суроваго климата, полагаль намъ непреодолимыя препятствія єще недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ всякаго рода, такая картина была, признаюсь, по крайней мѣрѣ, непривлекательна; впрочемъ, она не имѣла никакого особеннаго вліянія на веселую бодрость нашу, съ какою приступивъ къ данному намъ порученію, мы взяли для того надлежащія мѣры.

По прибытіи въ Иркутскъ (въ первыхъ числахъ Іюня) лейтенанта Анжу, съ прочими къ экспедиції принадлежащими чинами, и съ инструментами, оставили мы 25-го Іюня столицу Сибири, исполненные признательности и благодарности за участіе, дружбу и всѣ пріятности, которыми пользовались въ ней, и которыя были для насъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что здѣсь некоторымъ образомъ разставались мы съ образованнымъ свѣтомъ, отправляясь года на четыре въ лѣдистыя пустыни, гдѣ надлежало отказаться отъ всѣхъ пріятностей и наслажденій общественной жизни, ко-

торыми съ избыткомъ пользовались въ гостепріимномъ Иркутскѣ, и особенно въ радушномъ семейномъ кругу тамошняго Губернатора И. Б. Цейдлера.

Іюня 27-го, прибыли мы всѣ въ мѣстечко Качугъ, находящееся въ 236 верстахъ отъ Иркутска, на лѣвомъ берегу Лены, которая отсюда начинаетъ быть судоходною. Тутъ нашли мы устроенный для насъ павозокъ, большое плоскодонное судно съ палубою, и нагрузивъ его припасами, заготовленными для насъ въ Иркутскѣ Адмиралтействомъ, пустились, 28-го Іюня вечеромъ, внизъ по теченію величественной Лены.

Урошице Качугъ являетъ собою нѣчто похожее на пристань, ибо отсюда сплавливаются всѣ купеческіе товары и казенные тяжести къ разнымъ городамъ и мѣстамъ, лежащимъ по Ленѣ.

Для того употребляютъ суда двоякаго рода: павозки и Ангарки. Первые суть большія, широкія барки, которыя нагружаются вскими тяжестями, отправляемыми до самаго Якутска, но по причинѣ своей величины, они не могутъ подниматься вверхъ по рѣкѣ, и потому, прибывши къ мѣсту своего назначенія, разбираются, и употребляются, какъ въ Петербургѣ барки, на строеніе и дрова. Ангарки, напротивъ того, суда меныше, поднимающія небольшое 80 пудовъ груза, возвращаются назадъ греблею и бичевою. Есть еще родъ довольно большихъ, покрытыхъ палубою судовъ, съ парусами; ихъ употребляютъ для перевозки разныхъ товаровъ.

по рѣкѣ, внизъ и вверхъ. Путешественники на-
дѣгkъ пользуются небольшими скороходными лод-
ками, и для безопасности держатся на вѣтринаго
берега; со станцій, расположенныхъ здѣсь въ
извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, они
имѣютъ право требовать столько гребцовъ, сколь-
ко лошадей значится въ ихъ подорожной, такъ,
что могутъ продолжать плаваніе свое довольно-
но скоро и безостановочно, особенно внизъ по
рѣкѣ.

Но воть все, что по сiе время сдѣлано здѣсь въ
пользу внутренняго сообщенія по рѣкамъ, а оно,
по своей великой важности, заслуживаетъ осо-
бенное вниманіе, въ столь малолюдной землѣ,
какова большая часть Сибири, гдѣ поселе-
нія отдалены одно отъ другого нерѣдко на иѣ-
сколько сотъ верстъ, и преимущественно потому,
что поселенія, лежащія далѣе къ сѣверу, не
могутъ существовать, ежели не подвезутъ имъ
необходимыхъ для содержанія запасовъ изъ болѣ-
южныхъ и болѣе обработанныхъ областей. Ве-
личественныя, исполинскія рѣки пересѣкаютъ Си-
бирь съ юга на сѣверъ, и, кажется, самою при-
родою предназначены нести избытки изъ юж-
ныхъ странъ ея въ отдаленные сѣверныя, оби-
татели коихъ терпять недостатокъ во всемъ;
главныя рѣки соединяются между собою множе-
ствомъ побочныхъ, большихъ или меньшихъ,
но вообще судоходныхъ, такъ, что едвали най-
дется какое либо средоточное мѣсто, до ко-
тораго нельзѧ было бы достигнуть водою. Та-

кинь благодъяніемъ природы хотя и пользуются, отправляя съ Якутской ярмарки* въ Жиганскъ, и въ прочія, внизъ по Ленѣ лежащія селенія, на большихъ или меньшихъ судахъ, изъ которыхъ необходимыя жизненные потребности и предметы роскоши, какъ то: муку, соль, чай, сахаръ, горячее вино, табакъ, и незначительное количество матерій, однакожъ, при несовершенствѣ судовъ и недостаткѣ работниковъ для приведенія ихъ въ движение, плаваніе не только бываетъ весьма ненадежно, но и производится обыкновенно столь медленно, что транспорты часто задерживаются, не достигнувъ мѣста своего назначенія, и принуждены бываются останавливаться до слѣдующей весны, гдѣ придется. Конечно, въ такомъ случаѣ доставляется иногда сухимъ путемъ некоторая часть самыхъ необходимыхъ вещей, но сего рода доставленіе сопряжено столь великими затрудненіями, и обходится столь дорого, что привозимые такимъ образомъ въ незначительномъ количествѣ товары продаются по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ, и большая часть бѣдныхъ жителей не въ состояніи ими запасаться. Потому безпрестанно находятся они въ мучительнейшей неизвѣстности на счетъ столь

* Большая часть товаровъ отправляется по условіямъ, заключаемымъ на Якутской ярмаркѣ въ началѣ Августа; но какъ нижняя съверная часть Лены замерзаетъ обыкновенно въ Сентябрь, то нерѣдко случается, что значительные казенные караваны не доходить даже до Жиганска.

важныхъ для нихъ подвозовъ, тѣмъ болѣе, что остановка ихъ влечетъ за собою, кроме недостатка въ той или другой жизненной потребности, вредныя слѣдствія для здоровья вообще. Наконецъ, и самое сохраненіе грузовъ, остановившихся на зимовку, въ продолженіе которой часть товаровъ подвергается порчѣ, крайне обременяетъ прибрежныхъ жителей, обязанныхъ ставить нужное число сторожей для надзора за казеннымъ имуществомъ.

Всѣ сіи неудобства можно устранить, по моему мнѣнію, постройкою одного парохода, съ помошью коего суда успѣвали бы пропытывать въ мѣсяцъ отъ Качужской пристани до отдаленнѣйшихъ мѣстъ нижней Лены. Совершая такимъ образомъ плаваніе, можно удобно дѣлать два оборота въ одно лѣто, и черезъ то достаточно снабжать сѣверную Сибирь всѣмъ нужнымъ. Отъ подобнаго ускоренія судоходства по Ленѣ, все пространство, тысячи на четыре версты, между Иркутскомъ и берегами Ледовитаго моря, получило бы новую жизнь, промышленность возрасла бы въ тѣхъ странахъ, жители ихъ имѣли бы необходимыя потребности надежнѣе и по гораздо дешевѣйшимъ цѣнамъ, и Сибирское лѣто, понынѣ слишкомъ короткое, показалось бы болѣе продолжительнымъ отъ благоразумнаго употребленія времени. При великому множествѣ неизмѣримыхъ лѣсовъ, растущихъ по обоимъ берегамъ верхней Лены, снабженіе парохода дровами, уже нарубленными, будучи со-

пряжено съ незначительными издержками, представляеть мало затрудненій, а жителямъ открываетъ новую отрасль промышленности.

Обратимся однакожъ къ моему рѣчному плаванію. Судно наше, скользя на поверхности величественной Лены, между высокихъ, романическихъ береговъ, неслось, или по течению струй, или подъ распущенными парусомъ, когда втѣрь благопріятствовалъ, или, въ противномъ случаѣ, на веслахъ.

Лена принадлежитъ, какъ известно, къ числу величайшихъ рѣкъ на земномъ шарѣ. Отъ Качусской пристани до станка Риги (на разстояніи 400 верстъ) протекаетъ она черезъ страну гористую, покрытую дремучими лѣсами, между берегами живописными (особенно въ верхней, южнѣйшей половинѣ), въ своихъ видахъ до безконечности разнообразными. По скатамъ горъ видишь обработанныя поля, луга, огороды, и между ними хижины поселянъ, живущихъ здѣсь отчасти отдѣльными дворами, а отчасти небольшими деревнями *. Самая рѣка усъяна множе-

* Жителямъ сихъ мѣстъ причиняютъ великій вредъ разливія рѣкъ, которыя отъ сильныхъ проливныхъ дождей и скоро растающихъ снѣговъ въ ущельяхъ горъ нерѣдко выступаютъ изъ береговъ, и разливаясь, заносять обработанныя уже поля, луга и огороды вязкимъ, бесполезнымъ иломъ. Черезъ то они лишаются плода трудовъ своихъ, и средствъ, для прокормленія себя и содержания своихъ незначительныхъ стадъ рогатаго скота. Въ такомъ случаѣ они обращаются къ казеннымъ магазинамъ, которые каждый годъ, всегда изобильно, наполняются избытками съ плодоносныхъ полей Иркутскихъ и Красноярскихъ. Сии за-

ствомъ низменныхъ островковъ, поросшихъ лѣсомъ. Горы постепенно возвышаются и становятся болѣе утесистыми; у станка Риги вдругъ поворачиваеть Лена круто на востокъ, и съ перваго взгляда кажется, что сближающіеся внизу оба стремнистые берега, какъ будто стѣсняютъ теченіе рѣки. Съ сего места принимаютъ многія отрасли горныхъ хребтовъ направление къ югу, и Лена, освободясь отъ стѣсняющихъ ее досель горъ и отвесныхъ скалъ, величественно и великолѣпно продолжаетъ свое теченіе между низменными берегами.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Лену, на означенному пространствѣ, упомяну только обь Оренгль, впадающей въ нее съ правой стороны; она замѣчательна по мелко-зернистому щепцаному камню, добываемому въ горахъ, образующихъ берега рѣки, и употребляемому жителями на бруски, которыми запаслись и мы; въ послѣдствии, они были для насъ весьма полезны.

Междуд Риги и станкомъ Усть-Кутскимъ попадается кое-гдѣ нѣсколько отмѣлей, затрудняющихъ плаваніе во время мѣлководья; далѣе однажды ходятъ употребляемыя здѣсь плоскодонныя суда вездѣ безпрепятственно. При устьѣ рѣки Куты, впадающей въ Лену съ лѣвой стороны, построено Рускими, въ 1631 году, первое постоянное зимовье на берегахъ Лены, которую часныя житницы весьма благодѣтельны и необходимы для существованія здѣшнихъ жителей; нуждающимися въ пособіи отпускаютъ изъ нихъ по десятымъ цѣнамъ зерно и муку.

открыли въ первый разъ, въ 1607 году, Мангазей-
скіе, или Туруханскіе, а потомъ, въ 1628 г., Енисей-
скіе казаки. Послѣдніе спустились съ верховья
Идирмы въ Куту, а первые поднялись вверхъ по
рѣкѣ Нижней Тунгускѣ, изъ которой, преслѣ-
дуда непокорившіяся еще Якутскія племена че-
резъ узкій волокъ, вошли въ Вилую, а по немъ
въ Лену.

Отъ станка Зaborья до города Киренска счи-
тается по сухому путь только 35 верстъ, а по
Ленѣ 105. Она течетъ большими извилинами по
сему пространству, которое отъ того и названо
Великими луками, и при глубинѣ въ 7-ми са-
жень, не имѣть почти ни малѣйшаго стремле-
нія. Отъ станка Риги горы опять начинаютъ по-
казываться съ правой и съ лѣвой стороны. У Ки-
ренска вся лѣвая береговая покатость состоить
изъ чернаго шифера, съ настилками слюды. Нѣ-
сколько верстъ вѣнцъ, на той же сторонѣ, нахо-
дятся слои зеленаго шифера въ красной глины;
далѣе верстъ за 100 весь берегъ состоять изъ
обыкновенной глины и не настоящаго шифе-
ра. Около такъ называемыхъ Щекъ, въ 250
верстахъ ниже Киренска, лѣвый берегъ обра-
зуютъ известковыя скалы, содержащиа въ себѣ
жилы кремнистой породы и кристаллы известко-
ваго шпата. Сіи скалы безпрестанно умножают-
ся, на разстояніи 350 верстъ, выше города Олек-
мы, у котораго берега опять понижаются и дѣ-
лаются низменными. Въ нихъ лежать во мно-
жествѣ обломки зеленаго порфира, простаго квар-

ца, съ глимерными блестками и глимернымъ шиферомъ, въ величайшемъ количествѣ. Около 150 верстъ до Олекмы, крутой берегъ состоитъ изъ слоевъ разноцвѣтнаго шифера, светло-зеленыхъ, а въ промежуткахъ светло-сѣрыхъ, очень тонкихъ; попадается также шиферъ зеленаго цвѣта, жесткій и неудобораскалываемый пещаникъ, а между шиферными настилками кое-гдѣ нѣсколько гипса. Наконецъ, весь лѣвый берегъ у Олекмы составляетъ глина, въ которой сѣроватый шиферъ стелется довольно толстыми пластами, и нерѣдко показывается прекрасный гипсъ, ослѣпительной бѣлизны.

Около 180 верстъ выше Якутска, у станка Батомоя, правый берегъ Лены образованъ изъ отвѣсно стоящихъ скаль, которыя по своему виду называются *Столбами*; въ нихъ, говорять, находятся различные породы мрамора. Далѣе, верстахъ въ 60 ниже Столбовъ, видны въ высокомъ отвѣсномъ берегѣ, изъ чисто-известковаго камня, пещеры, подземные ходы и тому подобное. Это, кажется, остатки отъ бывшихъ поисковъ серебряной руды, которую, по известнымъ признакамъ, надѣялись здѣсь открыть; но какъ найдено только незначительное количество свинца, а серебра вовсе не оказалось, то работы вскорѣ прекратились. Въ одной изъ сихъ пещеръ, въ 120 верстахъ отъ Якутска, докторъ Киберъ нашелъ странное явленіе природы: посреди пещеры, въ нѣсколько сажень глубины, на утесистой почвѣ, растетъ, по видимому, до-

вольно успѣшио, лиственица, не смотря на мракъ, ее окружающій.

Въ заключеніе моихъ краткихъ, неполныхъ замѣчаній о качествѣ Ленскаго берега, сообщу еще извѣто о двухъ примѣчанія достойныхъ, совершенно противоположныхъ ключахъ, находящихся верстъ за 150 ниже Столбовъ. Одинъ изъ нихъ, вытекающій изъ крутаго известковаго утеса, на лѣвомъ берегу, издастъ сѣрный запахъ при высокой температурѣ; другой, выющійся на правомъ берегу, содержитъ холодную, весьма прозрачную, но вкусомъ пресоленую воду.

Городъ Киренскъ есть не иное что, какъ довольно жалкая деревня, и не представляетъ ничего примѣчательнаго, кроме того, что жители его, занимаясь огородничествомъ, снабжаютъ Якутскъ, между прочимъ, отличнѣйшою капустою, картофелемъ, рѣпкою и другою зеленью, даже огурцами, которые однакожь въ иные годы, при наступлении раннихъ морозовъ, неслишкомъ удаются. Огороды располагаются всегда такъ, чтобы съ сѣверной и восточной стороны были защищены горами, утесами или лѣсомъ.

Неподалеку отъ станка *Частые Острова*, около 250 верстъ ниже Киренска, Лена, при глубинѣ въ 12 сажень, съ великимъ напоромъ протѣсняется между скаль, отвесно поднимающихся на 80 сажень. Сие мѣсто, называемое *Щеки*, знаменито по необыкновенно сильному и продолжительному эху, повторяющему ружейный и пистолетный выстрѣль разъ сто или болѣе, и притомъ столь

усиливающему отголосокъ, что, кажется, слышь продолжительный бѣглый огонь, даже пушечную пальбу цѣлаго парка. На семь мѣстъ, рассказывали намъ, случилось за нѣсколько лѣтъ предъ симъ весьма печальное происшествіе: Тунгусъ, преслѣдуя на лыжахъ лося, замѣтилъ, въ своеемъ охотничемъ пылу такъ же мало, какъ и перепуганный звѣрь, что находится на краю отвесной скалы, и—оба изринулись въ 80-ти сажен-ную бездну, на неровный ледъ рѣки, гдѣ нашли ихъ совершенно разбитыми.

По близости Щекъ торчить изъ рѣчнаго русла довольно высокій утесистый столбъ, который прибрежные жители, въ знакъ признательности, назвали *Пьянимъ Бычкомъ*, потому, что за нѣсколько лѣтъ, къ немалой ихъ радости, разбилось обѣ него, по неосторожности кормчаго, судно съ хлѣбнымъ виномъ, при чемъ они, разумѣется, поживились частію дорогаго груза. Этотъ памятникъ столь занимательного кораблекрушенія обѣихали мы благополучно, и при замѣтно уменьшившейся быстротѣ теченія проплыли мимо устья *Витима*, рѣки, знаменитой по добываемой на ея берегахъ слюдѣ, а еще болѣе по превосходнымъ соболямъ, которые, послѣ Олекминскихъ, почитаются лучшими въ цѣлой Сибири. Вообще лѣса на правомъ берегу Лены изобилуютъ различными пушными звѣрями отличной породы, между тѣмъ, какъ на лѣвомъ берегу они попадаются рѣже и мѣха ихъ цѣнятся не столь высоко. Естественной причины сказанному долж-

но искать въ томъ, что правый берегъ покрытъ дремучими лѣсами, соединяющимися непосредственно съ лѣсами Яблоннаго Становаго хребта, въ которые не проникали самые отважные промышленники; напротивъ того, лѣвый берегъ не столь лѣсистъ, болѣе заселенъ, и, следовательно, для нихъ доступнѣе.

Юля 9-го находились мы напротивъ города Олекмы **; тутъ, при сильномъ дождѣ, поднялась съ низу рѣки столь жестокая буря, что совершенно остановила теченіе рѣки съ нашимъ навозкомъ, и заставила насть прибѣгнуть къ средству, которое употребляется здесь въ такихъ обстоятельствахъ не безъ успѣха: связавъ веревками чѣтыре листвени въ рядъ, прикрѣпили ихъ веревками къ передней части нашего судна, и привѣсивъ къ нимъ камни, погрузили ихъ вершины въ рѣку, съ небольшимъ на сажень отъ поверхности воды; при такой глубинѣ, нижнее теченіе въ рѣкѣ, не будучи под-

* Такъ называется горный хребетъ, протягивающійся вдоль Лены съ востока на югъ, и соединяющійся съ Байкальскими горами.

** Олекминские соболи почитаются лучшими въ Сибири; иной превосходный соболь продается по 50, по 100 рубль и дороже. Здешніе бѣлчицы мяка, отличающіеся весьма густымъ, длиннымъ и темно-стрымъ волосомъ, покупаются также въ значительномъ количествѣ и по дорогимъ цѣнамъ. Потому Олекма есть важный городъ въ торговлѣ пушными товарами; онъ заинтересованъ еще и тѣмъ, что составляетъ въ Сибири порубежную черту земледѣлія, за которую, да же къ сѣверу, оно прекращается, да и здесь не всегда съ успѣхомъ производится; часто ранніе морозы уничтожаютъ надежды земледѣльца. Съють почти исключительно озимую рожь.

вержено вліяню вѣтра, понесло насть впередъ посредствомъ нашого подводнаго паруса, вопреки вѣтру и сильному волненію, при чмъ нашего плавозка не метамо поперегъ рѣки, какъ прежде.

Не смотря на продолжительный дождь во время плаванія, иѣсколько разъ видѣли мы горящіе лѣса, на великихъ пространствахъ вдоль береговъ. Мѣлкій кустарникъ и сухой валежникъ были болѣею частію уже сожжены, но исподицокія сосны и листвени, совершенно обѣятыя пламенемъ, стояли густыми рядами, подобно огромному огненному столбу, и отражавшися отъ нихъ въ рѣкѣ заревомъ, при ужасной трескѣ смолистаго хвойника, представляли, особенно ночью, великолѣпное зрѣлище. Подобные лѣсные пожары, простирающіеся нерѣдко верстъ на сто, случаются здесь довольно часто, и почти всегда отъ безпечности промышленниковъ, или проѣзжихъ: они не гасятъ огня, разводимаго ими для приготовленія пищи, или для того, чтобы посредствомъ дыма избавиться ночью отъ комаровъ, омрачающихъ здѣсь воздухъ своими, подобно облакамъ густыми роями, и причиняющими нестерпимое мученіе. Такіе лѣсные пожары, уже сами по себѣ вредные, дѣлаются несравненно вреднѣе потому, что тревожатъ и разгоняютъ дичь и пушныхъ звѣрей всякаго рода въ отдаленные страны. Хотя вредъ на самихъ промышленниковъ падаетъ, но все таки не можетъ ихъ образумить и сдѣлать осторожными.

Чемъ далѣе на северъ подавались, мы тѣмъ пустынѣе во всякомъ отношеніи становились берега Лены; у Олекмы примѣтны еще послѣдніе слѣды садовничества и земледѣльства, но далѣе исчезаютъ совершенно; жители достаются себѣ пропитаніе исключительно однимъ скотоводствомъ и рыбною ловлею. Кроме станковъ, весьма рѣдко гдѣ попадаются небольшія селенія, да и тѣ съ ихъ обывателями находятся въ бѣдственномъ состояніи. Прїѣзжавши къ намъ со станковъ гребцы были покрыты рубашками жалкаго вида, удручены недостаткомъ и нуждою, что замѣтио особенно на Русскихъ крестьянахъ, которые встречаются до станка Улаханы, находящагося верстахъ въ 50-ти отъ Якутска; оттуда далѣе на северъ все народонаселеніе состоить изъ однихъ только Якутовъ, которые, какъ природные туземцы, съмѣлись съ суровымъ климатомъ, проистекающими отъ него недостатками и средствами пособить себѣ гораздо болѣе, нежели чужеземные переселенцы, а отъ того и подвержены нуждѣ менѣе Русскихъ.

Проведя цѣлую ночь на мѣли, наконецъ достигли мы Якутска 25-го Июля, по 27-ми дневномъ плаваніи отъ Качуга до сего города (около 2500 верстъ). Весною, когда река течетъ гораздо быстрѣе и противные вѣтры не задерживаются, можно проплыть отъ 190 до 200 верстъ въ сутки, и совершилъ плаваніе въ 13 или 14 дней.

По прибытіи въ Якутскъ, немедленно явились мы къ тамошнему главному начальнику, стат-

скому советнику Миницкому, известному своею пребыванію, отличную службою во флотѣ. Онъ принялъ насъ весьма ласково и дружелюбно, и во все время нахожденія экспедиціи нашей во въренной его управлениі области, всегда съ предупредительною готовностью старался оказывать намъ пособіе и помощь во всѣхъ потребностяхъ, что въ лишенномъ всего, пустынномъ краѣ имѣло самое существенное влияніе на успѣшный ходъ нашего предпріятія. Насъ обонѣкъ, г-на Анжу и меня, помѣстили онъ въ собственномъ своемъ домѣ; мы, въ продолженіе нашего пребыванія въ Якутскѣ, изъли много случаевъ позерпнуть изъ его поучительной бесѣды весьма важные уроки и на опытъ основанные советы, касательные странствованія нашего по такой землѣ, которую изучилъ и узналъ онъ послѣ долговременного въ ней пребыванія и многократныхъ путешествій по большей части Сибири.

Якутскъ носить на себѣ совершенный отпечатокъ хладного, мрачного сѣвера. Городъ расположенъ на голой равнинѣ, примыкающей къ лѣвому берегу Лены. Въ его широкихъ улицахъ видны только незначительные дома и хижины, окруженные высокими деревянными заборами. Между сѣрыми, мертвыми бревнами и досками, тщетно будете искать дерева, или хотя одного зеленаго кустика; ничто не изобличаетъ здѣсь существованія кратковременного лѣта, развѣ только отсутствіе снѣга, который своею близиною,

быть можетъ, нѣсколько оживляетъ печальную, скрую единобразность.

Въ городѣ считается всего 4,000 жителей, около 500 домовъ, 5 церквей (изъ коихъ три каменные и двѣ деревянныя), одинъ монастырь; при пасть строился каменный гостиный дворъ. Единственную достопримѣчательность Якутска составляетъ старинная деревянная крѣпость, или острогъ, съ угрожающими паденiemъ угловыми башнями, которую, въ 1647-мъ году, построили завоеватели Сибири, казаки. Сколь ни ветхъ сей памятникъ первого основанія Якутска, однажды жители взираютъ на него съ благоговѣніемъ, и охотно рассказываютъ о богатырскихъ подвигахъ своихъ предковъ, началѣ и прращеніи своего любезнаго города, который, къ счастію, большая часть изъ нихъ любить и находить довольно красивымъ. Впрочемъ, въ послѣднія тридцать лѣтъ, онъ дѣйствительно улучшился пріятнымъ образомъ; уже исчезли всѣ Якутскія юрты, видѣнныя въ немъ, въ 1793 году, капитаномъ Биллингсомъ между обывательскими домами; тогдашнія льдины *, и даже слюда, замѣнены стеклами, по крайней мѣрѣ, у болѣе зажиточныхъ горожанъ, а въ нѣкоторыхъ до-

* Во всѣхъ отдаленныхъ сѣверныхъ странахъ Сибири вставленная въ отверстіе окна чистая льдина пластина, спаянная сѣтью и водою, заступаетъ стеколь, которыя отъ чрезмѣрно сильныхъ морозовъ лопаются. Да же слюда, изъ которой тамъ сбиваются окна, не можетъ устоять противъ жестокой стужи, и потому при наступлении зимы вынимается и замѣняется льдиною пластиною.

иахъ мерещеть уже заря комнатной роскоши, какъ то: большія окна, высокія комнаты, створчатыя двери, и тому, подобное, неоспоримое слѣдствіе благосостоянія жителей, и плодовъ неутомимаго попеченія, прилагаемаго достойнымъ областнымъ начальникомъ обо всемъ, что можетъ служить къ ихъ пользѣ.

Якутскъ, какъ известно, есть средоточіе немалой части съвери Сибирской торговли. Отъ Анабары до Берингова пролива, отъ береговъ Ледовитаго моря до находящагося у Олекмы горнаго хребта Алдана, изъ Удского острога, даже изъ Охотска и Камчатки, съ пространства, составляющаго нѣсколько тысячъ верстъ въ окружности, свозятся въ сей городъ драгоценныиѣ и простые пушные товары всякаго рода, сверхъ того моржевые зубы и загадочныя мамонтовыя kostи, остатки допотопныя, для промына или продажи въ теченіе лѣта. Въ оборотъ привозится всего болѣе нежели на два съ половиною миллиона рублей, и однихъ пушныхъ товаровъ бываетъ миллиона на полтора *.

Со вскрытиемъ Лены купцы прѣезжаютъ изъ Иркутска въ Якутскъ, привозя съ собою въ обмѣнъ всевозможные товары, какіе только нужны здѣсь въ житейскомъ быту. Кромѣ крѣпкаго Чер-

* На ярмаркѣ 1836 года пушныхъ товаровъ въ продажу поступило: бѣлокъ 615 тыс., лисицъ 16 тыс., рѣчныхъ бобровъ 500, выдръ 200, куницъ 2000, песцовъ 20 тыс., горностаевъ 45 тыс., хорьковъ 3500, струи кабарожьей 10 тыс., соболей 18 тыс., моржеваго зуба пудовъ 1000, мамонтовой kostи пудовъ 1900.

касского табаку въ папушахъ, играющаго важную роль, главнѣйшіе предметы торговли суть: хлѣбъ въ зернѣ и мука, чай и сахаръ, горячіе напитки разныхъ сортовъ, особенно водка, Китайскія, бумажныя и шелковыя матеріи, нисшей доброты сукна, мѣдныя и желѣзныя вещи, стекло, и т. д. Жители Якутска не упускаютъ случая занастись въ продолженіе ярмарки всѣмъ нужнымъ, ибо съ окончаніемъ расторжки мѣлкіе торгаши возвышаютъ цѣны на всѣ товары до чрезвычайности, а нѣкоторыхъ нельзѧ достать и за деньги.

Времени главной расторжки нельзѧ назвать собственно ярмаркою, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какой она имѣть въ Россіи: здѣсь не видишь ни тѣни тогор, что происходит на всѣхъ другихъ нашихъ ярмаркахъ; товары нигдѣ не выставляются; особенно ярмарка не сопровождается никакими народными увеселеніями; на улицахъ даже незамѣтно увеличившейся дѣятельности или суетливости. Купцы, какъ будто прячутся со всѣми своими товарами въ домахъ, или дворахъ; тамъ рѣшаютъ они свои дѣла, стараясь, какъ можно болѣе содергать другъ отъ друга въ тайнѣ цѣны товаровъ и имена тѣхъ лицъ, съ которыми намѣрены торговвать; они, мѣщане и казаки занимаются почти исключительно торговлею пушнымъ товаромъ съ окрестными Якутами; бѣднѣйшіе изъ нихъ употребляютъ капиталъ свой, сколь ни былъ бы онъ малозначущъ, на то, чтобы въ продолженіе зимы, мало по малу, пона-

купить некоторое количество шкуръ, и потоъ съ значительнымъ барышомъ продать ихъ Иркутскимъ гуртовымъ купцамъ, или промѣнять имъ на различныя житейскія и другія потребности. Какъ говорили мнѣ, между Рускими не найдется ни одного ремесленника. Напротивъ того, здѣшніе Якуты, занимавшіеся нѣкогда только зѣриною ловлею и скотоводствомъ, принялись нынѣ за разныя ремесла и деставляютъ своимъ бывшимъ учителямъ, Рускимъ, все нужное, получая отъ того значительную прибыль. Между ними находятся искусствые плотники, столяры; рѣщики, даже живописцы *, и они отличаются понятливостью, любовью къ труду и порядку.

О воспитаніи дѣтей заботятся здѣсь мало; ребенка съ малолѣтства отдаютъ обыкновенно какой либо Якуткѣ, которая, вскорьивъ посильно и по крайнему своему разумѣнію, года черезъ два или три возвращаетъ воспитанника, конечно, уже нѣсколько обѣякученного, родителямъ; дома онъ дорастаетъ, и научившись нѣсколько грамотъ у священника или причетника, посвящается постепенно въ таинства Сибирской торговли пушнымъ товаромъ, или опредѣлится въ писцы какого-либо присутственнаго мѣста, для достиженія чиновъ, на которые и въ Якутскѣ бываютъ крайне падки. Такимъ первоначальнымъ воспитаніемъ здѣшняго юношества объясняется, съ первого взгляда

* Всѣ образа въ новомъ каменномъ Соборѣ, и столярная и рѣзная работы на иконостасѣ, произведены Якутами, весьма красиво и хорошо.

страннымъ кажущееся явленіе, что даже въ нѣсколько высшемъ кругу общества Якутскій языкъ играетъ почти столь же главную роль, какую Французскій въ общихъ нашихъ столицахъ. Это обстоятельство крайне поразило меня на одномъ блестящемъ праздничномъ обѣдѣ, который давалъ богатѣйший изъ здѣшнихъ торговцевъ именами своей жены. Общество состояло изъ областнаго начальника, почетнѣйшаго духовенства, чиновниковъ и некотораго числа купцовъ, но большая часть разговоровъ была такъ испещрена фразами изъ Якутскаго языка, что я, по незнанію его, принималъ въ бесьдѣ вѣсма слабое участіе.

Хлѣбосольство жителей Якутска славится повсюду и вошло почти въ пословицу, но какъ здѣсь бываетъ обыкновенно мало прѣзжихъ, или путешественниковъ, въ отношеніи которыхъ они могли бы исполнить сю добротель, то Якутчане ограничиваются почти исключительно своимъ собственнымъ кругомъ, и имѣя много свободнаго, празднаго времени, проводятъ его въ довольно шумныхъ собраніяхъ, гдѣ кушанья и напитки составляютъ, разумѣется, главные предметы ихъ наслажденія. Послѣ пышнаго стола, приправленнаго наливками въ изобиліи, старики проводятъ остальное время за стаканчикомъ пуншу и карточнымъ столомъ, а дамы за кипящимъ самоваромъ и тарелками съ калеными кедровыми орѣхами, которые пощелкиваютъ безпрестанно; молодежъ между тѣмъ танцуетъ Сибирскую

восмерку, подъ гусли, или скрынку. Такъ проходитъ день за днемъ, единообразно, безъ малйшей перемѣны, исключая развъ тотъ случай, что нечаяннымъ образомъ попадется въ Якутскъ какой нибудь новый, въ осталномъ мірѣ уже нреданный забвенію, дамскій нарядъ; онъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе, зависть и соревнованіе, ибо, не смотря на уединенность адѣшияго края, нарядъ составляетъ и здѣсь для дамъ самую существенную принадлежность и наслажденіе жизни. Каково въ Якутскѣ жили прежде «во дни омы», не знаю; слышалъ однажды отъ многихъ старожиловъ горькія жалобы, что настоящее поколѣніе крайне уклонилось отъ прежнихъ, скромныхъ и простыхъ нравовъ, страсть къ картежной игрѣ, нарядамъ, мотовству, чрезвычайно въ немъ усилилась, и раздорила уже не одно семейство въ конецъ. По кратковременному пребыванію моему въ Якутскѣ, я не въ состояніи сказать ничего рѣшительного на счетъ основательности такихъ жалобъ; не слѣдуетъ ли однажды приписать ихъ отчасти также старикинѣ, которая здѣсь, какъ и вездѣ, почитая свой вѣкъ блаженнымъ, охуждаетъ настоящій?

Послѣ моего маленькаго отступленія, обращаюсь опять къ нашей экспедиціи.

Неутомимыми, дѣятельными распоряженіями г-на Миницкаго были мы приведены въ состояніе предпринять путешествіе къ Ледовитому морю еще до истеченія лѣта. Г-нь Анжу попыталъ съ своимъ отрядомъ внизъ по Ленѣ въ первыхъ числахъ

Августа. Около того же времени отрядилъ я впередъ мичмана Матюшкина въ Нижне-Колымскъ, для приведенія въ порядокъ и устроенія всего нужнаго къ принятію и пребыванію тамъ экспедиціи. Вскорѣ послѣ того, едва покрымись льдомъ болота и рѣки, поручилъ я штурману Ко-зымину присмотръ за всѣмъ изъ Якутска назначеннymi припасами, следовавшими равномѣрно въ Колымскъ, какъ главный пунктъ нашихъ дѣйствій, но самъ не могъ отправиться прежде 12-го Сентября.

ГЛАВА III.

ПУТЬ ОТЪ ЯКУТСКА ДО НИЖНЕ-КОЛЫМСКА.

Вьючные лошади.—Первый ночлег.—Якуты.—Якутское селение Мюре.—Юрты, одежды, обряды, песни, пища Якутовъ.—Якутские деревни.—Черта Якутского характера.—Река Алданъ. Река Тукуданъ.—Ночлегъ въ лѣсу.—Верхо-Янский хребетъ. Бродячіе Тунгусы. Станки Баралась и Таболукъ.—Городокъ Зашиверскъ.—Окрестные жители. Река Алазея.—Станокъ Сардахъ.—Средне-Колымскъ.—Зимнее дорожное платье.—Река Омолонъ.—Быда на собакахъ.—Прездѣль въ Нижне-Колымскъ.

У Якутска прекращается телѣжная и санная ъзда; отсюда до Колымска и по всей огромной лѣдистой пустынѣ съверной Сибири нѣть ни одной проложенной дороги; только изрѣдка встрѣчаются узкія, кочковатыя тропинки, проложенные черезъ болота, сквозь обширные лѣса, густо сросшіеся кустарники, по холмамъ и крутымъ горамъ, такъ, что не иначе, какъ верхомъ на лошади, можно достигнуть до мѣстъ болѣе ровныхъ, гдѣ начинается санная ъзда на оленяхъ и собакахъ. По такъ называемой Якутской до-

рогъ, отъ праваго берега Лены наискось до Алдана, устроены для перемѣны лошадей станціи, на разстояніяхъ 15, 18 и 40 верстъ.

12-го Сентября, въ полдень, при ясной погодѣ, отправился я въ путь, и съ поклажею своею перѣхалъ въ лодкѣ черезъ рѣку на противоположный берегъ, гдѣ на станціи должны были дожидаться насы лошади.—Въ семь мѣстъ Лена сужена множествомъ острововъ, такъ, что главный средній протокъ ея нешире четырехъ верстъ. Моими спутниками были матросъ, прибывшій со мною изъ С. Петербурга, и отставной унтер-офицеръ изъ Якутска, прежде ъздившій уже съ г-мъ Геденштромомъ по берегамъ Ледовитаго моря. Въ сношеніяхъ моихъ съ Якутами и другими Сибирскими племенами, онъ служилъ мнѣ толмачомъ; сверхъ того опытностью своею, ловкостью и истинно Русскою смѣтливостью быль въ послѣствіи весьма полезенъ для экспедиціи. Мы заказали вообще тринацдцать лошадей, изъ коихъ три были назначены для меня и моихъ спутниковъ, а остальныя подъ инструменты, путевые припасы, зимнее платье, и разныя другія, въ дорогъ необходимыя потребности.

По прибытіи моемъ на станцію, я нашелъ ее совершенно пустою; не видно было ни людей, ни лошадей. «Худое начало!» подумалъ я, но унтер-офицеръ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что такъ случается часто, и что станицонные Якуты съ своими лошадьми, вѣроятно, откочевали версты за три въ долину, гдѣ находятся лучшія пастбища. Тот-

часъ отправили мы двухъ лодочниковъ отыскывать ихъ, а сами между тѣмъ развели на берегу огонь, чтобы пообогрѣться отъ довольно суроваго осенняго вѣтра, и подкрѣпить себя горячими ца-ми къ предстоявшему пути.

Наконецъ, спустя часа три, показались наши проводники съ лошадьми, и мы тотчасъ принялись укладывать на нихъ свои выюки, перевѣшивая на каждую лошадь по пяти съ половиною пудовъ: или 220 фунтовъ, именно по два съ половиною пуда на каждую побочную, и по полу-пуду промежъ побочень. Для укрѣпленія и привязки вещей употребляются веревки, витыя изъ конскихъ волосовъ. Навьючивъ такимъ образомъ лошадей, привязываютъ заднюю поводами къ хвосту передней, такъ, что онъ на ходу тянутся одна за другой гусемъ. При нашемъ караванѣ, въ девять лошадей, находились только два проводника; одинъ изъ нихъ сидѣлъ на передовой, управляя поѣздомъ, а другой на самой задней, присматривая за всѣмъ и пособляя первую, гдѣ нужно было. Должность проводниковъ претрудная; она требуетъ особенной сморовки и умѣнья, потому, что въ гористыхъ мѣстахъ лошади часто сбрасываются съ себя ношу и отвязываются, а въ болотахъ вязнуть. Въ такихъ случаяхъ передній проводникъ долженъ быть въ готовности пособить и привести все въ надлежащей порядокъ, при чемъ, разумѣется, задній проводникъ, неусыпно надсматривающій за цѣльнымъ караваномъ, работаетъ и хлопочеть не менѣе своего товарища. Отъ долговре-

менного навыка проводники Якуты пріобрѣтаютъ проворство и смѣтливость, въ столь высокой степени, что одного опытнаго изъ нихъ достаточно бываетъ для управленія выючнымъ караваномъ въ 20 лошадей, и содержанія его въ совершенномъ порядкѣ, не смотря на то, что въ такомъ случаѣ онъ принужденъ бываетъ идти, большею частію, пѣшкомъ. Караванъ слѣдуетъ шагомъ, и смотря по болѣе или менѣе затруднительной дорогѣ, проходитъ въ сутки отъ 20-ти до 50 верстъ.

Приведеніе въ порядокъ и увязка нашихъ вѣшей занимали насъ довольно долго, и мы тронулись уже подъ вечеръ, довольно поздно. Вскорѣ оставилъ я тянувшійся медленнымъ шагомъ караванъ, и съ однѣмъ изъ моихъ спутниковъ отправился впередъ. Мыѣхали по узкой тропинкѣ, извивавшейся частію между ивовыми кустами, частію по равнинамъ, устьяннымъ небольшими озерами, на которыхъ и между которыми водится множество дикихъ утокъ и куропатокъ. Въ весьма короткое время, мы настрѣяли ихъ себѣ на ужинъ довольно много, и при захожденіи солнца прѣѣхали къ стоявшей уединенно Якутской юртѣ; она величается почтовою станціею и находится отъ первой въ 13-ти верстахъ. Начало уже смеркаться, и я рѣшился было въ ней переночевать, но вскорѣ оставилъ свое намѣреніе, когда заглянувъ въ нее, нашелъ ее наполненою людьми, животными и отвратительнѣйшею нечистотою. И такъ расположился я въ ближнемъ листвянничномъ лѣсу, гдѣ довольно пріятно про-

всль ночь, на разостланной медвѣжьей шкурѣ, подъ толстымъ иѣховыми одѣялами, возлѣ ярко пылавшаго костра.

При восхожденіи солнца, я пробудился отъ сильно трещавшаго хвороста, который набросали прибывши съ вѣочными лошадьми Якуты въ по-тухавшій уже огонь. Воздухъ былъ чистый и свѣжій; термометръ показывалъ 2° ниже точки замерзанія, что показалось мнѣ при одѣяніи довольно несноснымъ; съ содроганіемъ, въ буквальномъ смыслѣ сего слова, подумалъ я о предстоявшей Сибирской зимѣ, въ продолженіе которой нѣсколько градусовъ мороза называется *теплой погодою*, и не понималъ, какъ можно будетъ сносить безпрестанную, жестокую стужу! Но человѣкъ созданъ для всѣхъ климатовъ, для всѣхъ поясовъ земли. Нужда, твердая воля и свычка пріучаютъ его ко всѣмъ неудобствамъ, даже къ самымъ ужаснѣшими тѣлеснымъ страданіямъ. Спустя нѣсколько недѣль, мнѣ, паравнѣ съ Колымцами, казался морозъ въ 18-ть и 20-ть градусовъ малѣкото температурою.

Вскорѣ все пришло въ движеніе; на огонь поставили для меня чайникъ, а для моихъ провожатыхъ хотель со щами. Въ продолженіе нашего завтрака пригнали лошадей съ ближнаго луга, навьючили, ихъ, и мы пустились далѣе, поднимаясь на возвышеніе, поросшее листваницею и есною. У тропинки, по которой тянулся нашъ поездъ, стояло нѣсколько устарѣлыхъ деревъ; ихъ сучья были увѣшаны конскими волосами, а кор-

и утыканы множествомъ шестовъ и прутьевъ, изукрашенныхъ также подобнымъ образомъ. Нашъ Якутъ проводникъ остановилъ караванъ, съѣхъ съ лошади, выдернулъ изъ ея гривы несколько волосовъ, и съ благоговіемъ прицѣпилъ ихъ къ сучку одного дерева; за тѣмъ объяснилъ онъ намъ, что умилостививъ горваго духа такого, по туземной обычаю принесенною жертвою, можно уже надѣяться на его защиту въ предстоящемъ пути. Странствующіе ишкомъ посвящаютъ здѣсь Сибирскому лѣшнему пруту, втыкая ихъ въ землю. Такое простое изъявленіе благоговія передъ невидимымъ существомъ замѣняетъ здѣсь длинныя молитвы, которыя совершаются въ Монголіи у Обо, или священныхъ холмовъ, находящихся почти на каждомъ, нѣсколько значительномъ возвышенніи. Здѣсь, равно какъ и тамъ, цѣль одинакова, и обычай простирается изъ одного источника не только шаманского горнаго духа умилостивить, кажется, легче, нежели ламайскаго. Якуты впрочемъ строго придерживаются сего обряда, и даже тѣ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ христіанскую вѣру, не гнушаются еще оказывать своему отставному горному духу знака поченія.

Сегодня Якуты мѣи пѣли во всю дереву беѧ умолку; напевъ ихъ, единобразный и заунывный, есть отголосокъ ихъ скрытнаго, угрюмаго, суевирнаго характера. Но болѣе разнообразія и поззи представляютъ самыя слова Якутскихъ пѣсенъ; въ нихъ воспѣваются красоты природы, стройно и

раскошно растущія дерева, шумъ быстрыхъ рѣкъ, высота горъ, и т. п. Пѣвцы болѣею частію импровизаторы, и усматриваютъ во всемъ однѣ очаровательныя красоты: въ пустынѣ прелестную страну, въ полуобгорѣвшемъ сосновомъ стволъ прекрасное могучее дерево, въ первой встрѣтившейся грязной лужѣ чистое, словно кристаллъ, прозрачное озеро. Сначала приписывалъ я такія преувеличенія ихъ высоконему воображенію, но вскорѣ узналъ отъ своего чичерона унтер-офицера, что они столь высокопарно превозносятъ область горнаго духа только изъ страха, чтобы его не разсердить и задобрить.

Проехавъ 13-го Августа 63 версты, и перемѣнивъ лошадей только разъ на половинѣ сего пространства, подъ вечеръ прибыли мы къ станционной юртѣ. Во всю дорогу выхвалили ейъ ся просторъ, и особенно отличную опрятность; я было напередъ уже радовался хорошему, теплому почлегу, но, къ сожалѣнію моему, удостовѣрился, что надобно быть непремѣнно природнымъ Якутомъ, дабы найти хоть нѣсколько спосыпми доспособствовавшую въ немъ, какъ и въ другихъ юртахъ, спершуosa атмосферу, и все ее сопровождавшее. Только частый, холодный дождь принудилъ менду, крыться въ хваленой юртѣ, но удущий воздухъ, безчисленное множество всякой гадины, крикъ дѣтей и ревъ скотины, помѣщаемой въ жильѣ отъ холода, не дали сокнуть глазъ, и я очень обрадовалъся разсвѣту и возможности отправиться въ дуть. Отъ продолжительныхъ дождей дорога, и безъ

того уже негодная, еще более испортилась, а въ иныхъ мѣстахъ сдѣлалась почти непроходимою, и потому крайне затруднила нашу сегодняшнюю задачу; за то прохваниое нами пространство предъставляло великое разнообразіе видовъ. Веселый видъ придает сей сторонѣ множества небольшихъ озеръ, которыми здѣсь усыпана вся поверхность, и которые заставляли насъ употреблять въ объездъ болѣе 20-ти верстъ лишнихъ. Всѣ сіи небольшія озера, имѣя правильно-овадыній очеркъ, заключаютъ въ своеі образованіи чѣмто отмѣнно привлекательное: крутые, листвицею поросшіе берега, защищаю водную поверхность, уподобляютъ ее огромному гладкому зеркалу; вѣчно царствуютъ здѣсь тишина и безмолвіе, и нарушаются только изрѣдка вспуганною птицею, или вертлювою бѣлыю, прыгающею по деревьямъ.

Пройкавъ около 40 верстъ отъ ночлега, мы спустились въ ложбину, или долину *Miore*, по идтии отношеніемъ примѣчательнѣйшее изъ всѣхъ мѣсть, какія и нѣ встрѣчались на пути: она продолговато-круглаго, правильнаго очертанія, имѣть въ поперечнику 8 верстъ, и окружена землянымъ возвышеніемъ, похожимъ на валъ, въ иныиъ мѣстахъ въ 10 сажень вышины, безъ сомнѣнія, берегомъ бывшаго иѣкогда значительного, но уже иссѣкшаго озера; еще и нынѣ находится на самомъ днѣ долины много соединенныхъ между собою озеръ, небольшихъ, но чрезвычайно рыбныхъ. Это обстоятельство, и притомъ защищенное

золженіе долины и весьма обильный пастбища, жили и никогда одного богатаго Тунгусского старшину, Мюре, по имени коего она называется, въ ней поселиться; но подававшися безпрестанно съ юга Якуты вытеснили его отсюда да-же, на лежащія къ югу тундры, и основали здѣсь замечательнѣйшее и многолюднѣйшее изъ всѣхъ поселеній, встречающихся на пути до самого Алдана. Множество большихъ и малыхъ юртъ, изъ которыхъ иныхъ уже нѣсколько покондуть на Русскія крестьянскія избы сверхъ размѣромъ, двѣ породочныхъ церкви, съ колокольнями, живость въ движеніи народонаселенія, большая стада и табуны, все вмѣстѣ представляютъ разительную противоположность сей отмѣнно вѣселой долинѣ, сего оазиса, съ пустынею, его окружающею. Цвѣтущимъ своимъ состояніемъ обазано здѣшнее селеніе преимущественно одному Якутскому Головѣ, который собственнымъ изживѣніемъ построилъ и украсилъ упомянутыя двѣ церкви. Говорятъ, что его наличный капиталъ простирается до полумилліона рублей; не смотря на то, придерживаясь своихъ прародительскихъ обычаевъ, онъ еще не измѣнилъ нравамъ отцовъ: живеть въ юртѣ, грѣется, какъ истинный Якутъ, у чусала (камина), пить кумысъ * и есть на

* Извѣстный напитокъ, который Якуты приготовляютъ изъ большого молока, такъ же какъ и Татары, съ тою только разницей, что къ счастію ихъ, не умеютъ дѣлать его хмѣльнымъ; онъ весьма пріятель и столь питатель, что Якутъ, отправляясь далеко отъ своего жилья на скакосы, беретъ съ собою,

здравье конину. Главнейшую отрасль промышленности сего поселения составляют скотоводство, звериная ловля, торговля мехами и извозничество, по поводу коего держать здесь значительное количество лошадей.

О происхождении Якутовъ, ихъ обычаяхъ и образъ жизни вообще писано уже столь много и столь подробно, что послѣ всего мнѣ кажется почти излишнимъ умножать прежнія извѣстія моими замѣчаніями, схваченными на лету, во время скоройѣ Ѣзы; ограничиваюсь только сообщеніемъ нѣкоторыхъ этнографическихъ, главныхъ очерковъ, нужныхъ для уразумѣнія моего разсказа, дабы тѣмъ избавить читателя отъ труда рыться въ другихъ, полнѣйшихъ описаніяхъ.

Окладъ лица и языкъ Якутовъ совершенно подтверждаютъ преданіе объ ихъ Татарскомъ происхожденіи.* Они народъ въполномъ смыслѣ пастушескій; главное богатство ихъ заключается въ многочисленныхъ табунахъ и стадахъ рогатаго скота, доставляющихъ имъ почти все нужное для пропитанія и содержанія. Изобиліе пушныхъ звѣрей, обитающихъ по безконечнымъ лѣсамъ, и прибыль, получаемая отъ продажи ихъ Рустѣсто всякой другой провизіи, часто только мѣшокъ два кожевенныхъ кумыса, и нѣсколько дней сряду имъ питается.

* Преданіе говоритъ, что нѣкто изъ Татаръ, по имени Сахаларь, перекочевалъ изъ какой-то земли, лежащей гдѣ-то за горами, къ Киренгъ на Лену, поселился тутъ, женился на Тунгускѣ, и сдѣмался родоначальникомъ Якутовъ, которые потому еще и нынѣ называютъ себя Сахаларами.

кимъ, захотили и пристрастили Якутовъ къ звѣроловству, которымъ занимаются они съ неутомимымъ рвениемъ и удивительнымъ искусствомъ. Съ самого младенчества пріученные къ лишениямъ всякаго рода, и въ нихъ закаленные, Якуты съ величайшимъ терпѣніемъ противостоять всѣмъ житейскимъ нуждамъ, неразлучнымъ съ суровымъ климатомъ ихъ земли. Между прочимъ, они кажутся почти совершенно нечувствительными къ стужѣ, и почти до невѣроятной степени могутъ переносить голодъ.

Пища ихъ состоитъ изъ кобыльяго и коровьяго молока, изъ конины и говядины, но только вареной; о жареніи и печени, также о хлѣбѣ, Якуты не имѣютъ никакого понятія. Жиръ почитается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумѣренное пресыщеніе онимъ — высочайшимъ блаженствомъ; они употребляютъ его въ разныхъ видахъ: сырой и топленый, свѣжій и испортившійся, и полагая все достоинство только въ количествѣ, а не въ качествѣ, какой бы то ни было пищи, пожираютъ все почти съ скотскою жадностью. Дабы умножить объемъ и придать нѣсколько вкуса пищѣ, берутъ они внутреннюю часть коры, сосновой, предпочтительнѣе листянничной, оскальзываютъ ее, толкнуть мѣлко, мѣшаютъ съ рыбою, частицею муки, молокомъ, особенно съ жиромъ, варять изъ такой смѣси нѣчто похожее на размазню и пожираютъ въ ужасномъ количествѣ. Изъ коровьяго молока приготавляется у нихъ, такъ называемое, Якутское масло, по

настоящему родъ сыра, или творогу, на вкусъ кисловатаго, не очень жирнаго и составляющаго, даже безъ хлѣба, довольно изрядную пищу.

Мужчины и женщины страстно любять курить табакъ, и при томъ самый крѣпкій, какой только достать могутъ, преимущественно Черкасскій. Глотая весь табачный дымъ, они приходятъ отъ того въ какое-то опьянѣніе, которое иногда, ежели Якутъ разыярится, производить пагубные слѣдствія. Не зналъ искусства дѣлать кумысъ хмѣльнымъ, почему потребно его великое количество къ произведенію желаемаго двѣствія, они предпочитаютъ ему горячее вино, хотя имъ оно и весьма дорого обходится, но причинъ привоза изъ отдаленныхъ мѣсть. Русскіе закупщики мягкой рухляди, пользуясь страстью Якутовъ, ставятъ горячее вино и табакъ важнѣйшими предметами въ торговыхъ съ ними спошненіяхъ.

У Якутовъ бывають жилища двоякаго рода: лѣтомъ уросы,* родъ легкихъ коническихъ шатровъ, составленныхъ изъ жердей и обтянутыхъ берестою; въ нихъ кочуютъ они по обильнымъ травою лугамъ, на которыхъ пасутся ихъ стада, между тѣмъ, какъ хозяева стадъ безпрестанно запасаются на зиму нужнымъ количествомъ сѣна;

* На постройку такихъ уросовъ сдираютъ кору съ березъ большими лепестьями, размягчаютъ ее посредствомъ варки и сшиваютъ вмѣстѣ; будучи снаружи бѣлы, а внутри желты, уросы представляютъ видъ весьма красивый, и издали уподобляются исполинскимъ холстяннымъ шатрамъ.

съ наступлениемъ зимы переходятъ Якуты въ свои теплые юрты. Онъ суть родъ хижинъ, строимыхъ поверхъ земли изъ тонкихъ бревенъ, въ видѣ отрѣзанной пирамиды, покрываемой снаружи толстымъ слоемъ травы, глины, дерна, и имѣющей размѣръ сообразно съ потребностями въ ней поющающихся. Въ такихъ жильяхъ окна замѣняются много что двумя, тускло освѣщающими внутренность ихъ, небольшими, квадратными отверстіями, въ которыхъ зимою вставляются льдины, летомъ вклеиваются рыбьи пузыри, а иногда по рядочно напитанную жиромъ бумагу. У бѣдныхъ доль опускается внизъ, обыкновенно на два, и да три фута, и плотно убивается изъ глины, а у богатыхъ поднимается и выстилается досками. Вдоль стѣнъ устраиваются изъ лежачихъ шестовъ широкіе залавки, похожіе на низкія полати, которые вмѣстѣ служатъ и кроватями, и по числу жильцовъ, или, по крайней мѣрѣ, женатыхъ, разгораживаются слегка на нѣсколько отдѣлений. По срединѣ юрты, ближе къ дверямъ, ставится чувалъ, родъ очага, или открытаго камина, съ трубою, проведеною въ кровлю; въ немъ горить безпрестанно огонь, для тепла въ юртѣ и для варенія пищи. По стѣнамъ развѣшиваются платы, бѣлье и другая домашняя рухлядь, но во всемъ господствуютъ поэтическій беспорядокъ и величайшая неопрятность. Внѣ юрты ставятъ кругомъ еще нѣсколько, подобныхъ образомъ построенныхъ сараевъ для коровъ, которыя пользуются здѣсь тѣмъ преимуществомъ, что стоять

подъ крышею и кормятся съномъ, а иногда, въ жестокіе морозы, ихъ помѣщаются даже въ юртѣ, въ переднемъ темномъ пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ дверей; лошади, напротивъ того, остаются всегда подъ открытымъ небомъ, и должны скучно питаться изсохшему осеннею травою, выгребая ее коньтами изъ-подъ снѣга. Только въ случаѣ дальнихъ поездокъ кормятъ ихъ за нѣсколько дней съномъ для подкѣщенія. Хотя зодчество и устройство Якутскихъ жилищъ крайне несовершенны, однакожъ они въ полной мѣрѣ соответствуютъ здѣшнему климату, мѣстности и потребностямъ жильцовъ, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже предпочтительнѣе появляющихся уже здѣсь кое гдѣ Русскихъ крестьянскихъ избъ, въ особенности потому, что на постройку юрты употребляются не настоящія бревна, а только одни тонкіе древесные стволы, равномѣрно и чуваль, съ вѣчно пылающимъ огнемъ его, имѣть то преимущество, что вытягивая безпрестанно воздухъ, нѣкоторымъ образомъ очищаетъ въ юртѣ атмосферу, налитанную всякаго рода испареніями. Словомъ, какъ бы то ни было, юрта удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ Якута въ разсужденіи удобства жизни, такъ, что онъ спокойно проводитъ продолжительную, ужасную зиму безъ страданій отъ холода. Днемъ мужчины ходятъ на охоту; женщины сидятъ вокругъ чуvalа, обдѣлываютъ звѣриныя кожи, шьютъ платье, вьютъ веревки, вяжутъ сѣти, и т. д., а вечеромъ, когда вся семья собирается вмѣстѣ, курятъ табакъ, пьютъ кумысъ,

и въ ужасномъ количествѣ тдять, съ свѣжимъ или прогорклымъ жиромъ, хорошо уваренную соснную размазню. Случается, что въ это время князецъ, или старшина, разбираетъ небольшіе споры между своими; дѣла поважнѣе поступаютъ къ головѣ цѣлой волости, или улуса *. День заключаетъ нерѣдко какой нибудь шаманъ, который, въ полночь, у тлѣющихъ на чувалѣ угольевъ совершасть свои заклинанія, для отысканія заблудившейся скотинѣ, для излеченія отъ какой либо болѣзни, или испрошенія помощи у духа въ предстоящемъ пути и другихъ предпріятіяхъ — иногда даже для прекращенія долговременной тѣжбы, неоконченной обыкновеннымъ порядкомъ.

Хотя почти всѣ Якуты крещены, и уже переведены на ихъ языкъ заповѣди, часть Нового Завѣта и главнѣйшія молитвы, но только весыма немногіе изъ нихъ, и то жившіе долго между Рускими, имѣютъ нѣкоторыя основныя понятія о христіанской вѣрѣ; потому они все еще крѣпко придерживаются шамановъ и множества суетвѣрныхъ обрядовъ языческихъ.

Главныя черты Якутскаго характера суть: мстительность, сутяжничество, необходимость и

* Улусъ составляетъ цѣлое Якутское кольцо, состоящее подъ общимъ начальникомъ, Головою, и раздѣляющееся на нѣсколько наслѣговъ (ночлеговъ); каждый изъ нихъ имеетъ своего старшину, или князца, изъ числа коихъ избирается Голова надъ цѣльнымъ улусомъ. На Колымѣ есть улусъ, состоящій изъ десяти наслѣговъ. Принадлежащіе къ одному улусу называются роднками (родовичами).

скрытность. Якуты никогда не забываетъ претерпѣнной обиды, и если самому не удастся отомстить, неизменно передаетъ мщеніе своему сыну, или ближайшему родственнику. Страсть Якутовъ къ тяжбамъ, беспредѣльна: только представилась бы возможность затѣять нѣчто похожее на жадобу, или доносъ, они тотчасъ готовы ябедничать; и мало того, что тѣмъ докучаютъ всякому, проѣзжему, имѣющему, по ихъ предположеніямъ, irgendкакую значительность, но часто предпринимаютъ еще обременительная и убыточныя для себя поездки, чтобы завести только тяжбу, не рѣдко изъ-за одной полтины*. Необходимость и скрытность, побуждающая ихъ селиться болѣе разсѣянно, нежели въ совокупности между собою, представляютъ впрочемъ весьма разительную противоположность съ гостепріимствомъ и радушною предупредительностью, какую они оказываютъ проѣзжимъ. Селиться обществами у нихъ не въ обыкновеніи; только между Якутскомъ и Аданомъ, на пространствѣ болѣе многолюдномъ, встречаются кое-гдѣ наслѣги (ночлеги), состоящіе изъ несколькиихъ юртъ; напротивъ того, за Верхне-Янскими хребтами отстоять одна юрта отъ другой часто верстъ на двѣсти, такъ, что ближайшиe соседи не видаются иногда по цѣлымъ годамъ. Къ такому необыкновенно великому удаленію побуж-

* Тѣмъ отличаются особенно подгородные Якуты, конечно, не безъ содѣйствія мѣлкихъ чиновниковъ, служащихъ въ нынѣшнѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, и питающихъ въ нихъ страсть къ тяжбамъ, разбирательство которыхъ приноситъ ябедникамъ полезу;

дается Якуть не столько нуждою въ пастбищахъ, сколько своимъ характеромъ: имъ уже однажды сильную наклонность къ уединенію и отчужденію, онъ всячески старается уклоняться, гдѣ только можно, отъ взаимныхъ связей съ другими. Не смотря на то, путешественникъ, проезжающій по Якутскимъ пустынямъ, найдетъ въ каждомъ изъ разбросанныхъ на великому разстояніи жильевъ радушное гостепріимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева.

Вскрѣ по прибытии моемъ въ Мiore, явился ко мнѣ Голова улуса, съ однимъ Князкомъ и двумя писарями, чтобы поздравить меня съ прѣездомъ и пожелать счастія на дорогу. Я угостилъ ихъ чаемъ, водкою, табакомъ, а въ замѣнѣ того долженъ былъ выслушать предлиинную Іереміаду жалобъ на разныя мнимыя притѣсненія, претерпиваемыя ими отъ Якутскихъ казаковъ, которые, по ихъ увѣренію, будто бы безъ всякой нужды, безпрестанно проѣзжаютъ черезъ ихъ насыть и причиняютъ обывателямъ разныя обиды. Я старался успокоить своихъ гостей увѣреніемъ, что все это, вѣроятно, теперь прекратится, ибо Сибирские казаки, получивъ новое устройство, будутъ заниматься воздѣльваніемъ отведенныхъ имъ земель, достаточныхъ для прокормленія ихъ съ избыткомъ, следовательно, тѣмъ самымъ лишатся они повода приниматься за непозволительныя средства къ пріобрѣтеніямъ. Но на дѣлѣ ничто не помогло, сколь ни благодѣтельны, сколь ни мудры устроиство и вообще все новое постановленіе о Сиби-

ри для пользы и благосостоянія всѣхъ обитаю-
щихъ въ ней, разноплеменныхъ народовъ. Якуты
все таки не отстаютъ отъ ябедничества и сутяж-
ничества.

Отдохнувъ нѣсколько въ Мiore, и закупивъ до-
статочное количество съѣстныхъ припасовъ, мы
отправились, 15-го Сентября, далъе. Дороги
были крайне худы, и не разъ попадались мы
въ болота, где лошади вязли по шею; одна-
ко жь, при чрезвычайномъ проворствѣ и растороп-
ности нашихъ караванныхъ проводниковъ, намъ
 удалось безъ особенной бѣды проѣхать девѧносто
верстъ, черезъ самыя опасныя мѣста. Съ наступ-
ленiemъ ночи прибыли мы на станцію Алданскую,
или Желѣзинскую, лежащую въ полуверстѣ отъ
Алдана, который за девѧносто верстъ отсюда впа-
даетъ въ Лену. У сей станціи прекращаются
соединенный Якутскія селенія, и встрѣчаются
они не ближе, какъ за 400 верстъ отсюда, за Вер-
хоя-Янскимъ хребтомъ, у Бараласа. Все простран-
ство отсюда пустыня, усыпанная горами и скопивши-
мыся между ними болотами, которыя весьма за-
трудняютъ ъзду; по сей причинѣ караваны ни-
какъ не упускаютъ случая останавливаться у Ал-
данского жилья, для надлежащаго приготовленія
къ предстоящему пути, выбираютъ по нѣсколько
самыхъ дюжихъ, надежныхъ, заводныхъ лошадей,
не навьючивая ихъ ни чѣмъ, для замѣны усталыхъ
въ случаѣ нужды, запасаются съѣстными при-
пасами, и т. д., выжидая между тѣмъ, иногда по
нѣсколько дней, сухой погоды, или мороза, чтобы

удобнѣе прѣхать черезъ болота. Намъ погода благопріятствовала; за нѣсколько времени наступившіе морозы скрѣпили болота, такъ, что мы, употребивши только одинъ день для приготовленій, могли уже продолжать нашѣ путешествіе.

Между Леною и Алданомъ простирается холмистая страна, примѣчательная по своему особенному образованію; ея возвышенія тянутся валошодобными грядами отъ востока къ западу, теряясь далѣе въ болотистыхъ покатостяхъ и низменныхъ мѣстахъ по берегамъ Алдана и Лены. Между холмовъ находится безчисленное множество большихъ и малыхъ котловинъ, которыя на съверномъ спускѣ горнаго хребта образуютъ болотистыя удолья, болѣе или менѣе между собою соединяющіяся; ма южной сторонѣ сіи углубленія, будучи наполнены водою, составляютъ множество большихъ и малыхъ озеръ. Почти на срединѣ сего холмистаго пространства лежитъ круглая долина, верстъ восемь въ поперечнику, усыпанная озерками, которыя всѣ между собою соединяются. Горный хребетъ здѣшній состоять весь изъ глинистой почвы, перемѣщанной съ супесью и поросшей преимущественно лиственникомъ; съверный склонъ его показался мнѣ гораздо круче южнаго.

Въ семъ мѣстѣ Алданъ будетъ шириной версты полторы, и съ великимъ стремленіемъ течеть, въ западномъ направленіи, между земляными берегами. На съверъ за сею рѣкою показывается вдали гряда остроконечныхъ горъ, съ

снѣжными вершинами, и тянется, какъ мнѣ казалось, въ западно-съверо-западномъ направлениі.

Сентября 17-го переправились мы съ своими вещами и лошадьми черезъ рѣку. Почти на половинѣ переправы открылась значительная течь въ нашемъ плоскодонномъ суднѣ; всѣ наши совокупныя усилия вычерпать нахлынувшую воду оставались тщетными; судно тонуло все глубже и глубже, и безъ сомнѣнія, пошло бы ко дну, еслибы по близости, на срединѣ рѣки, не случилось, къ счастію нашему, небольшаго острова; намъ удалось посадить судно на отмѣль, законопатить его сухою травою и мохомъ, и въ непродолжительномъ времени привести по возможности въ такое состояніе, что безъ дальнѣйшихъ приключеній доплыли мы до противоположнаго берега. Тутъ, на скатѣ, подъ огромною развесистой березою, раскинули мы свой большой пологъ *, или дорожную палатку, занялись стряпаньемъ себѣ обѣда, а лошадей пустили на отаву, пастьись на блекнувшей уже травѣ.

На разсвѣтѣ (18-го Сентября) потянулись мы далѣе. Узкая, едва примѣтная тропинка вела по пустынѣ, болотнымъ мѣстамъ, на которыхъ не видно было ни одного дерева; только изрѣдка попадались кое-гдѣ возвышенныя, скудно поросшія

* Пологомъ называется ровдужная, то есть, изъ выдѣланныхъ, мягкихъ оленыхъ кожъ сшитая, четырехугольная палатка, длиною въ 7, шириной въ 4, а вышиною въ 5 футовъ; ее употребляютъ только въ дорогѣ, и раскидываютъ, прикрѣпляя къ отвесно вбитымъ въ землю шестамъ.

травою луговины. Спутники мои говорили, что далъе и онъ совершенно исчезнуть; по сей причинѣ мы рѣшились сдѣлать привалъ на первомъ большомъ лугу такого рода, чтобы дать разыѣ лошадямъ, и подкрѣпить ихъ силы къ предстоявшимъ трудамъ, хоть и осеннимъ, но все еще довольно изряднымъ кормомъ. До того времени погода благопріятствовала намъ безпрерывно, но тутъ вдругъ перемѣнилась; небо заволокло мрачными, свинцового цвѣта облаками; пошелъ снѣгъ съ градомъ, а въ полдень стоялъ термометръ уже на 2 градусахъ мороза. Лошади наши между тѣмъ дружно принялись выгребать изъ-подъ молодаго снѣга остатки скучной травы; мы сами укрылись подъ пологомъ вокругъ огонька, на которомъ кипѣлъ чайникъ—наша единственная отрада. Вдали слышались глухой ревъ и шумъ Тукулана, который, между узкими удолями горъ Верхо-Янскихъ, съ адскою яростью пролагаетъ себѣ путь къ Алдану.

На сиѣдующій деньѣ ъзда была крайне обременительна. Выбравшись съ великимъ трудомъ изъ окружавшаго насъ отвесу болота, мы вступили въ мрачный лѣсъ, состоявшій изъ листвянницъ, ивъ, осинъ, и должны были продираться сквозь густо сросшіяся вѣтви и упавшія деревья, чтобы достигнуть единственного брода черезъ рѣку. Лишь подъ вечеръ добрались мы до пустынныхъ береговъ Тукулана и остановились почевать на лугу. Передъ нами, на сѣверъ бѣмѣлась длинная гряда снѣжныхъ горъ, видѣнныхъ мною уже съ Ал-

дана; за нами черпался безкощечный густой лесъ, а вокругъ царствовала мертвая тишина, прерываемая грознымъ ревомъ буйнаго Тукулана.

Съ утра (20-го Сентября) переправлялись мы чрезъ рѣку, въ бродъ; лошади шли въ водѣ по съду; стремленіе было ужасное, но дно твердо и ровно, такъ, что мы безъ всякаго вреда, только изрядно промокши, достигли до противоположнаго берега. Кроме сей переправы, намъ пришлось переходить въ бродъ еще черезъ нѣсколько другихъ рѣкъ, менѣе широкихъ, но столь же быстрыхъ, какъ и Тукуланъ; значительнѣйшія изъ нихъ были: *Торо-Тукуланъ* (поперечный Тукуланъ) и *Анти-Мердлхъ* (желѣзныя ворота). За сильными проливными дождями и внезапнымъ таяніемъ снѣговъ, послѣдняя наводняется столь быстро, что уносить съ собою и низровергаетъ все, встречающееся ей на пути. По всему логу сихъ рѣкъ разсѣяны вырванныя съ корнями деревья, и громады камней, отторгнутыя съ высотъ и брошенныя сюда стремленіемъ водъ во время весеннихъ наводненій, что затрудняло насть на каждомъ шагу и утомило лошадей до такой степени, что мы принуждены были сдѣлать привал гораздо раньше обыкновеннаго.

Зима, казалось, начала теперь совершенно устанавливаться; термометръ стоялъ на 5° мороза; обильно выпавшій снѣгъ не таяль и покрывалъ всю окрестность. При скучномъ единобразіи нашихъ переваловъ, мы радовались такой,

хотя и не слишкомъ привлекательной перемѣнѣ, предвкушая уже здѣшнюю зимнюю, кочевую жизнь. И такъ, выбравъ ровное, чистое место между высокими деревьями, доставлявшими нѣкоторую защиту отъ вѣтра и выюги, и очистивъ его нѣсколько отъ снѣга, мы притащили превеликое сухое дерево, которое послужило средоточиемъ нашему становищу, и вмѣстѣ основою порядочному огню, освѣщавшему всю окрестность. Въ слѣдѣ за тѣмъ, проводники наши, съ удивительнымъ проворствомъ, разложили на сырой землѣ мѣлко нарубленнаго хвороста и покрыли довольно толстый настиль его зелеными вѣтвями, растущаго здѣсь во множествѣ, низменнаго кедровника, или сланца. На такомъ душистомъ коврѣ поставлены были три полога, такимъ образомъ, что они составляли три стороны квадрата; четвертую заняли проводники, но какъ, по ихъ мнѣнію, было еще довольно тепло, то удовольствовались единственными тѣмъ, что на покрытой снѣгомъ землѣ разкинули потники съ лошадей, а въ изголовья, вмѣсто подушекъ, положили по сѣдлу. Пока мы занимались установкою своихъ палатокъ, они уже успѣли развязочить лошадей, обтереть ихъ не много сухою травою, и привязать къ стоявшимъ тутъ деревьямъ, мордами повыше, чтобы они не хватали холодной мокрой травы, или снѣгу, пока не простынутъ.

Устроась такимъ образомъ, мы перспѣшили наполнить чайники и котлы рѣчною водою, или мо-

ядимъ снѣгомъ, и подвѣсить на огнь. Въ ожиданіи отраднаго чаю и сырной похлѣбки, мы зачалили свои гацы, коротенькія Якутскія трубки, съ величайшимъ усердіемъ номъшивая дрова, чтобы скорѣе поспѣть нетерпѣливо ожидаемый ужинъ. Въ непродолжительномъ времени исполнилось общее желаніе, и всѣ подкрѣпили свои истощенные силы простою, но здоровую пищею. Потомъ проводники наши пришлились, какъ водится, разсказывать о приключеніяхъ своихъ, или своихъ короткихъ знакомыхъ, на звѣриной ловль и въ дальнихъ странствованіяхъ. Это любимый предметъ, скажу болѣе— страсть Якутовъ и Сибирскихъ Русаковъ; на разсказы они неистощимы, и чтобы возбудить внимание своихъ слушателей, стараются перешеголять другъ друга смѣльмъ и преувеличиваніемъ безконечныхъ похожденій, истинныхъ и вымыщленныхъ. Такъ сегодня вечеромъ занимали насъ два краснобаяловъ повѣстями о томъ, какъ одинъ казакъ, почти вдругъ, убилъ трехъ, на него напавшихъ медвѣдей, одного ножемъ, другаго топоромъ, третьяго дубиною, да еще о неслыханныхъ примѣрахъ неимовѣрной силы сохатаго (Сибирскаго лося), который на всемъ скаку, будто бы, можетъ рогами своими вывернуть и повалить на землю большое дерево съ корнемъ. Послѣ такой назидательной бесѣды, сократившей нашъ вечеръ, мы вползли въ свои пологи, и на разостланыхъ медвѣжьихъ шкурахъ, подъ плотными мѣковыми одѣялами, проспали цѣлую ночь довольно хорошо и тепло. Проводники на-

ши, пустивъ лошадей * на занесенную снѣгомъ ставу, также взвалились на лотники, и часы дневныхъ трудовъ спали подъ открытымъ небомъ, вероятно, не хуже нашего.

Не всегда однажды пользуются здѣсь путемъ-ственниками ненарушимымъ спокойствіемъ, нашему подобнымъ; весмою и дѣтомъ случается часто, что отъ внезапнаго таянія снѣговъ, или сильныхъ проливныхъ дождей, текущіе изъ горныхъ ущельевъ ручьи и рѣчки сильно наводняются, и въ одну ночь совершенно заливаютъ долину. Отъ того-то опытные и осторожные Сибиряки оставляются всегда подъ двумя, тремя, близко симѣжными, большими деревьями, чтобы въ случаѣ опасности можно было спастись на ихъ вершины. Тутъ, съ величайшою поспѣшностью, сплетаются они изъ вѣтвей родъ моста, отъ одного дерева

* Въ сѣверной Сибири лошади, кажется, какъ будто переродились; они росту небольшаго, шею имѣютъ толстую, кости, соразмерно съ величиною, весьма крѣпкія, шерсть блесковато-струю, длинную, мохнатую, и какъ у прочихъ четвероногихъ сего края, въ межень (среди лѣта) линяющую. Во время самыхъ трудныхъ переходовъ, продолжжающихся иногда по три мѣсяца, они питаются единственно ядою, полусгнилою травою, выгребая ее коштами изъ-подъ снѣгу, но не смотря на то, остаются здоровыми, сплѣнными, и неописанно, что могутъ они выдержать. Достопримѣчательно, что у Якутскихъ лошадей, даже, когда они слѣпѣють состариваются, зубы не портятся, между тѣмъ, какъ у нашихъ, они съ лѣтами крошатся, безъ сомнѣнія, отъ зерноваго корма, кетраго первымъ никогда не даются, предоставляемъ имъ питаться одною лишь травою. Вообще они остаются молодыми несравненно дольше нашихъ, такъ, что двадцатилѣтнія почитаются у Якутовъ еще не старыми, и служить, обыкновенно, сплошь по тридцати лѣтъ.

до другаго, и со всѣми своими пожитками, вися на немъ между небомъ и землею, спокойно выжидаютъ скораго стока воды, хотя и лишаются средствъ защитить себя въ такомъ воздушномъ жилищѣ отъ холода и непогоды.

По мѣрѣ приближенія къ истокамъ Тукулана, ложбина его суживается болѣе и болѣе; крутыя скалы по обѣимъ сторонамъ сходятся ближе и ближе; лѣса, украшающіе берега сей рѣки, постепенно рѣдѣютъ и наконецъ исчезаютъ. Чаще всего попадаются въ нихъ тополи, огромной высоты и толщины; встречается также много ивы. Далѣе, въ сторонѣ отъ берега, на сухой и каменистой почвѣ, растутъ березы и ели, преимущественно же низменный кедровникъ (по здѣшнему сланецъ). Онъ стелется по скатамъ и ущельямъ горъ; его мѣлкіе, но вкусные орѣшки равнѣ привлекаютъ неповоротливаго медведя и рѣзвую бѣлку. Въ густыхъ елевыхъ и листвянничныхъ лѣсахъ гнѣздятся во множествѣ глухари и куропатки.

22-го Сентября, мы ночевали на безлѣсной долинѣ, у подошвы горы, подъ защитою навѣсной скалы. Приближеніе зимы становилось съ каждымъ днемъ чувствительнѣе. По утрамъ термометръ показывалъ 16° мороза, а ночью, не смотря на толстое мѣховое покрывало, нельзя было согрѣться. Мы достигли подошвы Верхо-Янскаго хребта; переходъ черезъ него самая труднѣйшая и опаснѣйшая часть пути отъ Якутска до Нижне-Колымска. Должно взбираться по

голымъ, скалистымъ крутизпамъ, съ ежеминутною опасностью сорваться съ скользкой высоты, или проходить по узкимъ, заваленнымъ снѣгомъ ущеліямъ, прогребая себѣ лопатами дорогу. Борясь съ такими препятствіями и опасностями, мы достигли, послѣ трехъ часовъ Ѣзы, высочайшаго пункта перевала. Вершины горъ поднимаются отсюда еще на 800 футовъ, и дорога пролегаетъ между ними. Лѣтомъ переходъ менѣе затруднителенъ, но ужасенъ по частымъ и жестокимъ бурамъ, здѣсь случающимся, а зимою всѣ возможныя опасности угрожаютъ путешественнику. Между прочимъ, изъ ущельевъ и пропастей внезапно вырываются сильные порывы вѣтра, и ничто не можетъ противостоять ихъ жестокости; они опрокидываютъ лошадей и сѣдоковъ. Случалось, что цѣлые караваны низвергались въ пропасть, подлѣ которой вѣтется узкая дорога. Все время нашего перехода погода была благопріятна; небо было чисто и безоблачно; лучи полуденного солнца зажигали тысячи огней на покрытыхъ инеемъ скалахъ и наполняли воздухъ безчисленными блестками. На сѣверъ разстипалась подъ нами долина рѣки Яны, которая, имѣя здѣсь свой источникъ, течетъ отсюда въ Ледовитое море. На югъ крутые, нагроможденные утесы замыкали горизонтъ.

Верхо-Янскій хребетъ, раздѣляя Ленскую и Янскую водныя системы, состоять сплошь изъ чистаго чернаго сланца; сѣверный скать его не такъ крутъ, какъ южный. Хребетъ сей, по нашимъ наблюденіямъ, лежить подъ $64^{\circ} 20'$ широты, и со-

ставляетъ замѣчательный раздѣлъ въ произведеніяхъ прозлбаемаго царства. Къ югу отсюда растутъ сосны и ели, а на сѣверъ ихъ нѣтъ; въѣсто того стоять лѣса листвянницы, тополей, березы и ивы; послѣднія растуть до 68°, по берегамъ Омолона и обоихъ Анюевъ, но только въ низменностяхъ, защищенныхъ горами отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Тунгусы, встрѣченные нами въ послѣдствіи, рассказывали, что на вершинѣ одной изъ Верхо-Янскихъ горъ находятся остатки большаго мореходнаго судна, но дальнѣйшихъ подробностей они не сообщили.

Все протяженіе отъ Алдана до Верхо-Янскихъ горъ называется Тукуланскимъ путемъ. Во всей Сибири, кромѣ опасныхъ переходовъ черезъ горы, нѣтъ дороги хуже сихъ 140 верстъ. Глубокія болоты, дремучіе лѣса, крутыя скалы и быстрыя рѣки, кажется, нарочно стѣснены на всемъ пространствѣ, чтобы преграждать и затруднять путь. Сверхъ того путешественникъ не находитъ здѣсь ни юрты, ни другаго пристанища для защиты отъ непогоды, и принужденъ проводить ночи подъ открытымъ небомъ. Тукуланская пустыня находится подъ вѣдѣніемъ Якутскаго Земскаго Суда, который однакожъ еще не позаботился объ удобствахъ путешественниковъ. Напротивъ того, достойны замѣчанія вниманіе и попеченіе, обращенные на сей предметъ Верхо-Янскимъ окружнымъ исправникомъ г-мъ Тарабукинымъ. Тотчасъ по вступлениіи своемъ въ должность, онъ употребилъ

быть все зависѣвшія отъ него средства для расширенія и уравненія горныхъ тропинокъ, и для проведения удобныхъ, безопасныхъ дорогъ черезъ болота. Такое улучшеніе пути особенно важно для казенныхъ транспортовъ съ солью и провіантомъ, которые каждое лѣто отправляются изъ Якутска въ селенія, по рѣкамъ Инѣ и Индигиркѣ лежащія. Тарабукину также обязаны путешественники устройствомъ, такъ называемыхъ, поваренъ, деревянныхъ хижинъ, стоящихъ въ нѣкоторомъ одна отъ другой отдаленіи. Сіи строенія состоятъ только изъ четырехъ стѣнъ и плоской кровли, въ которой находится дыра для дыма; въ срединѣ комнаты помѣщается очагъ, а по краямъ лавки. Не смотря на несовершенное и щелистое устройство, поварни составляютъ благодѣяніе для путешественниковъ, и доставляютъ имъ достаточную защиту отъ непогоды и выюги *.

Тукуланская долина, по которой вхали мы отъ береговъ Алдана, направляется сначала на ONO, а потомъ на NNO. Сie послѣднее направление принимаетъ она будучи сужена съ обѣихъ сторонъ двумя высокими горами, которые имѣютъ плоскія вершины, крутыя, малоразрѣзанныя стороны, и примыкаютъ къ цѣпи зубчатыхъ горъ, издали имѣющихъ видъ дуги, обращенной западною стороною на NNO, а восточною на NNW. До сихъ двухъ горъ долина довольноши-

* Съ 1821-го года, Якутскій Земскій Судъ послѣдовалъ сему благодѣтельному примеру, и сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія для улучшения дорогъ, устроилъ нѣсколько поваренъ.

рока, а скаты горъ круты. Грунтъ вездѣ болотицтвъ, и покрытъ обломками сильно вывѣтреннаго сланца. Рѣка Тукуланъ подмываетъ скалы, на лѣвомъ берегу ея стоящія, и принимаетъ въ себѣ ильсколько ручейковъ. По мѣрѣ приближенія къ срединѣ дугообразной цѣпи горъ, горизонтъ стѣсняется, и наконецъ дорога идетъ въ узкомъ оврагѣ, имѣющемъ направлениe на NtO, и ограниченномъ съ обѣихъ сторонъ огромными нависшими скалами. Западный хребетъ состоять изъ слоевъ чернаго сланца, слоями направленного на NtW, имѣя наклоненіе къ WtS, подъ уголъ 70° съ горизонтомъ.

Сей оврагъ, до 30-ти верстъ длины, приводить къ подошвѣ крутыхъ, высокихъ, островерхихъ горъ; между двумя сопками, ущелицою, переваливаются черезъ хребетъ; по барометрическому измѣренію Лейтенанта Анжу, высшая точка сей ущелины находится надъ поверхностью водъ рѣки Тукулана (въ 30-ти верстахъ разстоянія) на 2100 фут. отъ земной высоты; горныя вершины возвышаются еще на 800, или 1000 футовъ болѣе. Горы состоять изъ чернаго сланца, слои котораго направляются на NtO, наклоняясь на WtS, подъ угломъ въ 50° съ горизонтомъ.

Южный спускъ Верхо-Янскай горы крутее съвернаго. На уступѣ съвернаго ската лежитъ не-большое озеро, изъ котораго вытекаетъ Яна. Въ немъ, по рассказамъ Тунгусовъ, попадается въ значительномъ количествѣ рыба харіусъ (*Salmo thymallus*). — Отсюда отдѣляются отъ Верхо-Ян-

скихъ горъ двѣ вѣтви, одна по правую, а другая по лѣвую сторону Яны, и сопровождають теченіе сей рѣки. Сначала обѣ вѣтви состоять изъ горъ значительной высоты, которыхъ, въ посльствіи понижаются, и наконецъ исчезаютъ въ болотистыхъ равнинахъ. Восточная цѣпь омывается Яною, идеть далѣе западной, и простирается всего на 150 верстъ отъ Верхо-Янского хребта. Горы и холмы восточной цѣпи состоять изъ ломанаго сланца и пещанаго камня. На WNW Верхо-Янскія горы пускаютъ значительную вѣтвь, которая раздѣляетъ Ленскую и Янскую водные системы, и упираясь въ Ледовитое морѣ, известна на съверѣ подъ именемъ горъ Орулганского хребта. И онъ, какъ всѣ досель мною замѣченныя, состоять изъ чернаго сланца, склон которого направляются на NNW, наклоняясь, то къ восстоку, то къ западу.

Спустившись съ хребта, мы слѣдовали по лѣвому берегу Яны, встрѣчая на пути описанныя выше поварни. 25-го Сентября, подъ одной изъ нихъ, мы замѣтили небольшой шалашъ, сплетенный изъ древесныхъ вѣтвей и покрытый листьями, по видимому, необитаемый и неспособный служить жилищемъ для человѣка. Къ нашему великому удивленію оказалось, что здѣсь постоянно проводить зиму и лѣто престарѣлый Тунгусъ, съ своею дочерью и двумя собаками. Онъ занимается оленевой охотой. Надобно себѣ представить необозримую, безлюдную пустынню и его полупрозрачное жилище, чтобы получить понятіе объ об-

разъ жизни сихъ отшельниковъ. Особенно ужасно положеніе бѣдной девушки, когда отецъ ея на лыжахъ уходитъ въ лѣсъ, и часто нѣсколько дней гоняется безуспѣшио за оленями, а она остается одна, почти не имѣя одежды, чтобы согрѣться отъ ужаснаго холода, терпя часто недостатокъ въ пищѣ, и проживая въ жалкомъ шалашѣ, который даже и лѣтомъ не доставляетъ достаточной защиты отъ дождя и непогоды. Отецъ ея принадлежитъ къ тѣмъ, которые какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ лишились своихъ оленей, и принужденные отѣлиться отъ своихъ земляковъ, удаляются въ лѣдяныя пустыни, гдѣ борясь съ безчисленными недостатками, опасностями и холодомъ, снискиваютъ себѣ скучное пропитаніе. Бѣдственное положеніе такихъ несчастныхъ не укрылось отъ внимательного взора Правительства. По новому преобразованію Восточной Сибири положено соединять ихъ въ общества, и снабдивъ отъ казны необходимыми для рыбной ловли вещами, селить на берегахъ рѣкъ, изобилъныхъ рыбою.

26-го Сентября, мы достигли первой почтовой станціи Бараласа, которая отстоитъ отъ Верхо-Янскаго хребта на 157-ми верстъ, и лежить, по нашимъ наблюденіямъ, подъ $65^{\circ} 51'$ широты. Здѣсь нашли мы просторную юрту для путешественниковъ. Есауль изъ Якутовъ содержить свою станцію въ примѣрномъ порядкѣ. * У входа,

* На каждую станцію выбираютъ благонадежнаго человека, который обязанъ смотрѣть за порядкомъ. Туземцы величаютъ смотрителя Есауломъ.

на свѣжемъ снѣгу, лежали куски чистаго льда для котловъ и чайниковъ; юрта была тщательно выметена; лавки по стѣнамъ покрыты свѣжимъ снѣномъ; въ чувалъ горѣлъ яркій огонь; въ окна были вставлены прозрачныя, гладкія льдины, укрытые размоченнымъ снѣгомъ, здѣшнею замазкою; словомъ, все свидѣтельствовало порядокъ, чистоту и опрятность. Послѣ девяти дней, которые провели мы подъ открытымъ небомъ, въ снѣгу и холода, Бараласская юрта показалась намъ дворцомъ. Мы поспѣшили сбросить тяжелыя, покрытые льдиною корою шубы, перемѣнить бѣлье и умыться; въ теченіе послѣднихъ девяти дней обѣ этомъ нельзя было подумать, опасаясь отморозить носъ и уши. Такія удобства доставили намъ несказанное облегченіе, и мы почли долгомъ выразить нашу признательность Есаулу, который впрочемъ, кажется, не слишкомъ ясно понималъ причину нашей благодарности. Вскорѣ внесли въ комнату вытесанный тоцоромъ столъ, установленный здѣшними лакомствами: рубленымъ, мерзлымъ Якутскимъ масломъ; струганиною, мерзлого рыбью, разрѣзанною на тонкія пластинки, и наконецъ, въ заключеніе, высшую роскошь сей страны, сырьимъ, свѣжимъ оленымъ мозгомъ. Прізнаюсь, сначала меня никако не привлекали эти *glaces au beurre et au poisson* и *compote aux genives*, и я только въ угожденіе гостепріимству хозяина отвѣдывалъ всего по немногу, но въ послѣдствіи такъ привыкъ я къ этой пище, что вареной рыбѣ всегда предпочиталъ ломтики мерзлой струганины.

Отъ Бараласа пачинаются опять почтовыя станціи, въ которыхъ всегда находили мы болѣе или менѣе удобныя юрты, и обыкновенно двѣ, одну для путешественниковъ, а другую для Есаула и проводниковъ, которые по очереди прїезжаютъ съ лошадьми изъ ближайшихъ наслѣговъ. Якуты измѣряютъ разстояніе кіоссами, разумѣя подъ симъ часть дороги, которую можно проѣхать во столько времени, сколько потребно, чтобы сварить кусокъ мяса. При такомъ, вовсе не математическомъ разсчетѣ, истинная величина кіосса зависитъ единственно отъ состоянія дороги; можно положить, что кіоссъ при гористой или болотистой дорогѣ равняется пяти верстамъ, а при гладкой и ровной семи.

Не смотря на гостепріимство Бараласскаго Есаула, мы остались здѣсь только одинъ день, и 27-го Сентября поѣхали далѣе, на ближайшую станцію Табалахъ, которая лежитъ отсюда въ 300 верстахъ. Мыѣхали не по почтѣ, а на особыхъ лошадяхъ, собственно для экспедиціи приготовленныхъ, почему своротилъ я съ почтоваго тракта, идущаго на Верхо-Янскъ, и поѣхаль по другой дорогѣ, которую обыкновенно выбираютъ купеческие караваны, и которая, по увѣренію Якутовъ, сокращаетъ путь почти на сто версты. Въ 20-ти верстахъ отъ Бараласа должно переправляться черезъ Яну, которая имѣть здѣсь 70-ть сажень ширины. Ледъ былъ такъ скользокъ, что наши лошади, какъ обыкновенно, неподкованныя, на каждомъ шагу падали. Мы сили выюки, хо-

тыли вести лошадей за повода, но все напрасно. Послѣ многихъ попытокъ, прибѣгли къ послѣднему средству, отправили одного проводника въ Бараласъ за пескомъ и золою, посыпали ими ледъ, и такимъ образомъ счастливо перебрались на другую сторону.

Берега Яны здѣсь плоски, и поросли по большей части листвянничнымъ лѣсомъ средней высоцты. Страна между Бараласскою и Табалахскою станціями представляетъ мало разнообразія. Сначала тянутся въ съверномъ направленіи ряды холмовъ, исчезающіе въ послѣдствіи въ болотистыхъ равнинахъ. Подъ защитою возвышеній стоятъ низкіе, листвянничные и березовые кустарники. Равнина устьяна множествомъ озеръ, соединенныхъ между собою протоками и рѣчками; мы переправились черезъ одну изъ нихъ, известную подъ именемъ Адычъ, которая съ NNO впадаетъ въ Яну, принимая въ себя рѣчки Табалахъ, Тостахъ, и другія.

3-го Октября достигли мы Табалахской станціи, содержимой Верхо-Янскими Якутами. Она расположена на холмистой равнинѣ, которая изрѣзана рыбными озерами, и местами имѣть хорошие луга. Просторная и довольно опрятная станціонная юрта была намъ тѣмъ пріятнѣе, что всю дорогу отъ Бараласа, при холодаѣ отъ 10° до 19°, мы принуждены были проводить ночи подъ защитою полуразвалившихся юртъ.

Здѣсь встрѣтилъ я окружнаго врача, г-на То-

машевскаго, который пробылъ по дьяламъ службы 30-ть лѣтъ въ Нижне-Колымскѣ и теперь возвращался въ отечество. Онъ сообщилъ мнѣ много весьма полезныхъ подробностей и замѣчаний объ оставляемой имъ странѣ. Между прочимъ, рассказывалъ онъ, что Колыма въ Юдѣ въ мѣсяцѣ такъ разлилась у Средне-Колымска, что жители были вынуждены бѣситься на крыши и на колокольни.

На востокѣ отъ станціи видна зубчатая цѣпь горъ, направленная почти по меридіану и замѣчательной правильностью своихъ вершинъ, которыя, имѣя конусообразный видъ, кажутся прильпленными къ сторонамъ хребта. 3-го Октября, мы отправились изъ Табалаха по холмистой, болотистой равнинѣ. Мѣстами она поросла невысокимъ и частію обгорѣлымъ лиственичнымъ лѣсомъ. На 85-й вѣрстѣ, мы достигли замѣченной изъ станціи, горной цѣпи, которая гораздо ниже Верхо-Янскаго хребта; она разграничиваетъ Янскую и Индигирскую водныя системы. По узкой долинѣ среди горъ пролегаетъ дорога. Не могу навѣрно определить составныхъ частей горъ, но, судя по множеству обломковъ гранита, фельдшпата, слюды и кварца, должно полагать, что они сложены изъ сихъ породъ.

Мы следовали узкою долиною вдоль береговъ рѣчки Догдо, впадающей въ Яну. Недалеко отсюда лежитъ, окруженнная горами, котловидная долина, известная подъ именемъ «Убѣденаго поля»,

Въ ней, говорить преданіе, скрывалась цѣлая орда Тунгусовъ, спасаясь отъ завоевателей Сибири, казаковъ, и послѣ упорной битвы нашла здѣсь свою могилу. Осматривая окрестность, я отдалълся отъ моихъ спутниковъ, и хотѣль ихъ догнать по прямой дорогѣ, которая казалась мнѣ короче. Она вела черезъ небольшую рѣку, но едва отѣхалъ я нѣсколько шаговъ отъ берега, какъ лошадь проломилась и исчезла подъ льдомъ. Къ счастью, мнѣ удалось, не смотря на тяжелую шубу, во-время перескочить на твердый ледъ и пѣшкомъ перейти на другую сторону. Лошадь не показывалась изъ воды, и я полагалъ, что она погибла, но Якуты проводники, замѣтя мое несчастье, со смѣхомъ послѣшили ко мнѣ на помощь, увѣряя, что сей часъ достануть лошадь, не только живую, но даже и не мокрую. Въ самомъ дѣлѣ, когда они шестами разломали у берега ледъ, я увидѣлъ, и въ послѣдствіи неоднократно имѣлъ случай тоже замѣтить, что рѣчная вода почти вся вытекла и образовала между дномъ и ледяною корою пустое пространство, футовъ въ шесть вышиною, гдѣ находилась моя лошадь. — Къ несчастью, при паденіи выюкъ, съ чаемъ, сахаромъ и ромомъ, оторвался и упалъ на дно рѣки. Потеря такихъ, необходимыхъ въ путешествіи по ледяному пустыньямъ предметовъ, была для всѣхъ наскъ восьма чувствительна.

Съ береговъ рѣки Догдо дорога сворачиваетъ къ сѣверу и идеть по оврагу, обставленному вы-

секими, крутыми скалами. Оно, состоять, почти везде из черного сланца, где изъска пропадает сорый. Каменные слои направляются отъ WtN и OtS , наклоняясь отъ NtO и SsW , подъ угломъ 30° съ горизонтомъ. У подошвы лежать обломки монгомерата, составленного изъ сланца и гравия, слагаючи синеву камни, бывши, когда-
^с Недалеко отсюда вытекаетъ на юго-западъ рѣка Русская Разсоха. Окрестности ежевѣтны: жилы зелеными скалами, а коварь, где находятся источники крольца, обставлены скалами, испещренными зубчатою образованіемъ, сподежими изъ длины километра. Имѣются рѣчные склоны, покрытые каменистыми глыбами, изъ которыхъ по течению ручья, мы съѣхались горъ на длину, которая изъ NO была перерѣзана группой параллельно съ предыдущимъ дѣлью горъ неясныхъ и имѣющихъ вершины, на подобіе сѣдловъ. Дорога идетъ по берегамъ одного изъ протоковъ Индигирки, рѣчки Гудягиной, которая пробивается себѣ путь среди втораго горнаго хребта. Главная каменная порода здѣсь сланецъ, но слои идутъ чрезвычайно разнообразно и неизвѣстно такимъ образомъ:

Следуетъ сначала описать изображение горы Испека, расположенной на южномъ склонѣ горы Атас, которая лежитъ въ долинѣ рѣки Гудягиной, отъ которой въ восточную сторону въ 10-ти верстахъ отъ Атаса, въ 10-ти верстахъ отъ Атаса, въ полночь, приѣхали мы въ Заршевскъ, городокъ, лежащий на правомъ берегу

иу Индигирки, въ 415-ти верстахъ отъ Табага-
ха.—Во время перехода термометръ показывалъ
отъ 16 до 24° , $_{\text{если}}$ колода. Ночи преводили мытье
полуразвалившихся юртакъ, или же поварниахъ,
гдѣ послѣ двадцати часовъ безпрерывной вѣн-
ды, несмотря на холода, сквозной вѣтеръ и
густой, щекій дымъ, хорошо и крѣпко спали.
Снегу было мало; особенно на ровныхъ местахъ,
открытыхъ нерывань вѣтра.

Зашиверскъ былъ прежде деревнею и состоялъ
изъ нѣсколькихъ только юртъ и въ 1786-мъ году,
не за долго до экспедиціи капитана Билянскаго,
указомъ Императорицы Екатерины II навѣ-
ченъ уѣзднымъ городомъ. Сдѣлавшись мѣстомъ
пребываніемъ уѣздныхъ властей, онъ рас-
ширился, такъ, что въ послѣдствіи осталось
въ немъ до 30-ти жилыхъ домовъ. По соединен-
іи Зашиверскаго уѣзда съ Верхне-Инскимъ, За-
шиверскъ упалъ въ прежнее ничтожество. Нынѣ,
кромѣ хорошо поддерживаемой церкви, мѣстечко
состоитъ изъ пяти домовъ, въ коикъ живутъ свя-
щенникъ, съ своимъ братомъ, смотрѣтель стан-
ціи Якутъ, и два Русскихъ семейства.

Впрочемъ мѣстечко заслуживаетъ примѣчаніе,
потому, что въ немъ живеть, известный во
всей Сибири, отецъ Михаилъ, восьмидесяти-семи
лѣтній священникъ. Онъ уже болѣе 60-ти лѣтъ
занимаетъ здѣсь свое званіе, и въ теченіе сего
времени, силою своихъ убѣжденій, обратилъ къ
христіанству до 15000 Якутовъ, Тунгусовъ и
Юкагировъ, чго наставления, советы и примеры

и иль самое благотворительное виданіе, не только на образованіе, но и на нравственность окрестныхъ жителей. Ревность благочестиваго отарца къ распространению божественнаго учения ни сколько не спадала къ старости; и доселе ежегодно, прерываясь трудности и опасности, онъ объезжаетъ верхомъ санильною 2000 верстъ, весь свой приходъ. Видя сие, отъ сего же путешествіемъ отецъ Михаилъ не только исполняетъ священное дѣлѣніе въ приходѣ, но старается везде, где можетъ, помагать нечестивымъ, и облегчать и утешать страждущихъ. При всемъ томъ, онъ имѣть еще столько времени, что ходить въ горы, смотреть за пидами бараками, и ловить сидамъ куропатокъ. Короткое мгно посвящаетъ онъ своему небольшому огороду, въ которомъ, при неизъщенныхъ трудахъ въ вниманіи хозяина, поспѣваютъ капуста, редька и рѣпчатъ большая рѣдкость и недавній единственныи примѣръ въ здѣшнемъ суревомъ климатѣ. Отецъ Михаилъ угощалъ насъ истицю по Руски: горшкомъ жирныхъ щей и свѣжимъ ржанымъ хлѣбомъ, которые показались намъ лучше всякихъ лакомствъ. Въ заключеніе подали пирогъ, испеченный изъ рыбьей муки, изобрѣтенія нашего хозяина. Для сего сухая рыба растирается въ мѣлкій порошокъ, который, если его держать въ сушѣ, долго сохраняется, и съ примѣсью ржаной муки составляетъ очень вкусный хлѣбъ.

Слѣдуетъ сказать, что село Старо-Зашиверскъ

Зашиверскъ построено среди пространной рав-

тины, богатей прекрасными лугами и устьевыми
озерами, обильными рыбой. Здесь водятся си-
ги (*Salmo lacaretus*) и чиры той же породы.
Народонаселение состоит из здешних Якутовъ,
которые все либо кочуютъ съ табуами юшадей
и стадами рогатаго скота. Въ теплые времена года
запасаются они снегомъ на зиму. При наступлении
осени, Якуты разселяются по берегамъ рекъ и
занимаются только рыбной ловлей. Охота въ-
ставляетъ у нихъ побочный промыселъ. Бѣдный-
шіе Якуты, не имеющіе ни рогатаго скота, ни
юшадей, живутъ осьмью на берегахъ рекъ, и
изъзываются отъ того рѣчными. Для перевозки так-
жестей содержать они собакъ, которыхъ линта-
ясь только рыбными костями, почти не испытываютъ
хозяйную никакихъ издергекъ, а между тѣмъ прем-
ышайно полезны, даже необходимы. Рыбная ловль
составляетъ главный промыселъ и почти един-
ственное средство пропитанія речныхъ Якутовъ.
Зимою занимаются они добывкою пушныхъ зверей.

Противъ Зашиверска, на лѣвомъ берегу Инди-
гирки, стоять отдаленный утесъ, сажень 150 вы-
шины. Онъ сложенъ изъ слоевъ чернаго слан-
ца, проросшихъ селенитомъ; кроме того, чистыя
белыя жилы сей породы лежать между слоями
сланца, которые направлены къ WtN и OtS, на-
клоняясь къ StW, подъ угломъ въ 60° съ гори-
зонтомъ.

Не задолго до моего прибытія въ Зашиверскъ,
проходили здесь чиры Якутской Нижне-Комицкъ

казенныи транспортъ съ солио и мукою. Надъ него требовалось сто лошадей, а потому принужденъ я бытъ прожить здѣсь два днія, пока изъ близъ лежащихъ наслѣговъ пригнали нужныхъ миъ лошадей. Наконецъ, 15-го Октября отправились мы далѣе, сопровождаемые благословеніями отца Михаила. Два днія, провденныхъ въ гостепріимной хижинѣ почтенаго старца, принадлежать къ пріятѣйшимъ воспоминаніямъ нашей унылой поездки.

Мы ѿхали по равнинамъ и болотамъ, устьяннымъ озерамъ и покрытымъ низменнымъ, стесняющимъ листvenичнымъ кустарникомъ. — На сей дорогѣ, которая идетъ въ 40 верстахъ оть Индигирки, параллельно съ ея течениемъ, были мы такъ счастливы, что всегда могли почеватъ въ населенныхъ Якутскихъ юртахъ. Такимъ образомъ достигли мы большаго озера Оринкина, въ 315-ти верстахъ оть Зашиверска, лежащаго на границѣ Колымскаго уѣзда. Здѣсь прекращаются Якутскія селенія. Отсюда дорога къ рѣкѣ Алазѣ, на протяженіи 250 верстъ, по совершенно безлюдной пустынѣ, покрытой болѣею частью болотами, которыя лѣтомъ, особенно послѣ дождей, совершенно непроходимы. Озера попадаются рѣже, луга, поросшіе травою, исчезаютъ, такъ, что при совершенномъ недостаткѣ средствъ пропитанія для людей и животныхъ, сія полоса врядъ ли когда нибудь сдѣлается обитаемою. Лежащія къ западу оть Алазейскихъ горъ

болота, обадаранами называемыя, никогда не просыкаютъ. Лѣтомъ, при теплой, сухой погодѣ, образуется на поверхности иль-тюкай, твердый слой, который, подобно осеннему льду, можетъ сдержать только малыя тѣжести, а подъ большими прорывается. Въ некоторой глубинѣ отъ поверхности лежитъ вѣчный, никогда не тающій ледъ; только она спасаетъ проезжающихъ здесь лѣтомъ путешественниковъ отъ пополненія въ болотъ. Вообще трудно себѣ представить чтонибудь унынѣ и пустыннѣ бадарановъ, покрытыхъ полуистлѣвшимъ мохомъ, по которому изредка стелются, почти изсохшія, тонкія лиственницы.

Зимою путешественникъ, конечно, не подвергается здѣсь опасности утонуть, но за то ему угрожаютъ ужасныя бури и матели на необозримой равнинѣ, отъ которыхъ находить онъ единственную защиту въ развалившихся повартахъ, подвергаясь тутъ опасности задохнуться отъ дыма.

Въ ста верстахъ отъ озера Оринкина лежитъ не высокій, но лѣсистый Алазейскій хребетъ, съ западнаго крутаго ската его текутъ рѣки въ Индигирку, а съ восточнаго, довольно отлогаго, сливаются притоки Алазеи. Въ послѣднихъ находятся много жедыза хорошаго качества. Якуты выдѣлываютъ изъ него ножи, топоры и другія орудія.

Здѣсь оканчиваются бадараны. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Алазеѣ, которая, по рыхлому

земляному грунту, крутыми язлужинами течеть на съверь къ Ледовитому морю, страна становится холмистѣе, покадаются поросшіе травою луга и изобильныя рыбью озера; иные изъ нихъ имѣютъ до 40 верстъ въ окружности. Здѣсь снова начинаются уединенныя, обитаемыя юрты и Якутскія селенія.

Наконецъ, 21-го Октября, на 140-й верстѣ отъ Алазейскаго хребта, показались вдали столбы красноватаго, искристаго дыма, вылетающіе изъ юрты Сарадахской станціи, гдѣ могли мы надѣяться, послѣ 8-ти дневнаго, труднаго путешествія, при 17° и 24° мороза, провести ночь въ нато-
членной, прочно устроенной юртѣ.

Надежда не обманула насть. Сарадахская станція, содержимая отставнымъ вахмистромъ Атласовыимъ, однинъ изъ потомковъ покорителя Камчатки, обстроена несравненно лучше другихъ станцій по дорогѣ отъ Якутска до Нижне-Колымскаго. Въ прочно устроенной изъ хозяина отдѣлена для проезжающихъ особая, теплая и чистая комната; на дворѣ находятся просторная юрта для проводниковъ и большия навѣсы для лошадей, также загоны для рогатаго скота; въ серединѣ двора, на бревнахъ, сажени въ три вышины, сдѣлано небольшое лѣтнєе жилище и поставлены солнечные часы. Всѣ сіи зданія устроены на косогорѣ и обнесены палисадомъ, примыкающимъ къ изобильному рыбью озеру, за которымъ виднѣется довольно густой и высокій лист-

веничный лесъ. Вообще здѣсь все такъ хорошо и удобно придумано, что Сарадахъ можетъ быть сравниваемъ съ плодоноснымъ оазисомъ въ пещаныхъ Африканскихъ степяхъ.

Тутъ получиль я первое извѣстіе отъ г. Матюшкина, который письмомъ уведомлялъ меня о счастливомъ ходѣ своего дѣла.

Отъ Сарадаха до Средне-Колымска считается 250-ть верстъ; на сей дорогѣ лежать три хорошия и удобныя станціи. Возвышенность, раздѣляющая системы водъ р. Алазеи отъ р. Колымы, называютъ Половиновскимъ хребтомъ; восточная покатость его покрыта болотами, озерами и рѣдкимъ лѣсомъ; западная почти безлѣсна, вѣроятно, по причинѣ холмовыхъ, западныхъ вѣтровъ. Ближе къ р. Колымѣ, страна становится пріятнѣе; большія озера смѣняются лиственничными рощами, или отдельными группами ивъ. Здѣсь, на небольшомъ озерьѣ, увидѣлъ я первое стадо дикихъ оленей; съ удивительною скоростью пронеслись они мимо наскѣ по льду; по берегамъ озера бѣжали за ними два волка.

25-го Октября, поздно вечеромъ, выѣхали мы на берега Колымы. Было уже совершенно темно; но лай собакъ, столбы искръ изъ трубъ, тускло сияющіе сквозь лѣдяные стекла огни и рѣзко рисующійся, черный шпицъ колокольни показали намъ, что мы прїѣхали въ городъ Средне-Колымскъ. Съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ мѣстопребываніемъ Колымскаго Исправника, онъ

видимо улучшается; кроме хорошей церкви, въ
немъ считается тринадцать домовъ, которые впрочемъ
малочь, по большей части, бывають пусты. Къ зимѣ возвращаются жители съ охоты
и другихъ промысловъ въ городъ, и онъ ожи-
ваетъ. Въ наше время все народонаселеніе за-
нято было устройствомъ на рекѣ защеловъ для
лова сельдей, который подымались къ верховьямъ
Кольмы. Рыбная ловля нынѣ гораздо менѣе преж-
ниго изобилъна, такъ, что жители Средне-Ко-
льмска должны значительно уменьшать число
своихъ собакъ и заводить лошадей. Такая же
премѣна сопряжена съ большими затрудненіями,
потому, что жто здѣсь часто бываетъ слишкомъ
кратко для сбора достаточныхъ запасовъ сѣна.

Стужа усиливалась. На послѣднемъ переходѣ
отъ Саралаха, термометръ, при ясномъ небѣ и
совершенномъ безвѣтріи, показывалъ отъ 18° до
29° холода. Мы присовѣтовали снабдиться пол-
нымъ зимнимъ гардеробомъ, и въ короткое
время доставили все нужное. Здѣшняя зимняя
одежда состоитъ изъ широкой куртки, на пе-
щевомъ мѣху, и также нагрудника и широ-
кихъ шароваръ изъ зачвихъ шкуръ, что на-
дѣвалъ я на мое обыкновенное, форменное платье.
На ноги, кроме двухъ паръ носковъ изъ оленей
мягкой шкуры, надѣваются такие же высокіе са-
поги, торбасы, а сверхъ того, какъ мыѣ хад-
ли верхомъ, особые мѣховые накодѣнники. Нако-
нецъ надѣваютъ широкую кухлянку, родъ мѣшка,
съ отверстиемъ для головы, съ рукавами и капи-

шюномъ. Она дѣлается изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, обращенныхъ, одна шерстью наружу, а другая внутрь, и подплотеивается широкимъ куликомъ. Лицо также закутывается лоскутками шубы, какъ то: на лобникомъ, на носникомъ, на губникомъ, на бородникомъ и на уши никомъ, а на голову надвѣается огромная шапка изъ лисьего меха. Сперва такая одежда была мнѣ нестерпима и тягостна; я на силу взлезъ на лошадь и не безъ труда прошелъ сивовъ узкія двери Якутскихъ юртъ, но въ то же мгновеніе, особенно при 30° мороза и рѣжкомъ северномъ вѣтре, нарядъ мой казался мнѣ превосходныемъ и удобнымъ.

27-го Октября поехали на лошадяхъ изъ Срединнаго Колымскаго, далѣе по лѣвому берегу реки, ветреная довольно часто Якутскія селенія. Въ 320-ти верстахъ лежитъ Русская деревня Омолонская, на рекѣ того же имени; отсюда начинается вѣза на собакахъ. Здесь исчезаютъ высокостольные лѣса и луга; вмѣсто нихъ по низменностямъ стелется изогнутый кустарникъ.

На легкихъ нартахъ пролетѣли мы въ два дня 120-ть верстъ, и 2-го Ноября, при 32° мороза, прибыли въ Нижне-Колымскъ.

Такимъ образомъ, проѣхавъ всего одиннадцать тысячу верстъ въ 224 дни, достигли мы первой цѣли нашего путешествія—бѣдной рыбачкой деревни, которая на три года сдѣмалась нашимъ главнымъ местопребываніемъ.

— 41 —

ГЛАВА IV.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О НІЗОВОЙ ЧАСТИ КОЛЫМЫ И ЖИТЕЛЯХЪ ЕЯ.

Рѣка Колыма. — Климат. — Житіе. — Селенія. — Берега. — Оձиви. — Образъ жизни. — Голодъ. — Рыбные промыслы. — Синхронные рыбы въ проѣзѣ. — Охота за оленями. — Примітные звери и добыча ихъ. — Собаки, необходимый рабочий скотъ. —

Прежде нежели приступлю къ описанію нашихъ занятій и пребыванія въ Нижне-Колымскъ, почитаю приличнымъ изложить несколько общихъ замѣчаній о такъ называемой, *низовой части Колымы и жителяхъ ея*, чтобы въ послѣдствіи менѣе прерывать разсказъ моихъ подобными, местными и этнографическими описаніями.

Рѣка Колыма начинается подъ $61\frac{1}{2}^{\circ}$ съверной широты и 146° восточной долготы (оть Гринвича), въ горахъ, известныхъ подъ названіемъ *Становаго Хребта*, изъ которыхъ течетъ также рѣка Омеконъ, или Индигирка. Колыма простирается

на 1500 верстъ, по направлению восточной отрасли тѣхъ горъ къ NNO, и выдастъ наконецъ, подъ $69^{\circ} 40'$ съверной широты, въ Ледовитое море. На первыхъ 800 верстахъ оть источника, стремление чрезвычайно быстро, но потомъ, при возрастающей ширинѣ, мало по малу становится умѣреннѣе. Правый берегъ, вообще утесистъ и состоять изъ скаль, исключая пространство между устьями впадающими въ Колыму рекъ Омолона и Амюя, гдѣ встречаются лежащими въ нѣкоторыхъ местахъ примыло тонкіе слои земли къ утесамъ. Крутые берега возвышаются почти везде относительно изъ воды; нерѣдко также висятъ они довольно далеко надъ русломъ реки и состоять изъ различныхъ породъ сланца. * Въ оныхъ шиферныхъ утесахъ между слоями показываются жилы отвердѣлой красной глины и зеленаго каменизаго шифера, наприм. у мыса Кресты; даље находятся также большія полосы чистѣйшаго чернаго асфальта, безъ всякой примѣси, какъ то замѣтно у мыса Аспиднаго; наконецъ, близъ Камня Кандакова, имѣющаго всѣ свойства лавы, встрѣчаются известковые шары, которые заключаютъ въ себѣ миндалеобразные кристаллы хальцедоновые и аметистовые. Изъ утесовъ высовываются также большия горные кристаллы. Окаменѣлостей, какъ кажется, на Колымѣ нѣть. Не смотря на каменистое свойство берега, про-

* Гранитъ начинается у Борамоевъ Камня и да, спорогъ Шадагского Носа; первые признаки его пашель и у Медвѣжьего мыса.

зление здесь довольно изобильно; мы видели цвѣтуши мѣ красивый кипрей широколистный (*epilobium latifolium*). Здесь растетъ также во множествѣ трава кровяхлѣбка (*sanguis-огба*), корень которой туземцы собираютъ для употребленія въ пищу.

Лѣвый берегъ рѣки отложе; къ Средне-Колымскому видны еще довольно высоко лежащіе луга, но чѣмъ болѣе приближаешься къ морю, тѣмъ низменнѣе и отложѣ становятся берегъ и окрестность; наконецъ вся страна представляеть обширную тундру, или степь, простирающуюся къ рѣкѣ Алазей и до самаго моря.

Кромѣ двухъ рѣкъ Аниевъ (Большаго и Малаго) и Омолона, впадаетъ въ Колыму еще много небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ; тѣ изъ нихъ, которые вытекаютъ изъ горъ и утесовъ, называются вообще каменными протоками, а проистекающія изъ озеръ, означаются названіемъ: виски. Между послѣдними важнѣйшія суть: *Керетовая*, *Черноусова*, *Походская* и *Малая Чукочья*; изъ первыхъ стоитъ упомянуть о *Пантелеевой* и *Филипповой*.

Нѣсколько верстъ выше устья Омолона, Колыма образуетъ рукавъ, который пересѣкаеть въ ОНО направлениі западную тундру, и на 100 верстъ далѣе къ низу, соединяясь опять съ главною рѣкою, представляеть низменный, довольно болотистый островъ, на южномъ берегу коего, въ трехъ верстахъ къ западу отъ поворота Колы-

ны, лежитъ острогъ Нижне-Колымскій; предол-
жая теченіе около 100 верстъ въ восточномъ на-
правлениі, рѣка дѣлаетъ здесь внезапный поворотъ
къ сѣверу. Сорокъ верстъ далѣе внизъ, раздѣ-
ляется она, оять на два рукава, образующіе ост-
ровъ Мерхояновъ, самая большая ширина ко-
тораго составляетъ $9\frac{1}{2}$ верстъ. Онъ простират-
ся къ сѣверу до самого моря, и перерѣзывается,
особливо по близости моря, множествомъ ручей-
ковъ. Восточный изъ сихъ двухъ рукавовъ назы-
вается Каменная Колыма и имѣть ширины
6 верстъ; западный рукавъ, получившій на-
званіе Походской, или Средней Колымы, неши-
ре 4 верстъ. Наконецъ есть еще, 24 версты да-
лѣе къ сѣверу, третій, не очень широкій рукавъ,
Чукотскій, на NW. Сіи три рукава образуютъ
истокъ Колымы въ Ледовитое море, шириною
около 100 верстъ. Средняя и Каменная Колымы
имѣютъ значительную и для мореходныхъ судовъ
всякаго рода достаточную глубину; не смотря
на то, плаваніе тамъ затруднительно и сопряже-
но съ опасностью; потому что отъ быстроты теченія,
особливо при вскрытии льда, образуется
ежегодно множество пещаныхъ мѣлей, которыя
безпрестанно перемѣняютъ свое положеніе, и та-
кимъ образомъ дѣлаютъ фарватеръ непостояннымъ.
Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ, большихъ ос-
трововъ, лежитъ также на рѣкѣ и въ рукавахъ
ея множество малыхъ низменныхъ островковъ,
которые, подобно пещанымъ отмѣлымъ, мало по
малу образовались на носкою землею и укрѣпились.

Буревесты, засыхающие в море и деревьях, приводят сильную волнистость в воздушной среде, отчего воздух может быть, если более, недоступен для физическому положению страны. Къ берегу простирась несвирепая, беззлесная, унылая земля, покрытая льдомъ, покрытое море, отъ этого ледяные северо-западные вѣтеры, почти потустороннимъ густодействующимъ, беспредѣльно могущимъ действовать со всемъ жестокостью. Не только ледяной, но и преди льда заносить, они, сильная вѣтера. Саму открытымъ частямъ положению приносить должны, очи, средняя температура которыхъ года, составляетъ не мене 8° выше точекъ замерзания, по Вензору (14° Фарен.) и эвоню, въ Уильямъ-Колбиски рѣка становится первымъ замерзаніемъ. Сентябрь, бывши въ густынѣ, имене, изъ Чукотской притокъ, замечаетъ тенденцію къ льду, переходя къ марта, уже 20° . Альянта наименее замерзаетъ въ морѣ, скрывается рѣка, въ маѣ же Июня. Выпадающее тревъ наименѣе, которое въ дѣльце заморозы, льтено, солнце, на каждыхъ бѣгахъ въ губѣ Уильямъ-Колбиски, въ 15-го Мая, не бѣдъ Июня, и заморозокъ отъ него мало, помыть, ибо что склонѣніе съ севера, то можно, свѣтъ, и не погибнуть подъ материкомъ воздухъ. При семъ видѣніи съближеніе, съ землею, въ видѣ ледяной корки, и подъ землю, съѣздъ, самое, солнце, представляется въ видѣ прозрачной вѣжевой фигуры, въ глухий съѣздъ, можно, смотрѣть, лѣстницу, въ которой

Хотя, какъ сказано, предположение всего автора, измѣрение, соединенное съ измѣненіемъ обра-

появляются породы с днем наше времена гиперий. Когда хлебное солнце начиняется за горизонте, наступают вечера и ночи, и природа покойна; когда часы через два, оно опять нискалько возвращается; то все пробуждается: лягушки приветствуют новый день веселым щебетаньем; свернувшийся жесткий цветок открывается около чаинки, и все, кажется, спешить начинаются, хотя немного, благодатливые мимолетные слабые солнечные лучи. Тоже происходит и в временем года; как под покровом кроны деревьев между собою, тоже, весенние и летние, здесь существуют, взаимоисключая друг друга, вопреки языческим туземцам, которые утверждают, что горячее весеннее солнце Черного моря, обогащено сюда теми же самыми солнечными лучами, начинаясь с 21 марта, и до конца обычного въ морозахъ марта; и при этомъ часто бываетъ несметно 30° мороза. Очень сильны эти лучи въ первыхъ числахъ Сентября; тогда бываетъ обыкновенно 35° мороз; Листопадъ настаетъ въ последние числа Мая; въ это время сюда спускается маленькие листочки, лежащіе на южныхъ берегахъ покрытые бледнѣющими цветами; въ то же время случается, что падаютъ до 18° температура, казывающіеся цветы и расцветаютъ въ теплые дни; но если поднимется морской ветеръ, и пока него сдуваетъ воздухъ, суховѣнь, скучная засуха, днѣ желтѣютъ и цветы промрачняются, ято же въ Воронежскомъ становятся породы съ

принять, но природѣ, какъ будто хотѣла пропасть изъ здѣшнихъ жителей: извращеніе отъ прелестей лѣта и заставить никъ скажетъ возвраша зими: въ первыхъ числахъ мѣсяца появляются миллионы комаровъ, покрывающіе ноздри густыми облаками, и единственный убѣжище отъ нихъ въъ дикомъ сиротѣ: дымокурка, * который отгоняетъ несносимъ мучителей. Но какъ же въ природѣ имѣть благодѣтельную цѣль, и предъ съ полезною болѣду уравновѣши, то и насекомыя сіи осыпываютъ жителей самую существенную услугу, заставляя оленей выходить изъ лесовъ на приморскую тундру, открытие холодный вѣтрамъ. Они бѣгутъ огромными стадами, состоящими изъ несколькихъ сотъ, и даже тысячъ; тогда охотники подстерегаютъ ихъ, особливо при переправахъ черезъ реки и озера, и съ измѣнѣемъ труда убиваютъ великое множество ствовъ. Другую времѧ существенную, но совершенно противоположную пользу доставляютъ рой комаровъ насущниковъ табунахъ безъ пристрасти, лошадей, которыя на безконечной тундрѣ легко могли бы заблудиться, еслибы природный вѣстникъ не научилъ ихъ держаться всегда по близости дымокурокъ, гдѣ находятъ бѣзъ опасности сироплатыши своихъ. Всегда легче окончать густоту дымокурокъ тѣлощихъ мучь, и дымокуры бутъ огромныи тучи сохи и сиротъ дровъ: отъ горючихъ ихъ происходитъ пустой лѣсъ, который отходитъ комаровъ. Кучи сіи раскладываются, не только на лугахъ, для скота, но также и около селений; а потому все времѧ, пока есть комары, жители проводятъ въ беспрестанныхъ облакахъ тѣлѣ дровъ.

и когда не становят травы из одногъ илья, вуки переносятся дальше. Обыкновенно гораживают дымокуры шестами, чтобы скотъ имъ могъ приблизиться къ огню.

Въ продолженіе лѣта и здесь бываетъ громъ, который слышишь въ горахъ, а надъ сѣмьюю и ледяную рѣвниной надаетъ только слабый гулъ и не производить никакого дѣйствія.

Настоящая зима продолжается цѣлые девять мѣсяцевъ; въ Октябрь полодъ нѣсколько упирается въ тучами и туманами и покарепѣемъ отъ замерзающаго моря, но съ Ноября наступаютъ болезніе морозы, которые въ Январѣ доходять до -43° . Тогда захватывается дыханіе. Дикий олень, живущий въ болѣрѣнѣ странѣ, забирается въ глуха лѣсовъ и стоитъ тамъ неподвижно, какъ бездѣмъ ханій — даже снегъ испаряется! Вместо него чѣмъ двухъ-мѣсячного дни начинаются, съ 22-го Ноября, 38° по суточная ночь, которая однажды отъ сильной рефракціи и снѣжилаго снѣга, а разно и отъ частыхъ съверныхъ снѣговъ, бываетъ довольно едоски. Декабрь 28-го покрывается подъ горизонтомъ блѣднаго утренняла зара, которая и въ полдень не въ сорокаго покраинѣ звездъ. Съ восвѣщеніемъ солнца, холода становится чувствительнее, и бывавшіе въ Февралѣ и Марте утренние морозы отличаются особеннюю прохладительностью. Совершенно ясные дни зимою бываютъ здѣсь не часто, либо дующіе съ моря вѣтры вносятъ пары и мглу, которые иногда такъ густы, что совсѣмъ закрываютъ звезды. Такую гу-

стую илу называют здесь лоромаки. Всего болѣе ясныхъ дней въ Сентябрь.

Замечательное здесь явленіе природы есть, что восточный югъ ширина тонкаго стекла, QSO, или прозрачныи 80твѣй вѣтеръ, который иногда, при ясной погодѣ, измѣняетъ дуть вѣтрами, и среди жары стечайшей зимы, въ короткое время переноситъ температуру изъ 35° первоза на 1½° тепла, тѣмъ, что льдины, занявшии здесь стекла въ окнахъ, залетѣ. Въ долинѣ Анюйской теплый вѣтеръ дуетъ часто, а изъ западу отъ Чукотскаго мыса (ты W отъ устья Колымы) чудесное дѣйствіе его прекращается. Вѣтеръ сей продолжается обыкновенно не болѣе сутокъ.

Хотя по всему вышесказанному, здѣшній климатъ можно почитать самыи суровыи и неблагопріятныи, но должно согласиться, что вообще онъ не вреденъ для здоровья. Здѣсь не бываетъ ни цынготной, ни другихъ опасныхъ прилипчивыхъ болѣзней; простудная лихорадка и особенно глазная болѣдь случаются обыкновенно только въ Октябрѣ, въ продолженіе густыхъ тумановъ, и въ Декабрѣ, когда наступаютъ сильные морозы. Оказывающееся тогда воспаленіе глазъ отчасти слѣдствіе отраженія свѣта на необозримыхъ

* Любострастная болѣзнь, къ сожалѣнію, въ северо-восточной Сибири, и особенно по берегамъ обѣихъ Амуръ, производящая весьма гибельные опустошенія, хотя и есть създѣствіе, но столько климата, сколько совершененнаго недостатка съѣжихъ счастливыхъ припасовъ, но тамъ не менѣе смирующею въ высшей степени и длится смертельную.

столкнувшисьъ разинуть, столь сминало, что идубно завысывать глаза, дабы не ослепнуть. Такъ называемое «кошатрие», и которое часто оказывается между обитателами западныхъ лежащихъ странъ, бываетъ; здесь, въ сѣверной Колымѣ, гораздо рѣже и не такъ опасно. Распространенное изъ 1821-го года по всей сѣверной Сибири между собаками по-вѣтру наводилось въ Колымскѣ почти годъ и раже, нежели у западныхъ рекъ и вдоль береговъ Чукот-скаго. Замечательна еще, случалася здѣсь, какъ и вообще въ сѣверной Сибири, страшная болезнь, называемая «мирка», которая не мнѣю живѣлъ проходить отъ того, что духъ одной, хотя давно умершейъ, но все еще страшной чародѣйки, Аграфены Жиганской, вселяется въ большихъ и всячески ихъ мучить. Мнѣ кажется, мирка есть ни что иное, какъ истерика въ сильнейшей степени, ибо сею болѣзнию страждеть по большей части женскій полъ.

Скудная растительность соответствуетъ печальному климату. Особенно въ семь отношеніи бѣдна окрестность Нижне-Колымска. Низкое болото, на поверхности котораго тонкій, никогда совершенно нерастающій слой растительной земли, изъ перегнившей травы и листьевъ, съ примѣсью частицъ льда, едва можетъ питать какое нибудь уродливое лиственничное деревцо; корни его, не-допускаемые вѣчными льдомъ въ глубину земли,

* Докторъ Кіберъ имѣлъ случай давать замѣчательные опыты какъ надъ миркомъ, такъ и надъ другою, существующею въ Сибири, ужасною болѣзнию, которую онъ принялъ за Elephantiasis. Выводы его опытовъ помѣщены ниже.

Бершего лесами, сквозь обнаженные горы холмовъ. У береговъ стволы гейки и юсух растут наряду съ медвѣдистымъ ираномъ, а на равнинахъ возвышаются крѣстяные трада, въ которыхъ, въблизи, могутъ досмотрѣть въ землю пасыньяко цинадеца и кары, погому, и чиря приручаемыхъ съ южной стороны превосходныхъ проявленій, подсекаютъ. Чуть боязь приближения сюда морю, да и, также, душа малорослыхъ деревьевъ шугариды, которые изменили пурпуро-берега. Комычъ, около 35 верстъ съ севера, Нижне-Комычка, имеетъ кое-какія захороненія. На правомъ берегу лежатъ простираясь въдоль земного дамба, изъ камня. Вербки, съ белой перью, на сухой и глинистой почве, благоприятствующей размноженію, растутъ въдоль и съмѣшиваются съ большими, разнообразными, нежелательными сорвами, на мертвый, сѣдой, и блеклой почвѣ. На равнинахъ, покрытыхъ коричнево-травянистыми, покладотами, пихтицы, и, въ особенности, пальмы, также, плоды ихъ плаваютъ. Четыре любопытства, если только можетъ, здесь существовать, любить находить сантиментальную незабудку на берегахъ ручейковъ. Мѣлкая смородина, голубица, брусника, морошка, клюква и шишка, цвѣтутъ здесь, а въ благоприятное время даютъ и плоды. Но есть огородныхъ овощахъ нельзя и думать; никто не рѣшился разводить ихъ, ибо наѣрное можно предполагать, что здесь ничто подобное не примѣтится. Въ Среднѣ-Комычскѣ, лежащемъ въ 2° южнѣ, видѣть я одинакожъ рѣдьку, а также и капусту безъ вилковъ.

— Финляндия дождь, снегопады, ветер
и сильные холода при ветре, густые берёзы, вишни,
яблони, ягоды и ягоды ягоды! Но сама природа
стала сильнее, избыточной силой и красотой
изобразила себя перед глазами писателя Николая. Но
и это еще не все, имеется, что разве та же природа для
того, чтобы подать чистый воздух землей образом
весь новый мир, на который не могут не навод
впечатление живые существа.

О складности, чистоте и красоте природы
привнесенной природой, предательство природы
такой привлекательности, богатства и изобилия
природы. Охота в бескрайних степях, лесах
(богаты), черных и бурых медведей, ласкающих
бело-белых медведей, каверн и лесов, лесов
и горных речек, но не имеющих струи, огромных
стадах лебедей; Красота и узоры, привнесенные
природой гудящим лесом, беззасланного от при-
роды леса, чтобы вымыть землю и
занести дым; борьба, синева и чайки пресмы-
каются свою добчуку у берегов морскому бальзаму

и природой придают всему природе атмосферу.
Я не могу возможности удостовериться, даже глубоко отъ
погружаясь в воду, что поверхность земли замерзает, или сплавляется со льдом. На
растительной подстилке есть леса, в которых нарочно делают
свирепые и опасные волны, синевы, мрачности, горячие
и морозы, тоже самое случалось и по большинству болотных озер.
В Нижне-Кольмском, на глубинах 4½ саж., находились я мерз-
лую землю. На возвышенностях встречались и часто растения
живые деревья, ельшины, сосновки, ит. глубина; никакой сорь
всякого содержания, из сруба бересклета, ит. зернистый (Рыб.) Дальн-
ская, на дне лесы, высокий в 45 саж. глубины, в надежде
найти воду и иметь колодезь, температура земли была еще
ниже точки замерзания по Реною.

куюющим сидитъ берегъ озера, художникомъ, итальянскимъ художникомъ, заботыкою переселенцами, не боятьсяъ берега. Вблизи кромѣ ходятъ разныя птицы: вороны, и когда охотники вернутся домой, синицы находятъ птичий заброшенъ, а со временемъ измѣняютъ маленькихъ деревеньки, и приходятъ на озеро. Но при такой разнообразной деятельности, однажды взглядъ на ужасную пустыню неизменно воследъ падаетъ на ужасную пустыню извѣтноя граница обитаемаго света! Присущая животныхъ страсти должна, въ кону: законы природы, единственное же существенное различие между живыми и неживыми обитателями единой пустыни. Но какъ очутился здесь человекъ? Что могло заставить его сюда, въ могилу природы? Говорю не о членъ числѣ Русскихъ, которыхъ, въ наше время, изъчествительную прибыль рѣшились привести сюда на нѣсколько времени, но о тѣхъ народахъ, которые, безъ такого побуждения, здѣсь досетъ, живиши въ селеніи и въ деревняхъ. Въ долинѣ Кокшайскихъ народы умеренного климата перекладывали изъ одной промежесной страны въ другую, подвластному, перекрестокъ поколѣній, удалютъ столь далеко отъ своей родины, что даже хотѣли

По наблюденіямъ доктора Кибера, засываютъ здѣсь только большие куропатки (*tetrao lagopus*), обыкновенная ворона (*corvus corone*), и белый фазанъ (*phasianus nivalis*), большая кирпичная птица. Въ началѣ Апрѣля появляются: поддорожникъ, пурпурка (*cypripedium nivalis*), трясогузка (*motacilla calliope*); потомъ морской птичушекъ (*tringa pugnax*), пиголица (*tringa vanellus*), барашекъ (*scolopax gallinago*) и утка чернозобый (*charadrius hiaticula*); наконецъ въ Май лебеди, четыре породы гусей и одиннадцать породъ утокъ.

для меня чудесен; предвосхищая об изучении
чизау. Но здесь, куды ни что не заинтригует
надежды на будущее, гдѣ однѣ лишь беспомощ-
ные, сияромы и льдомъ покрытые курганы, отри-
чицаютъ мрачный горизонтъ, гдѣ подъ земро-
дымъ покровомъ вечной земли засребенные при-
рода, не можетъ почти ничего представить челове-
ку, и гдѣ жизнь есть лишь горестное борение
сознаніи ужасами холода и гомода, ть недости-
жимъ первобыты, саваны обыкновенныхъ потребнос-
тей и наслаждений, что могло побудить человека
оставить свое прежнее, въпротивъ, пребываніе
жизни, и поселиться въ сей ужасной могилѣ
природы, которая заключаетъ въ себѣ только кое-
сти уже давно неподсуществующихъ, первобытныхъ
животныхъ? Наприсно будемъ мы искать разре-
шения нашему вопросу: никакой памятникъ, или
какое преданіе не говорятъ, о томъ, что было
до прежде. Даже изъ недавней еще эпохи под-
коренія Сибири Русскимъ неизвестноничега, да
стопыриаго въ тогдайникъ обитаведякъ таджикской
страны. Одно лишь темное преданіе сохранилось
въ народѣ, что «на берегахъ Кольмы было прежде
стенъ у Омоковъ болѣе, нежели звездъ на но-
номъ небѣ.» Дѣйствительно, видны еще въ иныхъ
местахъ остатки укрѣпленій изъ томстыхъ бреденъ
и следы огромныхъ могильныхъ кургановъ (въ
особенности у рѣки Индигирки); то и другое при-
надлежало, какъ полагаютъ, сильному и много-
численному поколѣнію Омоковъ, которое нынѣ
вовсе исчезло.

Судя по численности спасенной историками станицы, кажется, что Омоги не были истреблены народом, и имели последнюю бедность по боян регались верховны рѣки, плавали зверолюбством и разбили краину врага. Другое многочисленное племя это, называемое Чумса, коневадо, съ огромными «стадами» коней, на добоворной тундрѣ, чрезъ которую про текаетъ. Кольма при северѣ ищетъ верю, отъ чего и доселе существуютъ «въ себѣ стране» възвания речекъ, именованные Малая и Большая Чукчыл. Омоги сдѣлались зверолюбно, жертвы вели привыкъ и болѣзней, а Чукчы, или Чуки, начали переселяться частію южѣ, даже на северу, где шаманы обитаютъ, частію ссыпались съ другими поколѣніями, которыя также имѣютъ сдѣль пребываніе, щен заходить сколько временно и составляютъ вышепомянутое смущенное населеніе здѣшней страны.

Въ всенѣ Конинскомъ округѣ состоятъ сихъ яко Русская престольни, машианъ и казаковъ 325, Якутовъ 1,034; Юмагирова и другихъ поколѣній 1,139, вообще 2,498 человѣкъ мужскаго пола изъ коихъ 2,173 обложены доказомъ. Они платятъ ясака, или податей, 803 рублей и 28 собою дей, которые по среднимъ цианамъ можно подсчитать въ 6,704 руб., и сверхъ того деньгами 10,847 р., также, что на каждую душу мужскаго пола Якутовъ и другихъ поколѣній, въ сложности, платить около 8 р. 8 коп. Большая часть престольни и машианъ происходить отъ ссыльныхъ, а казаки суть потомки тѣхъ, которые по разореніи Анадырскаго острога Чукчами переселились, спаса-

До 1812 года казаки считались въ действительной службе, и получали отъ Правительства преміантъ, который однакожъ обязаны были сами перевозить на судахъ сѣверовъ Кольмы. При свойственной администрации породу беззаботливости о будущемъ, обездоленные жители селились среди заселенныхъ годами для засирныхъ и рыбакихъ промысловъ, казаки ограждали сіко, изъ самыю трудную для нихъ перевозку, такъ, что казакъ, въ 1812 году, Правительство вовсе прекратило продовольствие ихъ превантажомъ. Нынѣ, когда нѣколько уже лѣтъ рыбные и засирные промыслы скучны, то гостепримъ всесобій въ администрации краю недостатокъ, казаки должны очень раскладываться, что собственою бѣзлечностью оставили себѣ благодатной подпоры Правительства. Исключая шестнадцать, которые состояли въ действительной службѣ для содержания караула и исполнения всякихъ приказаний, прочие казаки составляютъ особую станицу, подъ дикоюредованною командою сотника, подчиненнаго частному Исправнику въ Среднѣ-Кольмскѣ. Казаки не платятъ никакихъ податей, но вычето того обязаны, по первому востребованію, явиться на службу, имъ при себѣ сабли и ружья. Главнѣйшую изъ службъ составляетъ походъ къ краю пости Острогой, куда отправляются ежегодно отъ 25-ти до 30 человѣкъ, для обходенія порядка на Чукотской ярмаркѣ, и для защиты, въ нужномъ случаѣ, Русскихъ и другихъ промышленниковъ противъ Чукчей.

Хотя обитающие здесь собственно Русские, через съмщеніе съ Юкагирами и Аянскими Якутами заимствовали отъ нихъ многое въ бытѣ, образѣ жизни, и даже въ чертахъ лица, но все еще отличаются весьма заметно пріятельствомъ своихъ съмженіемъ. Они вообще ростомъ выше, глязъ бывше, и у многихъ сивторусые волосы, чего не встрѣчалъ я у предродника энтелей. Русскія женщины, не смотря на трудныя работы, ими исправляемыя, и неопрятность, въ какой живутъ, съ чертами лица пріятѣль и пріятельнѣе, нежели у настоящихъ Юкагирокъ, Тунгусокъ и Якутокъ, и многіи изъ нихъ могутъ почесться красавицами. Они не чужды супружеской нѣжности, и пріятно видѣть радость жены, или матери при возвращеніи отца семейства, или сына, съ опасного промысла, или же дальней поездки. Послѣ первыхъ привѣтствий и благодарственной молитвы, выставляется на столь все, что есть лучшаго въ защась, и потомъ возвратившійся долженъ расказатъ, какіе преодолѣль эти труды, какихъ избѣжалъ опасностей, и т. д. Съ искреннимъ участіемъ, все семейство слушаетъ разказчика, который старается скрыть малѣйшее обстоятельство, могущее дать незыгодное предѣтіе объ его твердости духа, рѣшительности или смѣшлености, а нал, что въ противномъ случаѣ онъ потеряетъ доброе о себѣ мненіе.

Многія изъ женщинъ одарены способностью снагать пласти, заключающія въ себѣ бомъщую частію жалобы на разлуку съ любезными. Въ такихъ

фесніхъ замѣчательно военноманнѣе о прошедшемъ временіи; главный роли въ нихъ играютъ голубки, соловей, цветы, и многие другие предметы, которыхъ не найдете и за тысячу верстъ отсюда, и о которыхъ навѣдѣа знать только по слухамъ. Вотъ два образца:

Слово на соловья въ 1. *Листъ къ Еленѣ*
— Напишу я письма, не переть же червяць, —
Напишу письмо деревней садомъ,
Отошлю я письмо съ сизокрыльевыми голубками.

Полѣти ты, сизокрыльникъ, во славный городъ въ Якутскъ,
Обройти письмо подъ косынѣтое подъ оконечко, и пройти

2. *Листъ къ Еленѣ* — Ты сяди, сироманка,

Ты скажи мне, черногорянъко,
Гдѣ морскихъ ты повстрѣчалъ? —

Повстрѣчалъ я ихъ на долгихъ на пассахъ,

На морскихъ на бѣлыхъ торесахъ, въ вѣтру, въ вѣтру,

И ледой, острова уединя тутъ смыли, и пр.

Пролети ты, содородникъ, во сине море.
И скажи моему ты малому,

Что подруженька его горько плачетъ, и пр.

Мужчины изъ здѣшнихъ Русскихъ поютъ также довольно пріятно; пѣсни ихъ называются *академицами*. Въ продолженіе длинной зимней ночи, «соседи» собираются въ кружокъ, поютъ, пляшутъ и забавляются разными играми. Однимъ словомъ, между здѣшними Русскими видны еще нѣкоторая веселость и наслажденіе жизнью, чего, къ сожалѣнію, не замѣтно у природныхъ жителей, исключая тѣхъ, которые обращались въ обществѣ Русскихъ; но и тѣ не умѣютъ вполнѣ изъявлять своей веселости! Однако жъ такое, и ино-

тъ другія, свойственные Русскому характеру: противущество, пытается и нынѣ, и всегда оно хотѣть описать искусство, проворное и счастливое, промышленника; то говорить: «Онъ ясновидецъ Вудийский»: Дави азышилъ Руския, несмотря на суровый климатъ, рано приходить въ возрастъ, и мальчики показываютъ особенное остроуміе и необыкновенность: въ начальной школѣ, учатся и писать въ отношеніи живицъ, Рускіе мало различаются, есть природныхъ живицей. Расступліе здѣсь, и естественный деревья, очень тонки, и потому для постройки хижинъ подобно мозаикѣ, изъ весеній сѣнія мора, при расщеплѣніи разлѣти, рѣки. Часто проходить и скользитъ, пока наберется потребное количество бревенъ. Стены выводятся по обыкновенному образцу. Русские хеби, промеж знутка между бревенъ, затыкаются, мозаика замѣтна до конца, въ нижней части стоятъ снаружи, да хеби, замѣтна земля, для предохраненія отъ холода. Хижина лѣтать обыкновенно отъ двухъ до трехъ сажени въ квадратѣ, и $1\frac{1}{4}$ сажени выше, и на плоскую крышу, насыпается земля. Внутріе, устройство бываетъ, сдѣланное; въ углу стоятъ Якутскій чугунъ, ролъ камина, сдѣланъ шагомъ изъ глины, прудьевъ, и обмазанный землю, снаружи глиною. Трубу замѣняетъ сдѣланное, въ хрынѣ отвердѣє. Съ некотораго времени стали, очакожъ, устраивать настоящія Русскія, печи, изъ битой глины, и проводить трубы сквозь кровлю. Смотря по пространству, хижины, и, по потребности, ходища, ставятся одна, или две, никакія

перегородки, для отдышина сказали, остальная часть хижинны включаетъ въ себѣ кухни, рабочие труп и гостиную, обставленную диковинными скамьями; которые покрываются оленевыми кожами. Но столовы раздѣляются разную изыщною утвары, ружьи, стрелы, дуки, т.г. и. Для окна, въ квадратный футъ, а иногда и мене, въ китайские шали бы хижину, еслибы въ нихъ вставлена были стекла, то замѣняющіе иконы изъ рыбьихъ чешуекъ (обыкновенно изъ яланы), а въ проѣздахъ, то шести лопастей топчины, а для только промежутка въ двери складиной съѣть. Съ южной стороны дома пристроены подъ стѣнами, изъ которыхъ прикрыты лабиринтъ, складиной изъ тонкаго брезента. Въ северныхъ обывателько дѣлаются очаги. Всѣ дому расположены окнами на югу. Какъ во всѣхъ домахъ, такъ и въ краинахъ, устроены баникоты, въ которыхъ дикие сущности рыбы, а у лабиринта стоятъ конуры, тѣльце времи жестокихъ морозовъ, покрытаго сбоями, прилегающими толмади обыкновенные боянки изъ редкихъ деревьевъ, быть приложены къ дикому рогату и заряжаются въ снегъ. Заборы почти никогда не бываютъ. Такъ «вѣбѣ» строятъ здѣсь дома, безъ всякихъ правилъ, по произволу хозяина! До бани жители небольшіе охотники, и во всемъ Нижнемъ Колымскѣ нашли мы одну общественную башню, и та была въ самомъ неисправномъ состояніи.

Овратность въ жилищахъ и одежда можно видѣть только у богатыхъ, жены которыхъ носятъ рубахи изъ бумажной материи и волста. Одни повсѣнныя рубахи (парки) пытаетъ изъ каштановъ

оленыхъ шкуръ, спереди открытыя, и надѣваются шерстью внутрь; наружная сторона выкрашена ольховою корою въ красный цветъ, и опушена по низу и рукавамъ тонкими бобровыми ремнями, или кожею рѣчной выдры, которая покупается довольно дорого у Чукчей. Изъ оленей шкуры шьютъ и нижнее платье. Сверхъ рубахи надѣваются камлею, изъ ровдуги, которая отъ дыма становится желтою. Камлея закрыта спереди и сзади; къ ней пришить капишонъ, накидываемый на голову, при выходѣ изъ двора. Зажиточные люди носятъ дома китайчатыя камлеи. На ноги надѣваются родъ башмаковъ (*каличики* и *аларчики*), изъ темной юфти, или чернаго сафьяна, которые пришиваются къ голенищамъ, сдѣланымъ изъ жесткой оленей кожи, и вышиваются разноцвѣтными шелками, даже золотомъ. Два длинные ремня, прикрепленные къ каблуку, обхватываютъ ногу крестообразно. Мѣховая шапка, острая къ верху, такъ широка и высока, что можетъ покрывать лобъ и щеки; кроме того, для щегольства и большаго тепла, надѣваются налобники, наушники, наносники и набородники; особенно налобникъ вышивается разноцвѣтными шелками и золотомъ. При входѣ въ комнату шапка снимается, а налобникъ остается нѣсколько времени, какъ будто на показъ.

Во время поѣздокъ, сверхъ всего платья, накидывается еще кухлянка, широкая, изъ двойнаго мѣха сшитая камлейка, съ капишономъ; къ рукавамъ придѣланы большія рукавицы, у которыхъ

подъ низомъ разрѣзъ, чтобы иногда, въ случаѣ надобности, можно было просунуть руку и опять тотчасъ спрятать ее отъ холода. Вместо домашнихъ сапоговъ надѣваются получулки или чоски, изъ кожи молодаго оленя (*чижи*), а сверху торбосы, или теплые сапоги. Въ такой одеждѣ можно долго выносить самый сильный морозъ. На кушакѣ висятъ большой ножъ, маленькая гамза (мѣдная, или оловянная трубка), съ короткимъ, вдоль разрѣзаннымъ и ремнями связаннымъ чубукомъ, и кошель, гдѣ лежать огниво и табакъ, изъ экономіи смѣшанный съ мѣлко-натѣскобленнымъ, лиственичнымъ деревомъ. Здѣшніе Рускіе курята подобно всѣмъ сѣвернымъ Азіатскимъ народамъ: вбираютъ въ себя дымъ и выпускаютъ потомъ изъ носа, отъ чего приходять въ безпамятство, которое бываетъ иногда такъ сильно, что они, сидя передъ чуваломъ, безъ чувствъ падаютъ въ огонь. Впрочемъ, много рассказываютъ они о пріятностяхъ такого опьянняющаго куренія, и утверждаютъ, что оно весьма согреваетъ въ большіе морозы.

Одежда женщинъ разнится отъ мужской преимущественно тѣмъ, что состоять изъ легчайшей кожи, а у богатыхъ изъ какой нибудь бумажной, или шелковой матеріи, съ лежачимъ воротникомъ изъ собольихъ, или куницыхъ хвостовъ; бѣдныя довольствуются олеными выворотками. Замужнія женщины новязываютъ обыкновенно голову бумажнымъ, или шелковымъ платкомъ; иногда надѣваютъ и калпаки, подъ которые, по

Русскому обычаю, подбираютъ волосы; незанужнія заплетаютъ ихъ въ длиннія косы, и сверхъ того, когда въ нарядѣ, носить позазки на лбу. Праздничное платье очень похоже на то, какое яти за 50. вошли наши кунчики; чѣмъ цветастѣе и пестрѣе шелковая матерія, и чѣмъ блестящѣе длиннѣе серги, тѣмъ красивѣе почитается наряды. Кунчики, прѣзжающіе на ярмарки, употребляются пользоваться, сбывая на берегахъ Колымы, за доровую цѣну, такія платья, который даже въ Якутскѣ вышли изъ моды.

Желая иметь понятіе объ образѣ жизни прибрежныхъ Колымчанъ, надобно вѣсомъ времени прожить съ ними: слѣдоватъ за ними изъ зимнихъ изѣбъ въ лѣтніе балаганы; плавать съ ними въ корбасѣ, или въ вѣткѣ, по быстрымъ рекамъ; взбираться верхомъ, или пѣшкомъ, на скалы, проекладывать дорогу черезъ густой лѣсъ; въ яростные морозы и матерь носиться на легкой нартѣ, запряженной борзыми собаками, то безконечной тундрѣ; оловомъ, надобно имъ вѣчѣ не отставать отъ нихъ. Такова была жизнь наша, въ продолженіе почти трехъ лѣтъаго пребыванія здѣсь; мы жили въ ихъ обществѣ, одѣвались такъ же, какъ они, питались ими въленюю рыбой и раздѣляли съ ними всѣ неудобства здѣшнаго климата; при крайнемъ недостаткѣ потребностяхъ всякаго рода, что все даетъ мнѣ возможность представить вѣриное изображеніе жизни въ Нижне-Колымске, а за исключеніемъ немногихъ

мѣстныхъ обстоятельствъ, она одинакова по всемъ берегамъ Колымы.

Начнемъ съ весны. Рыбная ловля, какъ я уже замѣтилъ, важнѣйшая отрасль здѣшней промышленности; все существование обитателя зависитъ отъ нея. Но, мы увидимъ въ послѣдствіи, что Нижне-Колымскій острогъ стоитъ на самомъ не-выгодномъ мѣстѣ для рыбнаго промысла, и потому жители должны отправляться въ другія мѣста за пищею. Лишь только наступить весна, они оставляютъ жилища, и вдоль береговъ рѣки отыскиваютъ мѣсто, гдѣ, съ большою поспѣшностью, устраиваютъ балаганъ и приготовляютъ все не-обходимое для рыбной ловли. Многіе изъ Нижне-Колымскихъ мѣщанъ имѣютъ въ окрестностяхъ при устьяхъ рѣчекъ (виски) маленькия дачи, куда разъезжаются еще въ Апрѣль, чтобы все благовременно устроить, и въ половинѣ Мая, когда купцы, возвратясь съ ярмарки, бывающей въ Островной, на Маломъ Аниѣ, собираются обратно въ Якутскъ, всѣ мѣстные жители спѣшатъ на свои лѣтovья, и въ острогѣ остаются только казацкій сотникъ, съ двумя караульными въ канцеляріи, священникъ съ причтомъ, и нѣсколько голодныхъ семействъ, которымъ не въ состояніи следовать на общій промыселъ.

На Колымѣ весна самое тяжелое для жителей время года: сѣстные припасы, заготовленные лѣтомъ и осенью, всѣ исходить въ продолженіе зимы; рыба, укрывшася отъ жестокой стужи на днѣ рѣкъ и озеръ, не показывается еще

въ водѣ; собаки, изнуренные зимнею работою и недостаткомъ корма, не могутъ уже больше служить для того, чтобы пользоваться послѣднимъ весеннимъ благодѣніемъ природы, такъ называемымъ настомъ *, гиаться на нихъ за оленями и сохатыми; куропатки, наловленные кой гдѣ силками, доставляютъ весьма незначительное пособіе; однимъ словомъ—угрожаетъ ужасный голодъ. Въ то время Тунгусы и Юкагиры толмачами переходятъ съ тундры и съ Аниоя въ Русскія селенія на Колымѣ, искать спасенія отъ голодной смерти. Блѣдные, безсильные бродятъ они, какъ тѣни, и бросаются съ жадностью на трупы убитыхъ или павшихъ оленей, кости, шкуру, ремни, на все, что только можетъ сколько нибудь служить къ утоленію мучительной потребности въ пищѣ. Но и здѣсь видѣть они мало отрады: и здѣсь свирѣпствуетъ голодъ, такъ, что самые жители принуждены довольствоваться скучными остатками отъ заготовленного собакамъ корма. Многія собаки падаютъ истощенные голодомъ.

* Когда отъ теплоты весеннихъ лучей солнца тающій на поверхности снѣга опять замерзаетъ ночью, то образуется тонкая ледяная кора, которая столь тверда, что можетъ поддерживать легкую нарту, запряженную собаками. Она называется настомъ, и способствуетъ преслѣдованию оленей и сохатыхъ, которые по тяжести своей проламывались сквозь ледь, попадаютъ въ руки охотника. Прочность наста зависитъ отъ того, больше или менѣе открыто мѣстоположеніе, и подъ нѣкоторыемъ твердый или рыхлый снѣгъ. Впрочемъ, настъ образуется не каждый годъ; во все пребываніе паше мы не видали его въ окрестностяхъ Нижне-Колымска.

Хотя изъ казенного запасного магазина можно покупать затѣмъ ржаную муку, и братъ даже въ долгъ до осени или зимы, но немногіе есть состояніе платить по 20 рубл. за пудъ. Такъ дорого продается мука отъ того, что провозъ ея изъ дальнѣйшѣй мѣстности сопряженъ съ болѣшимъ затрудненіемъ, и нерѣдко продолжается около двухъ латъ. Въ бытность нашу въ Средне-Колымске, томошнему Комиссару надлежало сдѣлать съѣзду: какое количество муки нужно для обезпечения народа на все время весенн资料го голода? Онъ потребовалъ о томъ свѣдѣнія отъ казенскаго солдата, подъ особеннымъ надзоромъ котораго находятся Тунгусы и Юкагиры, и получилъ въ отвѣтѣ: «Не могу сказать определительно, но увѣрился, что многие согласятся лучше умереть съ голода, нежели платить по два рубля за каждый день горестной жизни!»

Три такія ужасныя весны прожилъ я здѣсь, и теперь еще съ содроганіемъ представляю себѣ плачевную картину голода и пищеты, которой, хотя былъ свидѣтелемъ, описать не въ силахъ.

Но когда бѣдствіе достигаетъ высшей степени, Пронидѣніе посыпаетъ обыкновенно и помощь: внезапно прилетаютъ изъ южныхъ странъ большая стада лебедей, гусей, утокъ, куликовъ и другихъ птицъ. Они предвѣдываютъ конецъ всеобщему бѣдствію. Старый и малый, мужчины и женщины, кто только въ состояніи держать въ рукахъ ружье или лукъ, всѣ спѣшатъ убивать изъ перв-

натахъ гостей что могутъ. Въ разставленныя подъ льдомъ сѣти уже попадается и рыба. Такимъ образомъ ужасное время голода проходитъ. Но все еще нѣтъ изобилия въ пищѣ; кажется, будто природа, подобно искусному врачу, съ умѣренностью подкрепляетъ истощенныхъ. Наконецъ, въ Іюнѣ вскрывается рѣка, приплываетъ множество рыбы, и всякий спѣшитъ запасаться на будущій годъ. Но въ то время случается иногда новое бѣдствіе: рѣка не въ состояніи довольно скоро избавиться отъ несущихся по ней ужасныхъ громадъ льда, которыя, спираясь въ узкихъ мѣстахъ, образуютъ родъ плотинъ и останавливаютъ теченіе воды; она выступаетъ изъ береговъ, затопляетъ луга и селенія. Если жители не успѣютъ отогнать лошадей своихъ на высокое мѣсто, то лишаются ихъ навсегда. Лѣтомъ 1822 года было при пась наводненіе въ Нижне-Колымскѣ, распространившееся столь внезапно, что мы едва имѣли время, съ некоторыми вещами, взобраться на плоскія крыши, и должны были просидѣть тамъ болѣе недѣли. Вода быстро неслась между домами; къ сѣверу лежащее озеро соединилось съ рѣкою, и весь острогъ походилъ на архипелагъ маленькихъ острововъ, потому, что однѣ только кровли не были покрыты водою. Жители перебѣжали другъ къ другу на карбасахъ и вѣткахъ, и сидя на крылахъ закидывали сѣти и ловили рыбу.

Наводненія бывають, въ большей или меньшей степени, но ежегодно. Лишь только вода сѣ-

жить, начинается ловля неводами. * Весною рыба плывет вниз по течению реки; въ иныхъ местахъ ходъ ея продолжается нѣсколько дней, а въ другихъ, какъ то, близь Походска и въ Чукотскомъ протокѣ, поплавная рыба ловится цѣлое лѣто, но только количество ея постепенно уменьшается. Преимущественно попадаются стерляди, нельма, муксуны, и такъ называемые чиры. Вся рыба обыкновенно бываетъ очень тоща, и потому большою частію приготавливаютъ ее для корма собакамъ, въ видѣ юхолы, т. е. распластываютъ, потрошатъ и сушатъ на воздухѣ. Изъ внутренности вывариваются жиръ, который употребляется въ пищу и на освѣщеніе избъ въ зимнія ночи.

Свѣжіе морскіе вѣтры, приводящіе реку въ

* Къ востоку отъ Лены Колымы особенно изобилуетъ рыбью, почему берега ея населены болѣе, нежели берега Яны, Индигирки и Алазеи. Дабы имѣть нѣкоторое понятіе о чрезвычайномъ расходѣ рыбы, составляющей главныйшию пищу здѣшнихъ жителей и собакъ ихъ, надобно знать, что на годовое содержаніе ста семейств, живущихъ въ окрестностяхъ Нижне-Колымска, потребно не менѣе трехъ миллионовъ сельдей. Но какъ и въ хороший годъ Колымка даетъ около миллиона сельдей, то осталльное количество замѣняется другою рыбью, которой нужно, по крайней мѣрѣ, до 200,000 штукъ. Впрочемъ, по числу наловленной рыбы нельзѣ дѣлать вѣрнаго заключенія объ изобилии ея въ рекѣ, ибо успѣхъ промысла много зависитъ отъ обстоятельствъ. За нѣсколько лѣтъ до прибытія нашего на Колыму, случилось, что въ началѣ обыкновенного осеннаго хода муксуновъ устье Омолона замерзло, такъ, что прибрежные жители могли перегородить реку поперекъ мережами и наловили въ три дня 80,000 крупныхъ муксуновъ, чего въ обыкновенные годы не доставить промыселъ цѣлаго лѣта.

сильное волнение, часто препятствуютъ закидыванью неводовъ, именно въ то время, когда ходъ рыбы бываетъ обильнѣе. Къ тому присоединяется несовершенство здѣшнихъ неводовъ, дѣлаемыхъ изъ конскихъ волосовъ, и то, что жители не умѣютъ, или боятся кидать невода посрединѣ рѣки, гдѣ рыба всегда крупнѣе и въ большемъ количествѣ. Они ограничиваются ловомъ въ вискахъ и побочныхъ рѣчкахъ Колымы, которая, какъ выше сказано, весною сильно разливается и нагоняетъ множество рыбы въ маленькихъ рѣчкахъ и соединяющіяся съ ними озера, откуда она, когда главная рѣка возвратится въ берега свои, идетъ на прежнее мѣсто и ловится мережами, или мордами, сплетенными изъ ивовыхъ прутьевъ. Сей промыселъ съ большою дѣятельностью начинается тогда, какъ кончится весенній ловъ неводами, или неводьба, по названию Сибиряковъ. Всѣ жители, или хоть по одному изъ каждой семьи, перебираются на виски. При ловѣ неводами наблюдается очередь въ закидываніи ихъ, и добытая каждый разъ рыба принадлежитъ хозяину невода; на вискахъ же дѣлять рыбу въ каждый высмотрѣ * на равные паи, между хозяевами погружаемыхъ мережей.

Послѣднимъ способомъ ловится всего болѣе жирныхъ чировъ, составляющихъ любимую пищу жителей, такъ называемую, пѣдомную юколу. Она отличается отъ вышеупомянутой юхолы выборомъ лучшей рыбы и большимъ стараніемъ въ

* Такъ называется смотрѣ мережи, погруженнай въ виску.

приготовлениі. Распластавъ рыбу на двое, вынимаютъ изъ нея всѣ кости, мѣлко надрѣзываютъ мясо, чтобы оно сдѣлалось мягче, и сушатъ на воздухѣ. Иногда коптятъ и въ дыму, для предохраненія отъ порчи. * Верхняя часть мяса обыкновенно срѣзываются, сушится особо, толчется въ деревянной ступкѣ, и съ небольшою примѣсью жира сберегается на зиму въ флягахъ. Такимъ же образомъ отдѣляются потроха, составляющіе самыя жирныя части рыбы, сушатся и употребляются для лакомой начинки пироговъ, которые пекутся не изъ тѣста, а изъ толченыхъ мягкихъ частей свѣжей рыбы.

Когда височный промыселъ приходитъ къ концу, цоявляется опять въ рѣкѣ большая морская рыба, нельмы и стерляди, которыхъ ловятъ неводами и сѣтьми.

Въ продолженіе рыбныхъ промысловъ прилетаютъ къ морскому берегу лебеди, гуси и утки, линяютъ здѣсь, выютъ гнѣзда и высаживаются птенцовъ. Тогда некоторые изъ промышленниковъ отправляются вынимать яйца изъ гнѣздъ; настоящая ловля начинается въ то время, когда итицы, лишенные перьевъ, не могутъ летать. Тутъ охотники собираются во множествѣ къ гнѣзамъ, пугаютъ птицъ соба-

* Лучшая юкола приготавливается въ Походскѣ и Маломъ Чукочскомъ, где воздухъ холоднѣе и рыба теряетъ менѣе жири. Такомъ отличный родъ юколы называется хахта. Юкола, такъ же какъ и юкола, продается связками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ 50 штукъ крупной и 100 мѣлкой рыбы.

ками и загоняютъ въ озера, гдѣ на выткать
быть ихъ, чѣмъ попамо, изъ ружей, стрѣла-
ми, даже палками. Часть добычи коптится, а
остальная замераживается и зарывается въ снѣгъ,
для употребленія зимию. Впрочемъ, сей про-
мыселъ съ нѣкотораго времени весьма оскудѣлъ;
лько за 20-ть ехотники приносили домой въ
иные дни по нѣсколько тысячи гусей, а нынѣ
при устьѣ Колымы почитаются за счастіе, если
удается во все лѣто убить до 1000 гусей, до
5000 утокъ и сотни двѣ лебедей *, что проис-
ходитъ не отъ уменьшенія птицъ, иногда въ
чрезвычайномъ множествѣ разсѣянныхъ по го-
рамъ, тундрамъ и ироткамъ, но отъ того, что
жители заняты болѣе рыбными промыслами, тре-
бующими меньшихъ трудовъ и приносящими вѣ-
нѣйшую прибыль, и не успѣваютъ на ловлю
птицъ.

Кромѣ рыбы и птицы, добрые хозяева запасаютъ
также оленій мясомъ. Для того иные племя-
вутъ на карбасахъ по Анюю, къ лѣтней плави
оленей, а другіе отправляются на лошадяхъ въ
тундру, къ болѣшимъ озерамъ, загоняютъ оленій
приученныхъ собаками въ воду и убиваютъ
покологою. ** Промыселъ гораздо прибыльнѣе на

** Кажется, что перелетныя птицы никогда не вьютъ гнѣздъ два
года сряду въ одномъ мѣстѣ, но довольно правильно перемѣняютъ
своё пребываніе. Звѣриная ложа подвергается также нѣкоторой
правильной перемѣнѣ; здѣсь вообще полагаютъ, что песцы по-
являются во множествѣ только на третій годъ; соболи и зайцы
часто совсѣмъ исчезаютъ.

* Большой ножъ, насаженный на длинную рукоятку.

Анюв, нежели въ тундрѣ; ловкій охотникъ убьетъ на рѣкѣ, въ хороший годъ, до 100 оленей, а въ тундрѣ достанется каждому охотнику не болѣе 20, и даже иногда только по 5-ти оленей, но за то здѣсь они рослѣ и жирнѣе. *

Между тѣмъ, пока мужчины занимаются рыбными промыслами и охотою, женщины также пользуются короткимъ лѣтомъ, собирая на зиму произведенія растительного царства. Выше сказано уже, что частію растаявшая почва, особенно на горахъ, производить ягоды, душистые травы и коренья. Женщины знаютъ ихъ совершенно, и набираютъ столько, сколько дозволятъ болѣе или менѣе благопріятное лѣто. Однакожъ не вездѣ каждый годъ есть ягоды; въ трехъ-четиринацати пребываніе наше на Колымѣ не нашли мы ни одной ниже острога. Изобильнѣе растутъ ягоды, особенно голубица, на восточномъ берегу Колымы и на отлогости Пантелейевской сопки, куда ходятъ собирать ихъ въ половинѣ Августа—самое пріятное время года для девушки и молодыхъ женщинъ: онъ отправляются туда большими обществами, проводятъ часто цѣлые ночи подъ открытымъ небомъ, поютъ пѣсни, пляшутъ и веселятся различнымъ образомъ. Набранныя ягоды обливаютъ водою, замораживаютъ и сохраняютъ на зиму, какъ любимое лакомство.

Изъ растеній и кореньевъ полезны только тимьянъ,

* Сей замѣчательный промыселъ обстоятельно описанъ ниже, въ журнальчика Матюшкина, который имѣлъ случай двѣ-дѣлать надъ нимъ точныхъ наблюденій.

ль и макарша; первый употребляется преимущественно для куренья, а иногда и въ пищу. Макарша мучноватый корень, который кладутъ для приправы въ пироги съ рыбою и мясомъ, или подаютъ отдельно, вмѣсто десерта, передъ вечернимъ чаемъ; его находить въ подземныхъ норахъ полевыхъ мышей, собирающихъ на зиму большой запасъ всякихъ кореньевъ. Женщины имѣютъ особенный даръ отыскивать такія убѣжища и уносить у бѣдныхъ животныхъ плоды предусмотрительной ихъ заботливости.

Наступаетъ Сентябрь, и большой ходъ сельдей * съ моря заманиваетъ почти всѣхъ жителей на тони. Сельдь является такое множество, что въ благопріятные годы вытаскиваютъ въ одну тоню 3000 и болѣе, и въ три или четыре дня хорошимъ неводомъ добываютъ до 40,000. Нерѣдко случается, что послѣ трехъ-месячной неудачной ловли другой рыбы, бѣднымъ жителямъ угрожаетъ ужаснѣйшій голодъ, но вдругъ показываются въ рѣкахъ благодѣтельные сельди и цѣлые анбары наполняются ими. До наступленія морозовъ, наловленные сельди развѣшиваются, чтобы вытекла изъ нихъ вода; отъ того они дѣлаются легче въ дорогѣ и пригоднѣ для кор-

* Надобно замѣтить, что отъ Погромнаго до Нижне-Колымска, на разстояніи 3-хъ верстъ, ходъ сельдей продолжается три дня. Самые крупные ловятся въ Колымѣ, помальчи въ Алазѣ, а еще мальчи въ Индигиркѣ и Янѣ. По тому, кажется, можно заключить, что они имѣютъ направленіе отъ запада на востокъ.

ма собакамъ. Сельди, добываемыя во время морозъ, покрываются льдомъ, безвкусны, и на морозъ собаки ихъ съ трудомъ раскусываютъ.

Къ тому времени, когда идутъ сельди, возвращаются съ Аниоя и тундры промысленники, отправлявшіеся на ловлю оленей, а вмѣсть съ ними возвращается и новая жизнь въ страну, которая незадолго предъ тѣмъ была пуста и безлюдна. Съ робостью ожидаются извѣстія: чего должно надѣяться или страшиться для предстоящей зимы? Удачный промыселъ производить всеобщую радость, и долгое время составляетъ единственный предметъ разговоровъ, причемъ самыя незначительныя обстоятельства, каждое движение оленя, ловкость охотника, смышленность собаки, и т. д., рассказываютъ съ такою подробностью, какъ будто дѣло идетъ о разбитіи непріятельской арміи.

Съ наступлениемъ морозъ прекращается лѣтній промыселъ рыбы, и лишь только рѣки замерзнутъ, начинается осенний. Сѣти, сдѣланныя изъ конскихъ волосовъ, погружаются въ проруби поперегъ рѣки. Тогда ловятся преимущественно муксуны, омули (*salmo autumnalis*) и нельма (*salmo nelma*), пригожленые вѣтрали съ моря, близость коего въ особенности благопріятствуетъ сему промыслу. По Каменій Колымѣ, около Шалаурова зимовья, Кабачкова и Сухарнаго; и по Средней Колымѣ, у Каменнааго острова, ловля продолжается, съ перемѣннымъ успѣхомъ, до Декабря, когда темнота и сильные морозы застав-

ляютъ рыбаковъ прекращать работу и возвращаться въ селенія.

Такимъ образомъ, съ каждымъ временемъ года перемѣняются занятія Колымскихъ жителей, которымъ недостатокъ образованности, естественное положеніе и тяжкій климатъ не позволяютъ думать ни о чёмъ иномъ, кроме удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни. Вся ихъ смысленость, вся дѣятельность ограничивается тѣмъ, чтобы не пропускать благопріятнаго времени для каждого промысла, и когда иссякнетъ одинъ источникъ пропитанія, тотчасъ пользоваться другимъ, гдѣ только онъ откроется. Какъ мы видѣли, за промысломъ рыбы въ большихъ рѣкахъ слѣдуетъ ловля въ рѣчкахъ; потомъ идетъ крупная морская рыба, за нею сельди, и наконецъ рыба, которую ловятъ сѣтями подъ льдомъ.

Для птицъ также есть различные періоды: сначала линяютъ утки, потомъ гуси, наконецъ лебеди. Сверхъ того раздѣляются они здѣсь, по времени линия, на два класса: *дѣтниковъ* и *холостѣбу*. Первыми называются птенцы, которые не оставляютъ еще своихъ матокъ, и ловятся, или убиваются, вмѣстѣ съ парами; вторая уже суть подросшія молодыя птицы, которые линяютъ позже старыхъ и ловятся послѣ нихъ.

Единствено такое благодѣтельное устройство природы даетъ жителямъ способы, запасаться на долгую зиму необходимыми потребностями для себя и для полезнѣйшаго домашняго скота, собакъ, избавляясь отъ всегдашняго недостатка

въ пищѣ, ибо при бѣдности и малочисленности семействъ было бы невозможно имъ успѣвать во всѣхъ промыслахъ, еслибы надлежало ихъ производить въ одно и то же время. Но завсѣмъ тѣль приготовленіе запасовъ имъ крайне тягостно, ибо, кромъ рыбной ловли и охоты, въ чемъ заключаются почти единственные источники ихъ пропитанія, есть еще много другихъ, не менеѣ нужныхъ занятій. Кто имѣеть лошадей, * долженъ накосить для нихъ сѣна; инымъ надобно исправить избу, или построить новую; поставить въ лѣсу и насторожить пасти **

* Почти у каждого исправнаго хозяина есть одна, двѣ и даже болѣе лошадей, которыхъ не употребляютъ зимою, а ходить на свободѣ и вырываютъ копытами изъ-подъ снѣга не совсѣмъ еще поблекшую траву и корни.

** Пасть устраивается изъ бревна, положенного наклонно, и находящагося подъ нимъ продолговатаго ящика, въ который кладутъ приманку. Лишь только звѣрь дотронется до приманки, бревно падаетъ на него и задерживаетъ его въ ящикѣ до тѣхъ поръ, пока придется промышленникъ. Мѣста, где разставлены ловушки, называются паствиками: а насторожить пасть значитъ положить наживу, или приманку, и вообще изготовить пасть для понимки звѣря. Рускіе, живущіе въ Нижне-Колымскѣ и въ окрестностяхъ его, имѣютъ болѣе 7500 подобныхъ паостей, какъ по берегу рѣки, такъ и на восточной и западной тундрахъ. По восточному берегу Колымы, въ долинахъ рѣкъ Филипповой, Пантелеевой, и другихъ каменныхъ рѣчекъ, ловятся лисицы и соболи, а по западной тундрѣ песцы. Россомахи рѣдко попадаются; они такъ сильны, что ломаютъ пасти. Заботливый промышленникъ обвязываетъ свои пасти зимою разъ десять во другіе гораздо рѣже, отъ чего, можетъ быть, половина добычи пропадаетъ. При каждомъ высмотрѣ считаются по одному звѣрю на десять паостей. Весьма вредное вліяніе на размноженіе звѣрей, особенно песцовъ, производить принятой между Юкагирами, Тунгусами, и вообще въ Сибири обычай вырывать порниковъ еще слѣпыми.

(ловушки) для пушныхъ звѣрей. На послѣднюю работу отправляются обыкновенно верхомъ, по мерзлой землѣ передъ первымъ снѣгомъ, и по томъ, когда выпадетъ снѣгъ, на собакахъ. Въ то время олени переходятъ съ восточного берега рѣки на западный и жители ловятъ ихъ различнымъ образомъ: ставить ременные петли въ узкихъ изѣстахъ, гдѣ проходитъ звѣрь, или устроиваютъ заборы, въ которыхъ нарочно оставляютъ отверстія. Другое тѣдять партиями, на нартахъ, къ Барановымъ Камнямъ за сохатыми и дикими баранами, или по свѣжему снѣгу, съ пріученными собаками, ловятъ лисицъ, соболей и бѣлокъ. Послѣдній родъ промысла принадлежитъ въ особенности Анюйскимъ и Омолонскимъ Юкагирамъ и Средне или Верхне-Колымскимъ Якутамъ, живущимъ въ горахъ и лѣсахъ.

На тундрѣ, по морскому берегу, ставить длинными рядами пасти для песцовъ, которые хотя гораздо дешевле прочихъ пушныхъ звѣрей, за то ловятся въ большемъ количествѣ. Выше упомянуто уже, что черезъ каждые три года бываетъ на тундрѣ множество песцовъ, но по изобилію тамъ мышей, они питаются ими и не найдутъ въ пасть за приманкою, которая состоять изъ маленькаго живаго звѣрка, или куска мяса, напитаннаго ядомъ. Настороживаніе пасти требуетъ особенной смѣтливости, и нѣкоторые изъ жителей славятся искусствомъ обманывать звѣрей. Въ наше время казацкій сотникъ Солдатовъ починался первымъ промышленникомъ мѣлкой пака-

сти*, особенно лисицъ. Честь его страдала, если не удавалось ему обмануть лисицы, или окормить ее ядомъ. Еще въ большемъ уваженіи здѣсь промышленникъ, который не боится ни сохатаго, ни медвѣда. Изобрѣтательность въ случаѣ битвы, и мужество, съ какимъ преодолѣвается противникъ, заслуживаютъ общее вниманія. Вотъ нѣкоторые примѣры: отецъ съ сыномъ отправились верхомъ на лисью охоту; не имѣя удачи, они были бы принуждены возвратиться съ пустыми руками, еслибы, случайно, не набрели на медвѣда, лежащаго въ берлогѣ. Хотя у нихъ не было оружія, необходимаго для борьбы съ такимъ звѣремъ, но они рѣшились сдѣлать нападеніе. Отецъ прижался спиной къ одному выходу берлоги и закрылъ его совершенно своими широкими плечами, а сынъ, вооруженный только поколюгою, началъ колоть медвѣда черезъ другое отверзтіе. Медвѣдь, чувствуя боль, напрасно искалъ спасенія въ противоположной сторонѣ; ни когтями, ни зубами немогъ онъ прохватить толстой, гладко натянутой шубы широкоплечаго Юкагира, который защищалъ свой постъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ удалось сыну заколоть звѣря. Нерѣдко однажды за подобную самонадѣянность дорого платить промышленникъ. Одному Юкагиру, плывшему на вѣткѣ по рекѣ, и имѣвшему при себѣ только поколюгу,

* Пакастю называютъ здѣсь вообще всѣхъ звѣрей, промыляемыхъ въ ловушки наживами. Подъ именемъ зэлья собственно разумѣется одинъ сохатый (Сибирскій лось), а иногда изъ уваженія къ сердитому медвѣду величаютъ и его черныя зѣрвемѣ.

случилось увидѣть на берегу большаго чернаго медвѣдя, который былъ занятъ выкапываніемъ кореньевъ, или мышныхъ гнѣздъ, такъ, что промышленникъ надѣялся подкрасться къ нему незамѣтно и воткнуть въ него свой ножъ. Дѣйствительно, ему удалось подойти близко къ медвѣду и обхватить лѣвою рукою заднюю его ногу; но прежде, нежели онъ могъ воспользоваться своимъ ножемъ, звѣрь, испугавшись неожиданнаго нападенія, пустился бѣжать на гору и поволокъ за собою несчастнаго Юкагира по кочкамъ и пнямъ, такъ, что онъ, измученный и разбитый, долженъ былъ наконецъ оставить неугомоннаго плѣнника. Подобной участіи подвергся одинъ Русскій, который плылъ черезъ Колыму на карбасѣ и увидѣлъ сохатаго по срединѣ рѣки. Разсчитывая, что карбасъ не подыметъ огромнаго звѣря, еслибы и удалось заколоть его въ водѣ, промышленникъ вздумалъ накинуть его веревкою, привязать за рога къ лодкѣ и прибуксировать къ берегу. Хитрецъ уже радовался своей счастливой выдумкѣ и вѣрной добычѣ, но сохатый, доставши длинными ногами дно рѣки, вдругъ помчалъ привязанный къ рогамъ его карбасъ на берегъ, въ лѣсъ, вмѣстѣ съ промышленникомъ, который, забывъ и лакомое жаркое и славу побѣды, почиталъ себя счастливымъ, когда успѣлъ выкарабкаться изъ беспокойнаго своего экипажа.

Между всѣми домашними животными здѣшняго края, во всякомъ отношеніи первое мѣсто за-

нимаетъ собака. Животное, какъ будто самою природою предназначеннное быть сотоварищемъ человѣка, охранять его, слѣдовать за нимъ на охоту, могущее, подобно ему, переносить всякий климатъ, питающееся на островахъ Южнаго моря бананами и травами, а на Ледовитомъ морѣ рыбью, и вездѣ приносящее пользу, пріучается здѣсь къ тому, что въ другихъ странахъ вовсе ему несвойственно.

Крайность заставила обитателей съвера употреблять собаку, по видимому, въ сравненіи съ другими животными, твореніе слабое, вместо рабочаго скота. Всѣ народы, живущіе по берегамъ Ледовитаго моря, отъ Оби до Берингова пролива, въ Гренландіи, въ Камчаткѣ, запрягаютъ зимою собакъ въ сани, совершаютъ на нихъ дальнія путешествія и перевозятъ значительныя тяжести..

Здѣшнія собаки весьма похожи на волка; морда у нихъ длинная, острая, уши острья, стоячія, хвостъ длинный, и мохнатый; у иныхъ шерсть гладкая, у другихъ мохнатая, черная, бѣлая, рыжая, пѣгая, и т. д. Величина ихъ также различна, однакожь хорошая картенная собака должна быть не ниже аршина двухъ вершковъ и некороче аршина пяти вершковъ. Лай ихъ походитъ болѣе на волчій вой. Круглый годъ проводятъ они на открытомъ воздухѣ; лѣтомъ вырываются себѣ ямы въ землѣ, для прохлады, или цѣлый день лежать въ водѣ, избавляясь отъ комаровъ, а зимою ищутъ убѣжища подъ снѣгомъ, и свернувшись въ глубокихъ снѣговыхъ

ямкахъ, прикрывають морду своимъ мохнатымъ хвостомъ. Каждый хозяинъ держить у себя, кроме назначенныхъ въ упряжку собакъ, только одного кобеля и одну или двухъ сукъ, для прiploda. Извѣ щенятъ вскармливаютъ большею частію кобелей, а сукъ почти всѣхъ бросаютъ въ воду. Выкармливаніе и обученіе собакъ для ъзды составляютъ главнѣйшее занятіе рѣчнаго жителя. Щенята, родившияся зимою, пріучаются слѣдующею осенью къ упряжкѣ, но не ранѣе третьяго года употребляются въ дальнія поѣздки. Самыхъ проворныхъ и смышленыхъ собакъ впряженъ впереди. Скорый и правильный бѣгъ всего пуга, состоящаго обыкновенно изъ 12-ти собакъ, а иногда и самая безопасность ъздока, зависятъ отъ проворства и послушанія передовыхъ собакъ. Поэтому необходимо пріучить ихъ слушаться одного слова хозяина и не бросаться на звѣриный слѣдъ, что составляетъ самую трудную часть въ обученіи собакъ и очень рѣдко удается. Обыкновенно вся упряжка съ визгомъ бросается на слѣдъ звѣря, и никакая сила, кроме естественнаго препятствія, не въ состояніи удержать ея. Въ такихъ обстоятельствахъ особенно важно имѣть хорошую передовую собаку. Несколько разъ имѣли мы случай удивляться искусству, и обдуманной, такъ сказать, хитрости, съ какими передовая мало по малу отвлекала прочихъ собакъ отъ звѣриного слѣда, или, если ей не удавалось, съ лаемъ бросалась въ противоположную сторону, какъ будто увида тамъ другаго звѣ-

ря. Въ разъѣздахъ по обширнымъ тундрамъ, въ темныя туманныя ночи, или сильныя метели, когда путешественникъ, ни зги, не видя передъ собою, тщетно ищеть поварни, и находится въ ежеминутной опасности замерзнуть, или быть защесену снѣгомъ, обученная передовая собака нерѣдко спасаетъ его отъ гибели. Можно быть увѣреннымъ, что среди необозримой, снѣгомъ занесенной пустыни, собака всегда найдетъ поварню, въ которой хоть однажды бывала, и тогда путешественнику остается только лопаткой (необходимо принадлежностью зимникъ поѣздокъ) отрыть себѣ входъ въ найденный такимъ образомъ иочлегъ.

Лѣтомъ собаки также полезны, и обыкновенно употребляются для тяги лодокъ противъ течения. Замѣчательно, какъ при сей работе, если на дорогѣ встрѣтится какое нибудь препятствіе, или перемѣнится бичевникъ, собаки по одному слову хозяина переплываются на другой берегъ и становятся снова въ порядокъ. Даже по сухому пути, онѣ перетаскиваютъ ииогда, за неимѣніемъ лошадей, лодки (вѣтки), при птичьеи ловлѣ употребляемыя. Словомъ, для осѣдлыхъ жителей здѣшнихъ странъ, собаки такъ же полезны и необходимы, какъ олени для кочующихъ. *

* Предлагали запретить рѣчнымъ жителямъ держать собакъ, на томъ основаніи, что большая часть пойманной рыбы (на одну упряжку, въ 12 собакъ, надоно ежедневно отъ 50 до 70 сельдей) назначается для ихъ корма, и такимъ образомъ отнимается у жителей терпящихъ голодъ, но сія мѣра, вѣсто облегченія туземцовъ, отняла бы у нихъ всѣ средства пропитанія. Болѣзни и

доказательство ихъ необходимости: въ 1821 году, сильное повѣтряе истребило большую часть собакъ на берегахъ Индигирки, такъ, что у одного Юкагирского семейства, изъ 20 собакъ, осталось только два щенка, и тѣ слѣпые, которые также должны бы погибнуть, еслибы хозяйка юрты не рѣшилась вскормить ихъ своею грудью, наравнѣ съ собственнымъ ребенкомъ. Такимъ образомъ два щенка сдѣлались въ послѣдствіи родонаучниками многочисленнаго поколѣнія. Въ 1822 году, большая часть Колымскихъ жителей потеряли отъ повѣтря своихъ собакъ и были тѣмъ приведены въ самое бѣдственное положеніе. Они принуждены были таскать на себѣ дрова, а также собранную въ разныхъ мѣстахъ добычу рыбной ловли. Работа была затруднительна и медленна, такъ, что время, удобное для птичьеи и звѣриной ловли было прощено. Всеобщій ужасный голодъ сдѣлся отъ того слѣдствіемъ недостатка собакъ, которыхъ, по краткости лѣта и недостатку травяного корма, замѣнить лошадьми невозможно.

Получивъ понятіе о вѣшней жизни и дѣйствіяхъ сѣвернаго Сибирия, послѣднемъ за нимъ въ хижину, куда съ конца лѣта удаляется онъ отдыхать въ кругу семейства отъ понесенныхъ трудовъ и по своему наслаждаться жизнью. Прежде всего, стѣны конопатятся ихомъ, обмазываются

морью между собаками въ 1821 и 1823 годахъ достаточно доказали неудобоисполнимость сего предложения, которое потому и было отвергнуто.

глиною, самый домъ до оконъ обсыпается землею, чуvalъ исправляется, и т. д. Обыкновенно въ Декабрѣ, по окончаніи всѣхъ работъ, длинныя полярныя ночи собираются всѣхъ членовъ семейства вокругъ очага, гдѣ трескучее пламя замѣняетъ имъ лучи солнца, надолго скрывшагося за горизонтъ. Огонь чуvalа и пѣсоколькихъ жирниковъ тускло свѣтится сквозь ледяныя окна, а изъ трубъ поднимаются высокіе столбы дыма и яркія искры разсыпаются надъ кровлями. Собаки, свернувшись, ложатся на снѣгу вокругъ домовъ, и только по временамъ прерываютъ всеобщую тишину ужаснымъ воемъ, обыкновенно четыре раза въ день, но при лунномъ свѣтѣ и чаще. Замѣчательно, что несмотря на множество собакъ въ Нижне-Колымскѣ (при насъ было ихъ до 400), вой ихъ чрезвычайно разнообразенъ, такъ, что въ стройномъ, хоть и неслишкомъ гармоническомъ хорѣ, можно ясно различать высокіе, средніе и низкіе голоса.

Маленькая дверь, обитая мохнатою шкурою бѣлого медвѣдя, или оленя, ведеть въ горницу. Хозяинъ дома, съ сыновьями, исправляетъ сѣть изъ лошадиныхъ волосовъ, или приготовляетъ луки, стрѣлы и копья. Женщины, на лавкахъ и на полу, выдѣлываютъ шкуры звѣрей, добытыхъ на охотѣ мужьями, либо олеными жилами, вместо нитокъ, шьютъ и чинятъ одежду. Надъ очагомъ, въ желѣзномъ котлѣ, варится рыба на кормъ собакамъ. Далѣе готовится для семейства скромный

обвдъ, состоящій обыкновенно изъ вареной, или зажареной въ рыбьемъ жирѣ рыбы, либо оленины. Какъ лакомство, подаютъ алады изъ красной икры, или пироги, испеченные, вмѣсто муки, изъ толченаго муксунна, и начиненные искрошеными рыбными брюшками, олениною, толченою макаршею. Пріѣзжаго угощаютъ всѣмъ, что есть лучшаго въ домѣ: сначала является *струганина* (тонкими пластинками нарѣзанная рыба, мерзлая, и ее ъѣдять сырью, прежде нежели она растаетъ), по томъ юкола, копченые олены языки, топленый оленій жиръ, сырой мозгъ изъ оленыхъ костей, замороженное Якутское масло, мороженая мороженка, словомъ — всѣ драгоцѣннѣйшія лакомства. Столъ, въ переднемъ углу горницы, покрывается, вмѣсто скатерти, кускомъ сѣти, а вмѣсто салфетокъ подаются тонкія стружки дерева, впрочемъ, послѣднее есть уже признакъ роскоши. Соль является рѣдко, и то развѣ для гостя, потому, что туземцы не только ея не употребляютъ, но чувствуютъ отъ нея даже отвращеніе. Въ домахъ зажиточныхъ жителей Нижне и Средне-Колымска, тотчасъ по пріѣздѣ, угощаютъ гостя чаемъ съ Китайскимъ леденцомъ и — съ юколою, вмѣсто сухарей. Хлѣбъ вообще рѣдко подается. Изъ муки, которая здѣсь очень дорога, приготовляютъ особаго рода питье, называемое *затуранъ*; муку зажариваютъ въ маслѣ, или въ рыбьемъ жирѣ, по томъ разводятъ горячею водою и пьютъ, какъ чай, въ чашкахъ; такое питье съ хорошимъ масломъ приготовленное, очень полезно въ путешествіи,

имѣть пріятный вкусъ, а вмѣсть съ тѣмъ сътно и очень согрѣваетъ.

Къ ежедневнымъ занятіямъ молодыхъ дѣвушекъ принадлежитъ черпанье воды изъ проруби. Всакая дѣвушка, имѣющая хоть нѣсколько притязаній на красоту или молодость, и непотерявшая еще надежды выдти за мужъ, наряжается около полудня въ свое лучшее платье и спѣшить съ ведрами на рѣку, къ проруби. Тамъ собираются всѣ ея подруги, разсказываютъ, слушаютъ новости, уговариваются, какъ провести день, у кого будетъ вечеринка; словомъ, какъ въ Германіи колодцы, такъ здѣсь проруби служатъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ дѣвушекъ. Нерѣдко являются между ними молодые парни и усердно помогаютъ красавицамъ черпать воду. Часто подобныя встречи на проруби играютъ не послѣднюю роль въ сердечныхъ дѣлахъ молодыхъ Колымчанъ.

Святки, Масляница и Святая недѣля приносятъ минутную жизнь въ мѣстечко. Въ большиѣ праздники, по звуку колокола, всѣ жители, какъ пельзя лучше разряженные, собираются въ церковь. Послѣ службы священникъ, съ крестомъ, посѣщаетъ всѣ дома. Иногда въ праздники, при свѣтѣ чугуна, сосѣди собираются на вечеринки. Женщины садятся на лавкахъ; мужчины толпятся по горницѣ и около очага. Обыкновенно начинаютъ играми и пѣснями, а иногда, не смотря на то, что рѣдко горница бываетъ болѣе 3-хъ сажень длины и ширины, находять возможность плясать, или, лучше сказать, только прыгать, не передвига-

ясь съ мѣста. У богатѣйшихъ главныи угощеньи служить чай и выпивается въ неимовѣрномъ количествѣ: десять, двѣнадцать чашекъ, или стакановъ, порція самая обыкновенная. Самовары здѣсь рѣдки, и обыкновенно чай приготавливается въ котлѣ. На столикѣ, въ правомъ углу комнаты, ставится другія лакомства: юкола, струганина, масло, а иногда, какъ предметъ роскоши, кедровые орехи. Не смотря на дороговизну, водка занимаетъ не послѣднее мѣсто на празднествахъ.*

На Масляницѣ также вѣселятся, и обыкновенно строить горы, хотя здѣшніе жители и безъ того почти никогда иначе неѣздали, какъ на саняхъ, по снѣгу или льду.

Такъ однообразно, въ бѣдныхъ наслажденіяхъ, проходитъ жизнь обитателей здѣшней ледяной пустыни, къ счастію ихъ не имѣющихъ почти никакого понятія о другихъ удовольствіяхъ жизни. Если удачные рыбные ловли и охота предохраняютъ ихъ отъ голода, и чай и водка есть у нихъ въ изобиліи, они довольны—даже въ нѣкоторой степени счастливы.

Жители Нижне-Колымска одарены крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Ростъ ихъ выше средняго, а между дѣвушками попадаются очень хорошенькия лица. Болѣзни очень рѣдки, и мужчины до глубокой старости сохраняютъ всю свою бодрость. Здоровью ихъ много способствуютъ безпрестанное движеніе на свѣжемъ воздухѣ, и усилия, требуе-

* Въ самое дешевое время, фунтъ самого простаго чаю стоитъ 9 рубль., фунтъ сахару $4\frac{1}{2}$ рубль., а штофъ хлѣбнаго вина $13\frac{1}{4}$ рублей.

мья при частойездѣ на нартахъ и бѣганыи на
лыжахъ. Цынга, сколь часто свирѣпствующая
въ странахъ, на западѣ отсюда лежащихъ,
является здѣсь рѣдко, потому что жители, по
недостатку соли, сохраняютъ свои рыбные и мяс-
ные запасы всегда мерзлыми.

==

ГЛАВА V.

Нижне-Колымскъ.—Обзаведение наше.—Приготовление экспедиции.—Основательное сопровождение объ открытияхъ сержанта Андреева.—Прибытие Английского путешественника Кокрена.—Вечеринка.—Прибытие штурмана Козынина.—Поездка на собакахъ.—Необходимое отступление отъ первоначального плана.—Извѣстие о прибытии Чукчей съ Малаго Аюя и отъздѣ г.
Матюшкина въ Островное

Мѣстечко Нижне-Колымскъ основано, по мнѣнію Фишера, въ 1644 году, Якутскимъ казакомъ Михайломъ Стадухинымъ, который выстроилъ на съверномъ рукавѣ рѣки Колымы острогъ, церковь и нѣсколько юртъ. Лѣтъ за шестидесять острогъ еще существовалъ, и по немъ названъ рукавъ рѣки *Староострожской*. Въ послѣдствіи, для удобнѣйшаго перевоза провіанта, перенесли заселеніе на островъ, въ другомъ рукавѣ находящійся. Острогъ лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ $68^{\circ} 31' 53''$ съверн. широты и $160^{\circ} 35'$ восточн. долготы отъ Гринвича. Склоненіе магнит-

ной стрѣлки было тогда $9^{\circ} 56'$ О, а наклоненіе $77^{\circ} 32' \frac{1}{2}$. Ширина рѣки здѣсь три версты. Горизонтъ ограниченъ къ югу Аниойскими горами, очевидно соединенными съ такъ называемыми *Большими Камнями*, *Пантелейевской сопкою* и *Суровымъ Камнемъ*, который издали имѣть видъ кровли. Къ съверу и западу взоры теряются въ необозримыхъ тундрахъ, изрѣдка покрытыхъ искривленными лиственницами и иѣлкимъ ивовыми кустарникомъ. Самый острогъ обведенъ деревяннымъ заборомъ, по угламъ коего выстроены четыре маленькия, остроконечныя башни. Внутри сей ограды находится большое строеніе для канцеляріи, или присутственнаго мѣста, и нѣсколько сараевъ, по большей части пустыхъ. Въ двухъ изъ нихъ сберегаются материалы и остатки всякаго рода отъ бывшей, въ 1739 году, экспедиціи лейтенанта Лаптева, а также и отъ судовъ *Палласъ* и *Ясашна*, на которыхъ капитаны Сарычевъ и Биллинсь совершили свои плаванія по Ледовитому морю. * Мѣстечко состоитъ, кроме острога, изъ 1 церкви и 42 домовъ и юртъ.

Въ Нижне-Колымскомъ уѣздѣ находятся еще четыре селенія: *Керетова* (6 дворовъ), подъ $68^{\circ} 49' 27''$ съверн. широты и $12'$ восточн. долготы; *Походскъ* (15 дворовъ), $69^{\circ}, 4' 21''$ с. ш. и $4'$ вост. долг.; *Черноусова* (8 дворовъ), $68^{\circ} 50'. 20''$ с. ш.

* Суда сіи, столь известныя въ лѣтописяхъ Русскаго флота, стояли прежде въ Нижне-Колымскѣ, но во время одного изъ обыкновенныхъ здѣсь весеннихъ наводненій, они были отнесены на 2 версты отъ рѣки и версты $1\frac{1}{2}$ западнѣе острога, на мѣсто, покрытое лѣсомъ, гдѣ теперь лежать.

и $14' 42''$ вост. долг.; Пантелейева (7 дворовъ), $68^{\circ} 35' 57''$ ш. и $40'$ долг. (долготы считаны отъ нашеї обсерваторії въ Нижне-Колымскѣ.) Кромѣ сихъ деревень, находится еще на рѣкѣ Омолонѣ нѣсколько незначительныхъ селеній.

По пріѣздѣ моемъ въ Нижне-Колымскъ отвели мнѣ квартиру въ самомъ большомъ домѣ, стоявшемъ уже нѣсколько лѣтъ пустымъ и слывшемъ убѣжищемъ нечистыхъ духовъ. Изба была выстроена по общему образцу здѣшнихъ строеній, и состояла изъ двухъ комнатъ, каждая въ двѣ квадратныя сажени, и въ 4 арш. вышины отъ полу до крыши, совершенно плоской и покрытой землею. Первая комната, съ Русскою печью, служила кухней; въ ней помѣстилъ я людей моихъ; въ задней, съ чуваломъ, расположился самъ. Въ обѣихъ комнатахъ находилось по одному маленькому окну, задѣланному слоемъ льда, въ 6 или 8 дюймовъ толщины, сквозь который проникалъ тусклый свѣтъ, подобный тому, какой даются на судахъ стекла, вѣланнныя въ палубу надъ каютами. Скамья, служившая кроватью, шаткий столъ, и стулъ, связанный ремнями, составляли всю мою мебель. При всей скучности и тѣснотѣ, и не взирая на дурную репутацію дома, провелъ я въ немъ зиму довольно сносно. Желая лучше предохранить себя отъ холода, приказалъ я выстроить передъ дверьми родъ сѣней, и къ нимъ пристроили еще чуланъ, для сохраненія припасовъ и другихъ вещей.

Черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда, возвратился

г. Матюшкинъ съ устья Колыны, куда ъездилъ онъ, вмѣстѣ съ частнымъ Исправникомъ, собирать свѣдѣнія объ успѣхѣ рыбнаго промысла. Намъ пріятно было, за вечернимъ чаемъ, разсказывать о томъ, что мы испытали во время дороги, о новыхъ предметахъ, нами встрѣченныхъ, о нартахъ, рыбномъ промыслѣ, оленяхъ и Сибирскихъ морозахъ, въ честь которыхъ оставались мы притомъ въ шубахъ, теплыхъ сапогахъ и шапкахъ: мы находились на берегахъ Ледовитаго моря.

На слѣдующее утро, донесъ мнѣ г-нъ Матюшкинъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. До прибытія его въ Средне-Колымскъ (2-го Октября), тамошнее мѣстное начальство о нуждахъ экспедиціи не озабочилось: не было, ни припасено ни одной рыбы, ни привезено ни одного бревна для постройки обсерваторій, ни приступлено къ пріготовленію зимовья у Баранова Камня, долженствовавшаго служить приваломъ во время поѣздокъ экспедиціи, не взирая на подробныя предписанія отъ Якутскаго Областнаго Начальника по симъ предметамъ. Исправникъ увѣрялъ, что ему казалось несбыточнымъ прибытие экспедиціи изъ С.-Петербурга сюда въ нынѣшнемъ году.

Такія неисправности могли имѣть самыя пагубныя послѣдствія для нашихъ дѣйствій, если бы г. Матюшкинъ, во время краткаго своего здѣсь пребыванія, похвальною своею дѣятельностью не успѣлъ многаго поправить; узная по прибытіи своемъ о положеніи дѣль, онъ закупилъ и уложилъ тотчасъ половину нужной для экспедиціи

рибной промышленности, закупив ее у жителей Колымска и окрестностей. По распоряжению его же подъего надзоромъ, не взирая на сильные морозы, отъ которыхъ конюры, какъ стекло, ломались, была выстроена, надъ домомъ моимъ башня, съ 4-мя окнами къ четыремъ странамъ сплошь, для астрономическихъ наблюдений; вскорѣ послѣ моего призыва она была окончена, такъ, что мы могли перенести туда инструменты и начать наши занятия.

Устроивъ нѣсколько квартиру свою, я озабочился прежде всего заготовлениемъ остального провианта и другихъ нужныхъ для экспедиціи потребностей. Для сей цѣли приглашены были на совѣщаніе зажиточные жители Нижне-Колымска и старшины Якутскихъ, Юкагирскихъ и Чуванскихъ селеній, находящихся на рѣкѣ Омолону и Анюю. 25-го Ноября все собрались; мы начали съ того, что установили положительную тарсусу, по которой жители согласились доставить намъ ириасъ и другія потребности. * Опредѣливъ сіе, приступили мы къ измѣнѣнію важному распределенію подрядовъ по мѣрѣ способовъ участвующихъ и назначили сроки доставленія. Анюйскіе Юкагиры, имѣвшіе въ прошедшемъ то-

* Цѣны были определены слѣдующимъ образомъ: сырой муксунъ 15 коп., чиръ 18 коп., муксунъ тохалы 19 к., муксунъ юкалы 8 к., сельдь 8 к., пудъ сущеної оленины, съ хвостами, 4 рубля; языкъ олений 10 к.; за провозъ партии до Баравова Камня, съ хозяйственнымъ кормомъ, 2 рубля въ день. За партию во все время поездки $3\frac{1}{2}$ рубля въ день. Вьючная лошадь изъ Среднеї до Нижне-Колымска 26 р. Выделанная оленья шкура 8 р. Береговая палозы для партии 4 рубля.

ду изобилійный олений производитель, побывало до доставлены: мусинов и коницервов «Меныхих» конца на покойное передвижное жилье; называемое «уро-сью» также и большое количество олениных ребрышек корня собачьи. Омоловские Юмагиры должны были скаждить, ложь березовых лесомъ на байдару съ всемъ приборомъ, съ полозьями, на покондные пирты. Жители острога и другиши славеній, поберегашъ Комысы: лежащихъ, боядисъ одною рабовою, «допомнили» потребное для экспедиціи количество мерзлой рыбы, а сколько недоставлено тухлою зверя, т. е. волы и лошади, привозили шель. Среди Верхне-Комысской расстояніе 800 верстъ, ибо лѣтній рыбный промыселъ былъ танъ изобилійней, иже если приступить рѣки Остяцкія: еще два устья, камикъ, подводокъ по воду, весьма важный предметъ, т. к. выборъ съемъ напечь шарть потребшаго числа сильныхъ, привыкшихъ къездѣ собаки, что опоружить пакгаузскому сотнику Антону Тедаринову, бывшему: преводнику Еденинству и слышавшему вѣдь олимпийскимъ знатокъ съ искусствомъ владѣнія собачини. Такимъ образомъ сдѣланы мы главныя распоряженія и сочвалось: только ожидать къ скорѣйшему исполненію ихъ.

Здесь встрѣтились однакожъ многое затрудненій. Жители сомневались въ верной пѣсть за доставляемые ими припасы, а местное начальство не имѣло бы силъ, чтобы доказать имъ, что имъ доброй воли быть помезными. Частный Исправникъ, преувеличивая бѣдность обывателей, старался всячески склонить «ней» къ уменьшенню

моихъ требованій, и пугать разными, несбыточными, рассказами о предстоящихъ опасностяхъ. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что здѣшнія собаки слишкомъ слабы и не могутъ выдержать столь дальней поѣздки, а проводники неподытны и ненадежны. Онъ разсказывалъ мнѣ множество примеровъ коварства Чукчей, описывая ихъ людьми самыми опасными и жестокими. Хотя и видѣть я, какъ преувеличены были его, рассказы о предстоящихъ опасностяхъ, но не зная на кого положиться, принужденъ былъ, боѧсь или же не боѧсь, вѣрить его озѣбамъ о состояніи края и обывателей. Снисходя такимъ образомъ, не отступнымъ, его представленіямъ, объ ужасныхъ усиліяхъ и нежерлованіяхъ, которыя разорганные чинхеди должны дѣлать для экспедиціи, я согласился забавить сдѣланія, но утвержденной смыть мои требования, такъ, что вы посвѣстіи мы даже, нуждались. Послѣ бывшей въ 1812 году экспедиціи г. Геденштрома рыбный и звѣриный промыслы въ здѣшнемъ краю значительно уменьшились, и, дѣйствительно, бывали голодовки, такъ, что Колымчане принуждены были рѣзать собакъ своихъ. Но послѣ того имѣли они время поправиться и положеніе ихъ было, вовсе не столь бѣдственно, какъ Исправникъ описывалъ. Въ слѣдующіе два года, ознакомясь болѣе съ местностью, распредѣляя я поставки такимъ образомъ, что не отлагшая жителей, экспедиція ни въ чёмъ не нуждалась, даже, могу утверждать, что значительный сбыть произведеній доставила жите-

лять немалая выгоды, и пребываніе экспедиціи нашей имѣло выгодное вліяніе на промышленность и благосостояніе ихъ.

Инструкцію Государственного Адмиралтейского Департамента предписывалось мнѣ: достигнувъ Шелагскаго мыса, раздѣлить экспедицію на два отряда, изъ коихъ съ однимъ следовать мнѣ на северъ, для отысканія предполагаемой земли, а другому описывать берегъ материка, такъ далеко на востокъ, какъ обстоятельства позволять. Для исполненія того и другаго требовалось до 50 нартъ, съ 600 собакъ. Поѣзда должна была начаться не позже Февраля мѣсяца и намъ оставалось для покупки нартъ и значительного количества корма тобакамъ только около 2-хъ мѣсяцовъ. По словамъ Иоправника и по обыкновенному ходу дѣль срокъ былъ весьма недостаточенъ, однакожъ мы успѣли запастись всѣмъ нужнымъ.

Ноября 30-го Исправникъ отправился по дѣламъ службы на Анюй и Алазею, собирать ясакъ съ кочующихъ тамъ Тунгусовъ и Юкагировъ.

Междудѣль, готовясь къ предстоящимъ поѣздкамъ, собирали мы у жителей нужныя намъ свѣдѣнія о предметахъ, относящихся къ цѣли экспедиціи. Пребываніе въ Нижне-Колымскѣ, въ 1767 году, трехъ геодезистовъ Лысьева, Пушкарева и Леонтьева, было, болѣе или менѣе, еще у всѣхъ въ свѣжей памяти; о сержантѣ Андреевѣ, бывшемъ здѣсь въ 1762 году, весьма немногіе поимѣли, сказывая, что онъ предпринялъ отсюда одно путешествіе на Индигирку и другое къ Ме-

дѣлжимъ островамъ. О видѣнной имъ на съверѣ землѣ, слѣдахъ многочисленнаго оленнаго народа съвернѣ Медвѣжьихъ острововъ, и тому подобныхъ вещахъ, упоминаемыхъ въ журналѣ Андреева, здѣсь никто не зналъ и отъ старожиловъ и отцовъ своихъ не слыхивалъ. Совершенное невѣдѣніе жителей обѣ открытіяхъ Андреева, помѣщенныхъ даже на новѣйшихъ картахъ, показалось намъ тѣмъ страннѣе, что о походахъ Павлуцкаго, бывшихъ гораздо раннѣе (т. е. въ 1731 году) еще многія подробности были имъ известны. Замѣчательное открытие Андреева могло ли быть забыто, когда помнили поездку его къ Медвѣжимъ островамъ? Признаюсь, всѣ сіи соображенія не поселяли въ насъ большаго довѣрія къ открытіямъ сержанта Андреева.

Въ подобныхъ, занимательныхъ для насъ изысканіяхъ, упражненіяхъ на обсерваторіи и опытахъ надъ скоростью бѣга собакъ проходило время непримѣтно, а каждый день научаль насъ чему нибудь новому. Съ особеннымъ восхищеніемъ взирали мы на величественнѣйшее полярное явленіе, освѣщавшее продолжительную здесь ночь. То окраинвалось небо дугообразнымъ тусклымъ свѣтомъ, то двигались медленно и быстро огненные столпы, то зажигались пушки яркихъ лучей, достигающіе расходившимися вершинами до зенита, изображая свѣтлые вѣцы вокругъ полной луны. Мгновенные измѣненія, тысячи безтѣлесныхъ фігуръ, появлявшихся, какъ свѣтлые тѣни, на темноголубомъ небѣ, при глу-

бокой, ненарушенной тишине ночи, придавали явленіямъ необыкновенную занимательность и таинственность, приковывавшія изумленнаго наблюдателя силою, какъ будто сверхъ-естественною.

Предоставляя себѣ говорить о съверныхъ сіяніяхъ съ большою подробностью, скажу здѣсь только одно, какимъ образомъ объясняютъ ихъ здѣшніе жители. Морскими вѣтрами разведенное волненіе, говорятъ они, бываетъ сильно въ ледяныхъ горы; отразившіяся отъ нихъ брызги, раздробляясь въ воздухѣ, преломляются яркій цвѣтъ огромныхъ льдинъ и представляются намъ въ видѣ свѣтлыхъ столповъ, или сполоховъ. Такое темное понятіе о съверномъ сіянії можно уподобить несвязнымъ разсказамъ о какомъ нибудь происшествіи, гдѣ сохранились одни названія действующихъ лицъ, ибо весьма вероятно, что льды и воды имѣютъ участіе въ произведеніи съверного сіянія.

Декабря 2-го, къ всебищему удивленію, прибыла вода, гонимая съверо-западными и западными вѣтрами съ моря въ Колыму, съ таюю симою, что принудила реку течь въ веркѣ, съ быстротою, противъ коей не удержались стѣ, спущенный жителямиъ въ проруби для ловли рыбы, нальду склонился широкой трещиной и вода выступила изъ береговъ. Съ морской водою прибыла въ реку рыба, подкрепившая надежду нашу на изобилье осеннаго промысла.

Декабря 31-го обрадовало насть совершение не-

ожидавшееся появление известного Ачелийского, побывшего, капитана Кокрена, которого любопытство свое привело даже в сюда. * Ограниченному только собственнымъ нашими обществами и Северомъ щенде отдаленные отъ производствъ на земляхъ вскака обрадовалась такому приятному приглашению нашего кружка. Мы встрѣтили новый годъ при перводонскомъ морозѣ, -37° по Реймеру. Полуденное солнце, должноствовавшее показаться на горизонте 28-го Декабря, скрывалось еще за сизо-зимними лединами горами, окружающими видимы изънутри болота Колымскаго, струйчатые майтысткій надѣяніемъ низинъ и устья рекъ бѣдной тундры, забѣ покрывалось бѣлымъ снегомъ. Это же 4-е Января, морозъ возросъ до -39° , а 5-го числа, въ продолженіе 24-хъ часовъ, термометры показывали -40° по Реймеру. Днемъ же захватывало, ледъ въ окнахъ раскалываясь. Всѣ жертвы мои нынѣ безпрестанно сгорѣ, гибнущи взирали на то, вънѣшнѣйъ бѣлья, что я принужденъ былъ сидѣть въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ, и

* Г. Джонъ Дувденъ Кокренъ (Cochrane), капитанъ Английского флота, извѣстенъ своимъ путешествіемъ пѣшкомъ. Гостеприимство Русскихъ и готовность оказать Москву нуждающимъ имъ помощь, подѣлило Кокрену, возможность совершить свое путешествіе и добраться до Колымска. Для того нужны были только открытый листъ отъ Губернатора, казакъ для сопровождения, и Кокренъ сбѣрналъ безъ вѣлкой затѣи ^{баты} путь въ Сибирь на повозкахъ, и верхомъ, нещадя, свое лукавство. Онъ, изъленѣнъ жажданіе присоединиться къ нашей экспедиціи, но я, не принять его предложения, потому, что когда каждый лишній фунтъ груза былъ намъ въ тягость, увеличеніе числа людей еще однимъ спутникомъ савицкимъ затруднило бы путь къ Косу.

когда писалъ, то чернила мои отгоревались въ горячей водѣ.

Действіе горизонтальной рефракціи произвело родъ Фаты Моргана; горы, лежащія къ югу, казались намъ, въ разныхъ искаженныхъ видахъ, выспящими на воздухѣ; дальнѣйшія горы предсталились съ опрокинутыми внизъ вершинами; река сузилась; противомежашій берегъ казался находившимся почти у нашихъ избъ.

Жестокіе морозы препятствовали обыкновенной ловлѣ подледной рыбы, производимой жителями сѣтью на устьяхъ Колымы, и потому Колымчане начали съезжаться въ острогъ, больше и больше наполнявшися народомъ и собаками, дружный лай, или вой которыхъ по временамъ оглашалъ воздухъ.

Часто и много говорили намъ о прежней здѣсь веселой жизни, когда рыбный промыселъ бывалъ изобилынѣ и сохаты (леси) не чуждались береговъ Колымы, прозванной Сибиряками Золотымъ Днемъ. Но время беспечныхъ увеселеній минуло и здѣсь; оно осталось единственno въ воспоминаніяхъ и пѣсняхъ. Желая позабавить Колымскихъ жителей и дать гостю моему понятіе о здѣшнихъ увеселеніяхъ, пригласилъ я въ Крещене почетныхъ особъ на вечеринку, избранны для того одинъ изъ просторнѣйшихъ домовъ, принадлежавшій здѣшнему казаку скрыпачу. Гостиная, и вѣсть съ тѣмъ зала для танцовъ, въ 6 аршинъ во все стороны, была великолѣпно освѣщена рыбьимъ жиромъ. Стѣны и

лавки, послѣ долгаго времени вымытыя, были покрыты кусками чистой матеріи, а полъ усыпанъ желтымъ пескомъ. Для дамъ были припасены чай, цвѣсомъ кусковъ благо сахара и кедровые орехи; ужинъ состоялъ изъ пироговъ, струганины, юкены и мороженаго оленяго мозга. Въ 5-ть часовъ явилась гости, въ лучшихъ шубахъ и нарядахъ; дамы усѣлись на лавкахъ и запѣли народныя пѣсни; молодыя играли въ разныя игры и плясали, тихо и чинно, какъ будто на замазь, подъ странные звуки, извлеченные тяжелыми руками цашего музыкального хозяина, старого промышленника, изъ треснувшей скрышки, натянутой струнами изъ крученаго шелка и оленинъ жилъ. Въ 10-ть часовъ всѣ разошлись, весьма довольные проведеннымъ вечеромъ.

На слѣдующій день покѣли мы осмотрѣть оставшіеся отъ Биллингсовой экспедиціи суда, *Надласъ* и *Ясашина*, стоящіе теперь въ лѣсу, въ 2-хъ верстахъ отъ острога, куда занесены они высокою водою. Члены судовъ напили мы еще довольно сѣжими, хотя уже почти 50 лѣтъ подвержены они непостоянству погоды. На возвратномъ пути осмотрѣли мы хранящіяся въ магазинѣ достопримѣчательности: мортиры, бомбы и разныя орудія для прорубки льда, оставшіяся послѣ лейтенанта Лаптева въ 1739 году.

Февраля 2-го прибыль благополучно изъ Якутска штурманъ Козынинъ, съ большимъ транспортомъ припасовъ и потребностей разнаго рода. Сверхъ того г. Козынинъ обрадовалъ насъ еще

весьма приятнымъ гастроономическимъ памарисомъ. нудомъ свѣжей, жармой ржаной, и молокомъ съ елиниками, замороженными въ кружнахъ, и печенными образами сохранившимися совершенной овощеси. Такие припасы, а также собственнаго молока, считались здесь величайшемъ раемъю, а мы видѣли бывали, что послѣ столь долгаго времени, могли поклониться свѣжими макаронами, печенюю сливками. Съ тѣхъ поръ и разные виды блюдъ въ Наступало для Нижнегородской ярмарки самое блестящее время: пріездъ купцовъ изъ Якутска, на пути изъ сибирской Чукотской ярмарки, въ Острогожскую крѣпость на Анюй. Числомъ до 20 или, чинѣніемъ отъ 10-ти до 40 на выставляемыхъ товарами ляшадей, купцы привозятъ сѣдалища, сбываются часть своихъ товаровъ, и въ достояніе времепи, ихъ пріезда окрестные жители, съ шкурами пушныхъ зверей, приобретаютъ охотой, ино-гданою съ Амазейскимъ Тунгусами, прикачевавшими ими и съ ходомъ Января, къ усть-Янтарь-кии Омолона. Многа бываетъ весьма скромна помѣрия Русскихъ: за малое количество яловъ, табаку, и особо беллою водки, ссыпываются они у Тунгусскихъ пріятелей, головой промыселъ пушныхъ зверей, преимущественно лесныхъ, которые въ большинствѣ обитають водится на безълесныхъ тунирахъ, изъ бираемыхъ Тунгусами для кочеванья. Подобна же рода торги скоро совершаются въ расцвѣтѣ Тунгусовъ къ горячимъ напиткамъ, якъ сицина; что нерѣдко, послѣ нѣкоторыхъ имѣтокъ, отдаютъ они весь запасъ яловъ за стаканъ водки, а за

второй даже свой посыпки саналхъ (т.е. верхнее платье). (см. 62-ю страницу.)

Столь легко приобретены пушные шкуры, Нижне-Колымский торговляется великимъ барышемъ предателя и промывицей купцами Якутскимъ.

На бывшайшего тода въ Нижне-Колымскъ ярмаркъ, самымъ чистымъ цынамъ лавочныхъ товаровъ состояли следующія: изъ японской обивки 1 ф. Черкасского листового табаку 1 $3\frac{1}{2}$ рубль.

бѣлаго сахара 1 $\frac{1}{2}$ кило по 14 $\frac{1}{2}$ рубль.

Китайскаго меденцу 4 зорна по 13 рубль, чай чистаго низкаго сорта 1 кило по 9 рублей.

шнитокъ тонкий 1 кило по 8 $\frac{1}{2}$ рубль.

Осмина простаго кѣрбнаго чая ... отъ 3 $\frac{1}{2}$ до 4 рублей.

Кусокъ китайки (жъ 9 аршинъ) ... 10 рублей.

полунаковъй матеріа, въ 20 и 40 ярдовъ, по 10 и 12 рублей.

Холста толстаго (аршинъ) 10 рублей.

Платокъ бѣлый шелчный 1 кило 4 рубля.

При концѣ торга, цѣны почти всегда удваиваются: фунтъ чаю стоять тогда обыкновенно до 15 р., бѣлаго сахара 10 рубл., осмина вѣдки 20 рубл.; торговые обороты дѣлаются частію на деньги, частію на шыну, мѣхами и рыбой въ маломъ количествѣ. Цѣны пушныхъ звѣрей были въ нынѣшнемъ году следующія:

Лисица красная ... отъ 8 до 10 руб.

черная 50 — 150 —

Песецъ бѣлый 2 $\frac{1}{2}$ — 3 —

Песецъ голубой. 7 — 10 —

Соболь *	отъ 10	до 25	руб.
Стерлідь (въ 20 ф.).	.	—	5 —
Нельма (родъ форели) въ 30 ф.	.	—	5 —

Якутские купцы пользуются темъ, что хотя здесь въ оберотѣ мало денегъ, но жители должны вносить подати наличными деньгами.

Во время ярмарки обыкновенно поддается болѣе жизни и движенія въ Нижне-Колымскѣ; за нѣсколько дней улицы становятся уже шумны; множество привѣзжающихъ окрестныхъ жителей, съ цѣльми стаями собакъ, нацошаютъ дома и кануры. Проводникамъ наrtle много труда сдержать порядокъ между собаками, привыкшими къ одиночеству и внезапно окружеными множествомъ себѣ подобныхъ, отъ чего нерѣдко происходятъ между ними жестокія битвы. Владѣтели домовъ приготовляютъ свои комнаты для приема привѣзжихъ гостей, вставляютъ новые льдины въ окна, выколачиваютъ мѣха, складываютъ ихъ въ чуланы, подновляютъ царты и упряжку; словомъ, все ожидаетъ здѣсь прїѣзда Якутскихъ купцовъ. И вотъ появляется на горизонтѣ облако пара, и болѣе и болѣе приближалась, означающъ путь каравана; всякий, кто только можетъ двигаться, спѣшилъ на встречу друзьямъ и знакомымъ. Среди ликованія и пѣсень вѣзвѣжаетъ караванъ въ острогъ и раздѣляется по домамъ, въ которыхъ обыкновенно нѣсколько дней

* Цѣна собольихъ шкуръ значительно перемѣняется въ разные годы. Въ 1821 году шкура стоила до 40 руб., а въ слѣдующемъ только 15 рублей.

сряду веселятся до поздней ночи. Вскорь послѣ того прѣѣзжаетъ изъ Средне-Колымска Исправникъ, съ своею канцеляріею, для сбора податей и тому подобнаго. Съ его появленіемъ исчезаетъ беспечная радость обитателей Нижне-Колымска и является несчастная страсть къ тяжбамъ. Несогласія и ссоры заступаютъ мѣсто увеселеній. Пользуются каждымъ поводомъ къ жалобѣ Исправнику, который не всегда находить свой расчетъ въ водвореніи между жителями мира и согласія.

Наконецъ, изъ Островнаго прѣѣзжаетъ казакъ съ извѣстіемъ о приближеніи Чукчей; тогда всѣ отираются въ путь, и Исправникъ, оставя неоконченныя дѣла въ архивѣ до будущаго года, спѣшить въ Островное, предупредить тамъ прѣѣздъ Чукчей; купцы, на нартахъ, нанятыхъ у здѣшнихъ жителей, за довольно дорогую цѣну, * сѣдуютъ за Исправникомъ, и улицы и дворы снова пустыютъ. Въ концѣ зимы возвращаются купцы и Исправникъ изъ Островнаго, но не останавливаются уже въ Нижне-Колымскѣ, продолжая путь свой черезъ Средне-Колымскъ домой. Вскорѣ наступающая весна вызываетъ Колымчанъ на берега озеръ и рекъ, къ обыкновеннымъ лѣтнимъ занятіямъ, и тогда дѣятельность въ острогѣ исчезаетъ, мертвая тишина заступаетъ мѣсто все-

* Обыкновенная цѣна за упряжку 10—12 собакъ, на прѣѣздъ 250 верстъ, отъ Нижне-Колымска до Островнаго, 100 рубл., но часто платить и больше.

общай веселости, и въ осиротѣлыхъ хижинахъ, сюда закомацаются двери и окна, и бѣгутъ

"Отъ 'моего' эпизодическаго отступленія возвращаюсь къ разсказу въ хронологическомъ порядке.

Въ теченіе зимы, закупленные и съ разныхъ мѣстъ доставленные рыбные запасы * отосланы были на устье Восточной, или Каменной Колымы, въ уроціще Сухарное (120 верстъ къ сѣверу отъ острога); члены нарты также были доставлены съ реки Омолона и для устроенія нарты разданы проводникамъ, выбраннымъ къ предстоящему путешествію; недоставало моржевыхъ ремней, замѣняющихъ желвзо и ковку въ скрепленіи нарты, и мы должны были ждать прибытія Чукчей на Атной, для закупки у нихъ ремней.

Запасы заключались въ следующемъ:	
для употребления людемъ хары (цирковой юколы)	850
для собакъ муксуновой юколы	4,289
Муксуновыхъ юхалъ	3,985
Щокировыхъ юхалъ	700
Костей муксуновыхъ	500
Свежихъ замороженныхъ сельдей	30,740
— муксуновъ	543
Олѣйныхъ провяленыхъ боковъ	1,323
Для надлежащаго поимкія обѣихъ селей должно за- метить, что въ кормѣ собакъ каждая прудная муксуновая юхала равняется пяти сельдямъ, такая же средняя юхала $3\frac{1}{2}$ сельды, свежий муксунъ 8 сельд., два щокировыхъ юхалы 1 сельди, 1 кость муксунова $1\frac{1}{2}$ сельды, боки блени $8\frac{1}{2}$ сельдямъ. Такимъ образомъ, принявъ за сравнительную единицу легко провяленую сельду, концы, волосьи и десять составляютъ хорошую порцию лежкой собакѣ на день, равняясь весь приготовленный въ кормъ собакамъ запасъ нашъ 18,944 сельдямъ.	

— Феврали 12-го извѣстился я, что изъ числа 36 парть съ собаками, требованиемъ мою, по-тѣбы будуть только 29, и въ половинѣ Марта под проводникомъ изъ города меня также, что раньше сего времени нельзя приступитьъ въ путь и потому, что собакамъ не выдержать сильныхъ морозовъ, но бывшихъ перезданы, но совершенно открытыми и встать тѣмъ болѣе, чтониць вовсе къ тому не привыкли.

— Принимай все къ **свобождению**, не желая провести щелаго **зима** въ бездѣлѣїи, а отмѣнилъ **иржай**, піанъ, и вознамѣрился, состави буриды изъ готовыхъ уже парть съ собаками, какъ **мажъ** и безвилены: они нынѣ были, отирались бѣлью потери времени для описи берега къ востоку, покирагатъся въ Нижнѣ-Колымскѣй проку изготомленія полаго, волнисто па рарь и **ирбд**, и тогда приступитьъ черезъ мѣдъ: на съверъ идетъ и гидроюто ато **ирчукъ**.

— Феврали 14-го отправилъ я три парти, съ хоромъ собаками, подъ надзоромъ Зыкъ, казакъ (изъ которыхъ одинъ зналъ Чукотскій языкъ),

къ нашимъ запасамъ въ Сухарное, гдѣ имъ надо отыщено. О днѣ этого же года я пришелъ лежало откармливать собакъ, отошедшихъ отъ дома и забытыхъ, а въ это же время изъ падиши частой ъзы хозяевъ по промысламъ.

Г-нъ Матюшкинъ отправился въ Островное, чтобы познакомиться съ Чукчами, закупить у нихъ бычкою, вареніемъ и прочимъ, что нужно для парть моржевые ремни и китовые ребра, а въ особенности успокоить сей не-
известъ. Отъ выступающей моржей вода остается на поверхности льда морской разолья, по которому деревянные плоскости весьма

довѣрчивый народъ на счетъ нашего путешествія по берегамъ ихъ, объясняя имъ, что мы замѣрены отыскать свободное оть льдовъ море для плаванія судовъ съ товарами, доставленіе которыхъ сухимъ путемъ обходится весьма дорого.

Еще до отъезда купцовъ и жителей въ Островное наступила масляница. Соорудили гору, украсили ее флагами Лайтса и Биллингса, и выставили нѣсколько ведръ сваренаго чаю и нѣсколько шудовъ кедровыхъ ореховъ; противъ такого сильнаго магнита ничто не могло устоять; женщины и девушки, ловкие парни, купеческие прикащики и казаки спускались съ горы цѣльми группами, на оленыхъ кожахъ (вместо санокъ), и до поздняго вечера предавались смѣху и шуткамъ. Погода весьма благопріятствовала общему веселенію, ибо 18-го числа, въ первый день Масляной недѣли, задулъ, такъ называемый, теплый вѣтеръ, оть юговостока, и термометръ, стоявшій 16-го числа на 32° Реомюр., возвысился 18-го, въ 4 часа по полудни, до 4° , при ясномъ небѣ.

Наконецъ получено извѣстіе изъ Островнаго о прибытіи 26-ти человѣкъ Чаянскихъ и Приморскихъ Чукчей, на мѣсто, называемое Элопъ-бalo, отстоящее оть Островнаго на 90 верстъ; Носовые Чуки, изъ окрестностей Берингова пролива, ко-

тажело скользить; для отвращенія такого неудобства привязываются подъ полозья китовыхъ ребра, которыми, будучи тверже дерева, не всасываютъ въ себя соли и не задерживаютъ сани.

чевали въ большемъ числѣ позади первыхъ. Из-вѣстіе весьма обрадовало Якутскихъ купеческихъ прикащиковыхъ, и они спѣшилиѣ хать въ Островное, а за ними отправился туда и г-нъ Матюшкинъ, въ сопровождѣніи г-на Кокрена. *

Извѣстіе о томъ, что якуты и чукчи въ началѣ марта началиѣ хать въ Островное, было подтверждено въ маѣ того же года изъ якутскаго посыпка, посланнаго въ Нижне-Колымскъ. Въ маѣ же въ Якутскѣ, какъ видно, изъ посыпка, посланнаго въ Нижне-Колымскъ, въ Кокренѣ было получено извѣстіе, что якуты и чукчи въ началѣ марта началиѣ хать въ Островное. Слѣдѣло изъ этого, что въ маѣ 1849 г. Кокренъ и Матюшкинъ находились въ Островномъ. Кокренъ, въпрочемъ, въ маѣ 1849 г. находился въ Островномъ, несомнѣнно, въ сопровождѣніи Матюшкина.

* Г. Кокрень намѣревался добраться къ Чукотскому Носу и Берингову проливу, съ обратно, пущущимъ Чукотскимъ караваномъ, но познакомясь короче съ Чукотскимъ народомъ, оставилъ планъ свой и возвратился въ Нижне-Колымскъ.

ГЛАВА VI.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ НА НАРТАХЪ ПО ЛЬДУ ВЪ МОРѢ.—ОТЪВЪДЬ ИЗЪ НИЖНЕ-КОЛЫМСКА. — СУХАРИЙ ОСТРОВЪ.—БАРАНОВЪ КАМЕНЬ.—РОВНЫЙ, ИЗЖИГАНЫЙ МОРСКОЙ ВЕРГЕЙ.—БОЛЬШАЯ БАРАНОВА РВКА.—ХОЛОДЪ.—ПЕРВЫЕ СЛЕДЫ ЧУКЧЕЙ.—МЕТЕОРЪ.—ПРОЛИВЪ СОБАДЕЙ.—ПЕЩЕРНЫЙ мысъ.—ШЕЛАГСКИЙ мысъ. СКАЛА КУЗЬМИНА.—СТАДУХИНСКИЙ ВОЛОКЪ.—МЫСЪ МАТЬЮШКИНА.—ОСТРОВЪ АРАУТАНЪ. ПОТЕРИ СЪЕСТВЕННЫХЪ ПРИПАСОВЪ.—ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ НИЖНЕ-КОЛЫМСКЪ.

Я уже изложилъ причины, побудившія меня отступить въ семъ году отъ данной мнѣ инструкціи и предпринять съ немногими спутниками путешествіе по льду въ море. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ въ такое короткое время достать девять нартъ, съ надлежащимъ числомъ собакъ, но только три нарты были назначены для моего путешествія; остальные шесть, нагруженныя провіантомъ для насъ, кормомъ для собакъ, и проч., должны были, для сбереженія по возможности съѣстныхъ припасовъ, тотчасъ по разгрузкѣ обратиться назадъ.

Съ тремя нартами хотѣлъ я осмотрѣть, такъ далеко, какъ позволять обстоятельства, берега, на востокъ лежащіе. Глубоко вкоренившійся и всеобщій страхъ туземцевъ къ Чукчамъ заставилъ меня выдавать за окончательную цѣль предпринимаемаго путешествія точнѣйшее обозрѣніе и опредѣленіе Баранова Камня и окрестныхъ береговъ, которые составляютъ предметъ и предѣль поѣздокъ туземцевъ на востокъ. Немногіе изъ нихъ рѣшатся пройти верстъ 50 дальне; все остальное протяженіе берега на востокъ имъ совершенно неизвѣстно. Не смотря на то, узнавъ, что я намѣренъ посѣщать Чукчей, они охотно согласились мнѣ сопутствовать и я могъ выбрать се-бѣ лучшихъ и надежнѣйшихъ проводниковъ.

Весь берегъ отъ Колымы до Шелагскаго мыса совершенно необитаемъ и изрѣдка посѣщается Чукчами, которые тутъ охотятся, или собираютъ выбрасываемый моремъ лѣсъ, но кажется, и они не переходятъ за Большой Барановъ Ка-мень, составляющій предѣль поѣздокъ Русскихъ, такъ, что здѣсь остается полоса земли, верстъ на 80шириною, ни къмъ не посѣщаемая. За сею, такъ сказать, нейтральною землею, лежать простран-ныя мшистые равнины и поля, на которыхъ во-инственные Чукчи, сохранившіе доселѣ свою независимость, скитаются съ безчисленными стада-ми оленей. Каждое покушеніе вторгнуться въ ихъ земли наблюдается ими съ болѣшимъ вни-маніемъ, и, какъ некоторые горкіе опыты прежнихъ лѣтъ доказали, Чукчи всегда приви-

зали мѣры къ отраженію вторженій. Наше бѣз-
запное появленіе въ близкихъ безлѣдныхъ сте-
нахъ должно было произвѣсть большое беспокой-
ство между Чукчами; потому намъ надлежало пре-
имущественно остерегаться и не возбуждать въ
нихъ какого нибудь подозрѣнія, которое могло
помѣшать достижению цѣли экспедиціи.

Три изъ моихъ нартъ, собственно для путеше-
ствія назначенные, находились уже, какъ выше
сказано, въ Сухарной.

Туда послалъ я, 18-го Февраля, шесть нартъ
съ провіантами, которыхъ должны были сопро-
вождать насъ только въ первой части пути, а
19-го отправился самъ, съ г-мъ Козьминскимъ, въ
путь. Важнѣйшіе жители города провожали насъ
до маленькаго, не вдалекъ лежащаго озера.

Довольно хорошо уложенная дорога, изви-
ваясь между мыльными кустарниками, довела насъ
къ лочи въ деревню Черноусову, въ 45 верстахъ
отъ Нижне-Колымска. Отдохнувъ сми и давъ
отдыхъ нашимъ собакамъ, продолжали мы на
другой день по утру путь и достигли, черезъ
восемь часовъ тѣды, къ вечеру 20-го Февраля, мѣ-
стечка Лобазнаго, лежащаго въ 80 верстахъ отъ
нашего ночлега.

Въ устьѣ восточного рукава Колымы, которая
здесь въ ширину 23 версты, находится плос-
кій, голый и столь низменный островъ, что
зимою онъ совершенно равенъ съ горизонтомъ
рѣки. На южной оконечности его построены
два балагана, или сарай, въ родѣ описанныхъ

выше поварень; осталошіе одинъ отъ другаго
почти на полверсты, и служаще защитою отъ
сильныхъ морскихъ вѣтровъ жителемъ Нижне-
Колымскаго, когда зимою посыпаютъ они сей край
для рыбной ловли и охоты — это подобіе человѣ-
ческаго жилья называется: *Сухарное*. Версты
за 50 исчезаютъ даже изъ кіе, стекающіеся хутора-
ники, которые до сихъ мѣстъ никогда еще попада-
ются. Здѣсь глазамъ представляется необозри-
мая снѣжная равнина, и ужасное однообразіе
прерывается только кой гдѣ выставленными ло-
вушками пещерами. Со временемъ привыкаешь ко
всему, но первое впечатлѣніе, при видѣ необъят-
наго пространства земли, покрытаго саваномъ снѣ-
говъ; ни съ чѣмъ не можетъ сравниться; даже ра-
дуешься, когда ночь, покрываая все темнотою, про-
изводить хоть какую нибудь перемѣну.

Еще не достигли мы Сухарного, какъ уже со-
вершенно смѣрклось. Мы никакъ не могли раз-
смотрѣть занесенныхъ снѣгомъ балагановъ, и вѣ-
роятно проѣхали бы мимо, если бы намъ не ука-
зали мѣста ихъ искры, къ счастію вылетѣвшія
изъ трубы, вмѣсте съ дымомъ. Измученные собаки
поворнули въ сторону, безъ понужденія побѣжалі
скорѣе и остановились у снежнаго бугра, гдѣ
проводникъ увѣдомилъ насъ, что мы приѣхали къ
первому Сухарному балагану. Пока я осматривал-
ся во всѣ стороны, ища чего нибудь похожаго
на человѣческое жилище, къ великому удивленію
моему, вылезли изъ-подъ снѣга, одинъ за другимъ,
наши три казака, посланные впередъ съ

дорожными нартами. Они провели насъ сквозь отверзгіе, вырытое въ снѣгу на подвѣтречной сто-ронѣ, въ балаганъ, вышиною около двухъаршинъ, гдѣ съ радостью нашли мы горячій огонь. Со-грѣвшись и подкрѣпивъ себя хорошимъ ужиномъ, мы провели ночь въ нашей снѣжной пещерѣ очень хорошо, не смотря на то, что она была наполнена густымъ дымомъ, который набивало сильнымъ вѣтромъ.

Весь слѣдующій день занимались мы размѣще- ниемъ нашихъ вещей и припасовъ по нартамъ, и другими приготовленіями къ путешествію. Наша поѣздка была довольно различна отъ обыкновен- ныхъ путешествій, а потому, кажется, не лиш- нее будетъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ сна- ряженіи. Мы взяли съ собою коническую па- латку, изъ оленыхъ кожъ, два топора, карман- ный фонарь, съ двумя восковыми свѣчами, желѣз- ную плиту для раскладыванія на ней огня, желѣз- ный треножникъ, чайникъ и котель; для каждого изъ насъ нѣсколько бѣлья и медвѣжью шкуру, вместо тюфяка, и для каждого двухъ человѣкъ одѣяло изъ двойныхъ оленыхъ шкуръ. Изъ ин- струментовъ взяли мы два хронометра, одни се- кундные часы, два секстана, съ искусственнымъ ртутнымъ горизонтомъ, спиртовой термометръ, три пель-компаса, изъ коихъ одинъ съ призмою, зрительную трубу, телескопъ, веревку съ оз- наченіемъ футовой мѣры и еще нѣкоторыя мѣ- лочи. Провіанта для пяти человѣкъ на одинъ

месяцъ было приготовлено: $2\frac{1}{2}$ пуда ржаныхъ сухарей, $1\frac{1}{2}$ пуда говядины, 10 фунтовъ сухаго бульона, 2 фунта чаю, 4 фунта сахара леденцу, 8 фунтовъ крупы, 3 фунта соли, 39 рюмокъ крѣпкой водки, 12 фунтовъ табаку и 200 штукъ лучшей конченой юколы. На каждомъ изъ насть одежда состояла изъ ларки, довольно широкой кухлячи, большихъ мѣховыхъ сапоговъ (*торбасы*), такой же шапки и рукавицъ; все было сшито изъ однѣихъ шкуръ. Для корма собакъ запасли мы 790 ш. большой муксунъ юколы, 1200 ш. юколы и 2400 ш. свѣж. замороженныхъ сельдей. Сельди помѣщались главнѣйше на провіантныхъ нартахъ, но часть запасовъ положили мы и на дорожныя. Каждый изъ насть имѣлъ ружье, 50 патроновъ, пику, и на правой сторонѣ, привѣшеные къ кушаку, большой ножъ и огниво. Нарты нагружались во всю длину, по возможности равномѣрно, и когда имѣли полный грузъ (около 25 пудовъ), то закрывались кожанымъ одѣяломъ и такъ крѣпко стягивались ремнями, что сани и грузъ составляли, какъ будто одно цѣлое и могли падать, даже вверхъ коньльями, не вываливая поклажи. Въ срединѣ, по длине нашихъ узкихъ саней, садился бокомъ, или придерживался только, вожатый, опираясь ногою на полозъ нарты, въ ежеминутной готовности соскочить и привести нарту опять въ равновѣсіе, когда она слишкомъ раскатывалась; или когда угрожала ей какая либо опасность. Для того держалъ онъ въ руکѣ, протянутый

вдоль по санямъ и къ нимъ прикрепленный ре-
мень, и кроме того имѣлъ въ рукахъ, такъ на-
зываемый оштолъ, или прудило, довольно тем-
ную шалку, обитую желзомъ на одномъ и об-
вѣщенную колокольчиками на другомъ концѣ,
которою управляя собаками, останавливалъ ихъ,
а иногда подкипалъ. Точно также баланси-
руя, сидѣли и мы съ г-мъ Козьминымъ каж-
дый на своей нартѣ, за проводникомъ, въ без-
престанной готовности соскочить, поддержать
и привести въ равновѣсіе нарту, что при не-
ровной дорогѣ очень часто случалось. Не смот-
ри на то, что каждая изъ нартъ имѣла груза
до 25 пудовъ, онъ таѣь легко скользили по
крѣпко замерзшему снѣгу, что одною рукою,
безъ большаго усилия, можно было передвигать
ихъ съ места на место, и собаки наши при хоро-
шей дорогѣ дѣлали отъ 10 до 12 верстъ въ часъ.
21-го Февраля было 26° холода; къ полудню
уменьшился онъ до $14\frac{1}{2}^{\circ}$. Солнце стояло очень
низко, но г-ну Козьмину удалось, съ помощью
искусственнаго ртутнаго горизонта, взять полу-
денную высоту солнца, которая показала, что мы
находились подъ $69^{\circ} 31' 22''$ широты. Тригоно-
метрическимъ измѣреніемъ оть Нижне-Колымска
до Сухарного найдено, что Сухарное лежитъ подъ
 $161^{\circ} 43' 41''$ долготы, къ востоку, отъ Грин-
вича. Полуденная тѣнь давала $13\frac{1}{2}^{\circ}$ восточнаго
съложенія путеваго компаса.

22-го Февраля, рано по утру, передъ разсвѣтомъ,
отправились наши нарты съ провиантомъ къ Ма-

лому Баранову Камню^{*}, отстоявшему на 41 версту, где стояла поварня; тамъ намкревались мы провести слѣдующую ночь. Ужасный вой, какой собаки обыкновенно подымаютъ въ минуту отъѣзда, разбудилъ насъ. Мы приготовились къ дальнѣйшему пути, и въ 9-ть часовы утра оставили наши, нѣсколько нагрѣвшіеся багажны. По назначенному для поездки порядку, моя карта всегда находилась впереди, а р. Козынинъ на своей карте заключалъ шествіе. Каждый изъ насъ замѣчалъ направлениѳ пути, и по скорости бѣга собакъ, которую мы изучали въ Нижнѣ-Колымскѣ, ** опредѣлялъ разстояніе одного пункта отъ другаго. Наши наблюденія, по вечерамъ сравниваемыя одво съ другими и запи-сываемыя, составляли главныя данныя для начертанія карты береговъ.

Сокращая дорогу, мы не обгибали Медвѣдѣ-яго мыса, а поѣхали прямо черезъ перешеекъ, соединяющій его съ твердою землею. Снѣгъ былъ гладокъ и крѣпокъ; собаки бѣжали очень скоро, и карты наши, не смотря на балансирова-

* Барановъ Камень получилъ название отъ великаго множества скитающихся тамъ дикихъ барановъ, или аргалей. Животныя сіи пытаются, по большей части, травою, которая, вымѣсть съ одною изъ породъ полыни, растетъ на скаладь между мхами.

** Скорость бѣга менѣ собакъ, соразмѣряясь съ болѣею или менѣею гладкостью дороги, простиралась отъ 6 до 12 верстъ въ часъ. По ней и по направлению протѣзжаемаго пути, вычисляли мы широту и долготу, которыхъ буду я въ послѣдствіи отличать названіемъ: *счислимая*, отъ опредѣленныхъ другимъ обра-зомъ.

ніе съдоковъ, часто опрокидывались. Въ половинѣ четвертаго часа по полудни достигли мы поварни, лежащей на берегу маленькой рѣчки, гдѣ нашли совершенно сохранившійся деревянный крестъ, поставленный въ 1787 году экспедиціею капитана Биллингса. Нарты съ провіантомъ, выѣхавшія двумя часами ранѣе, но запряженныя не столь сильными собаками, прибыли къ поварнѣ послѣ насть. Море казалось отсюда совершенно гладкимъ; густой туманъ застижалъ съверный край горизонта.

Мы нашли поварню совершенно наполненою снѣгомъ и льдомъ, и ихъ надлежало выгребать, чтобы намъ комѣститься. Слишкомъ трудно и медленно было производить такую работу черезъ отверзтіе, служащее дверью; мы сняли бревна, составляющія крышу, и соединенными силами выбрасывали снѣгъ во всѣ стороны. Менѣе нежели черезъ часъ, жилище наше было готово, крыша настлана, въ срединѣ разложенъ огонь, и мы спѣшили поселиться. Къ несчастію, поварня была такъ тѣсна, что только четверо нашли въ ней мѣсто, и тѣ лежали столь близко къ огню, что искры безпрестанно осыпали ихъ шубы, сапоги и одѣяла. Остальные семеро изъ насть должны были довольствоваться палаткою, которая, хотя была не такъ тепла, но за то совершенно суха, а сквозь бревенчатыя стѣны поварни ручьями лилась вода отъ тающаго снѣга и льда.

Вечеромъ, по обыкновенію, занимались мы срав-

ниваніемъ и приведеніемъ въ порядокъ сдѣлан-
ныхъ нами наблюденій, и къ великому удоволь-
ствію нашему, они совершенно согласовались,
какъ съ точными наблюденіями сей части бере-
га, сдѣланными капитаномъ Биллингсомъ, такъ
и съ составленною по нимъ вице-адмираломъ Са-
рычевымъ картою, а тѣмъ совершенно убѣдили
насъ въ достаточности и надежности принятыхъ
нами правилъ измѣренія.

До сего мѣста морской берегъ почти совершен-
но плоскій, и только нѣкоторые выдающіеся мы-
сы образуютъ крутыя и скалистыя возвышенія.
Правый берегъ Колымы!, состоящій большею ча-
стію изъ чернаго шифера, былъ покрытъ нанос-
нымъ лѣсомъ. Мы видѣли, въ 14 верстахъ отъ
Сухарныхъ балагановъ, выстроенную въ 1739
году лейтенантомъ Лаптевымъ, на возвышеніи, де-
ревянную башню, для указанія входа съ моря въ
устерье рѣки.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, продолжа-
ли мы путь. Погода была ясная и пріятная. При
легкомъ юго-западномъ вѣтрѣ, термометръ по
утру показывалъ 27° , въ полдень 23° , къ вече-
ру 26° . Мыѣхали довольно скоро по гладкому
льду вдоль морскаго берега, который становился
все крутие и обрывистѣе. Проехавъ 42 версты,
остановились мы недалеко отъ Большаго Барано-
ва Камня, въ поварнѣ; она была гораздо про-
сторнѣе прежней, но за то не такъ прочно вы-
строена. Однакожь, согрѣвшись чаемъ и хоро-
шимъ супомъ, и закутавшись въ дорожныя

платя, подъ толстымъ мѣховымъ одѣяніемъ, провели мы ночь очень хорошо, не слишкомъ чувствую холода.

Во время пути удалось мнѣ взять полуденнюю высоту солнца, и найти, что довольно значительный мысъ у Малаго Баранова Камня лежитъ подъ $69^{\circ} 41' 49''$ с. широт., и по нашему счислению подъ $163^{\circ} 20'$ восточн. долготы. Мы видѣли на горахъ много замѣчательныхъ утесовъ, изъ коихъ иные представляли видъ развалинъ, древнихъ огромныхъ зданій, а также исполинскихъ людей и звѣрей; капитанъ Сарычевъ упоминаетъ о сихъ утесахъ въ своемъ путешествіи. Въ послѣдствіи буду я имѣть случай говорить о такомъ странномъ образованіи приморскихъ скалъ здѣшнихъ.

24-го Февраля отправились мы въ путь при 25° холода; въ послѣдствіи увеличился онъ до 28° . Гористый мысъ Большаго Баранова Камня, довольно далеко вдавшійся въ море, оставилъ мы къ сѣверу, и проѣхали черезъ узкую побябсу земли, за нимъ лежащую, гдѣ къ востоку отъ мыса впадаетъ въ море маленькая рѣчка; устье ея, по сдѣланному нами полуденному наблюденію, лежитъ подъ $69^{\circ} 38' 21''$ с. широты и $164^{\circ} 26'$ счислимой долготы. Оклененіе нутеваго компаса было 17° восточное. Съ него пункта берегъ принимаетъ совсѣмъ другой видъ: утесистыя скалы исчезаютъ и совершенно плоское прибрежье прерывается только кой гдѣ круто-обрылистыми возвышеніями. Къ югу, въ некоторомъ

разстояніи отъ берега, видна високая цѣль горъ; она, по видимому, тянется отъ NtW на StO.

Пройхавъ 34 версты, достигли мы небольшой рѣчки; прозрачный ледъ ея обѣщалъ намъ чистую хорошую воду; на берегу нашли мы множество наноснаго льса, а потому остановились и раскинули палатку, предполагая здѣсь переночевать. Тутъ предѣль, до которого туземцы доходить иногда, гонясь за звѣрями, но съ 1765 года, послѣ путешествія Шалаурова, никто изъ Русскихъ не посыпалъ сей части Ледовитаго моря.

Намѣреваясь оставить здѣсь часть взятаго на ми провіанта, въ запасъ на возвратный путь и для уменьшенія числа нартъ, мы выстроили, такъ называемую, сайбу, гдѣ могли обезопасить наши вещи отъ песцовъ и россомахъ, здѣсь водящихся во множествѣ. Мы врыли въ снѣгъ вертикально четыре столба, каждый около 9 фут. вышины; на нихъ укрѣпили бревенчатый ящикъ, положили туда наши запасы и покрыли все бревнами и снѣгомъ. Между тѣмъ въ нѣсколько минутъ была раскинута наша палатка. Шесть тонкихъ длинныхъ шестовъ воткнули въ снѣгъ и верхніе концы ихъ связали; потомъ обтянули все легкимъ, изъ оленыихъ шкуръ сштынью покрываломъ, и такимъ образомъ составилась коническая палатка, въ 10 фут. вышины и нѣсколько болѣе 12 фут. въ поперечникѣ основанія. Въ верху палатки оставили маленькое отверстіе для дыма; въ срединѣ, на желѣзной плитѣ, разложили мы огнь;

на немъ мы варили пищу и онъ согрѣваль насъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ наполнялъ всю палатку густымъ Ѣдкимъ дымомъ, отъ чего глаза наши очень страдали. Вместо двери, на подвѣтренной сторонѣ палатки оставили мы небольшое отверстіе, завѣшенное оленьемъ шкурой. При бурной погодѣ, въ сихъ страхахъ обыкновенно господствующей, воздушное жилище наше было въ безпрестанномъ движеніи, и изгибалось то на ту, то на другую сторону, что насть никако не беспокоило; гораздо непріятнѣе бывало, когда вѣтеръ срывалъ всю палатку. Но и къ тому привыкли мы въ послѣдствіи, и покрывая вѣшнія стороны палатки до нѣкоторой высоты снѣгомъ, вовсе отклонили такое неудобство.

Когда палатка была раскинута, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, пока закипитъ чайникъ, наполненный снѣгомъ, или льдомъ, потому, что чай былъ пріятнѣйшего и подкрѣпительнѣйшего для насть пищею. Послѣ двухъ чашекъ являлись: жизнь и веселость въ онѣмѣвшемъ отъ холода обществѣ. Замѣчательно, что мы такъ любили наше ароматическое питье, и вкусъ его былъ намъ такъ пріятенъ, что вмѣсто обыкновенной пропорціи, по три куска сахару на чашку, мы пили цѣлый вечеръ, отъ 10 до 12 чашекъ, съ однимъ кускомъ леденца. Иногда присоединяли мы къ тому ржаные сухари, либо отличный кусокъ юколы. Между чаемъ и ужиномъ выходили наши проводники къ собакамъ, привлѣзали ихъ, для того, чтобы привлеченныя слѣдами звѣрей, они

не разбѣжались ночью, а притомъ давали каждой назначеннюю долю корма.

Между тѣмъ занимались мы сравниваніемъ нашихъ наблюдений и вносили на карту осмотрѣнное днемъ пространство, что при сильномъ холодѣ и дымѣ, наполнявшемъ всю палатку, было не весьма легко. Въ то же время приготавлялся ужинъ; онъ всегда состоялъ изъ одного блюда, супа съ рыбой, или съ мясомъ, пока мы его имѣли; все варилось въ одномъ котлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ служившемъ намъ и общую тарелкою. Послѣ ужина все общество ложилось спать. По причинѣ холода, мы не могли снимать нашего платья и шубъ, и должны были спать въ полной дорожной одеждѣ; за то постоянно каждый вечеръ изынали мы чулки и сапоги, которые, вмѣстѣ съ мѣховыми шапками и рукавицами, развѣшивались для сушки на шестахъ въ палаткѣ, что, особенно на счетъ чулковъ, необходимая предосторожность, ибо съ сырого обувью, замерзаніе почти неизбѣжно. На ночь разстилались на твердомъ снѣгу медвѣжьи шкуры; на нихъ все общество располагалось, и подъ олеными одѣялами крѣпко и хорошо отдыхало отъ дневныхъ трудовъ. Пока всѣ карты нась сопровождали, мы должны были, по причинѣ тѣсноты, располагаться въ палаткѣ, какъ спицы въ колесѣ, ногами къ огню, а головами къ стѣнамъ; въ послѣдствіи, когда наше общество уменьшилось, располагались мы вокругъ удобнѣе; во время ночи огонь не поддерживался и

мало по малу потухаль. По утру вставали мы, обыкновенно, въ 6 часовъ, разводили огонь и мылись свѣжимъ снѣгомъ; потомъ пили чай и тотчасъ послѣ него принимались за обѣдъ, кото-рый былъ совершенно подобенъ нашему ужину. Наконецъ, чистили посуду, свертывали палатку и одѣялы, нагружали нарты; и часовъ въ 9-ть отиравлялись въ путь. Такого порядка держались мы постоянно во время первого путешествія.

25-го Февраля, при 25° холода, поднялся рѣз-кий восточный вѣтеръ, съ сильною мятелью, что чрезвычайно затрудняло дорогу. Мы однакожъ продолжали некоторое время путь, но утомлен-ная собаки наши, пробѣжавъ 24 версты, не въ со-стояніи были далѣе тащить нартъ противъ вѣте-ра, по рыхлому снѣгу, и мы принуждены были остановиться для ночлега, на плоскемъ морскомъ берегу. Мятель продолжалась всю ночь; наша палатка была совершенно занесена снѣгомъ, но тѣмъ доставила намъ защиту отъ бури. Мы радовались неподвижности нашего жилища и его пріятной теплоты. За то слои снѣга, лежащіе на вѣнчайшей сторонѣ его, растаяли и образовали ледяную кору, которая сдѣмала шкуру твердою, неудобосгибающею и гораздо тяжелѣе прежнаго, а тѣмъ причинила намъ много труда при складываніи палатки.

26-го, по утру, вѣтеръ совсѣмъ затихъ, и хотя термометръ все еще стоялъ на 25° холода, но панъ казалось, что было гораздо теплѣе вчера-наго. Море было покрыто твердью и гладкою

снѣжною корою, по которой наши нарты, снабженныя ледяными полозьями,* такъ легко скользили, что собаки безъ всякаго понужденія бѣжали очень скоро. Мы всегда держались въ разстояніи отъ 50 до 300 саженъ отъ морскаго берега, который здѣсь плоскій и низменный; на всемъ открытомъ взору протяженіи его никакой предметъ не прерываетъ унылаго однообразія печальной снѣжной пустыни. Мертвая тишина, царствовавшая вокругъ насъ, умножала еще болѣе характеръ грустнаго унынія сей сцены, такъ, что съ радостію встрѣчали мы груды наноснаго льса, лежавшія на берегахъ и хоть нѣсколько прерывавшія однообразіе.

Въ полдень опредѣлилъ я, по взятой полуденной высотѣ, что устье рѣчки, противъ которой мы находились, лежитъ подъ $69^{\circ} 34' 38''$ широты и $165^{\circ} 54'$ восточной долготы. Отъѣхавъ 25 верстъ отъ нашего послѣдняго ночлега, вѣлья я ранѣе обыкновеннаго остановиться на ночь, чтобы взять нѣсколько разстояній между солнцемъ и луною. Солнце стояло такъ низко надъ гори-

* Каждый вечеръ обирачиваютъ нарты сверхъ дномъ и полозья обливаютъ водою, отъ чего образуется на нихъ ледяная кора, которая очень гладка, такъ, что сани съ невѣроятною легкостію скользятъ по твердому снѣгу; такое обливанье называется *войдать*; ложатые нарты дляаютъ это частію для легчайшей вѣзы, а частію для сбереженія самыхъ полозьевъ, и по той же причинѣ наши проводники всегда тщательно избѣгали мѣсть, покрытыхъ не снѣгомъ, а ледяными обломками, отбивавшими съ полозьевъ ледь.

зонтомъ, что мы принуждены были прибѣгнуть ночью къ звѣздамъ, желая узнать истинное время. Взятые лунныя разстоянія опредѣлили положеніе нашего ночлега въ $166^{\circ} 11'$ восточной долготы, которая по нашему счисленію была $5'$ восточнѣе. Хронометры, отъ внезапныхъ перемѣнъ температуры, потрясеній,ѣзды и частаго опрокидыванія нартъ, такъ пострадали, что не сходствовали между собою и съ вѣроятною долготою, и мы почти немогли употреблять ихъ. Здѣсь выстронли мы вторую сайбу, и положили въ нее остатокъ нашихъ сѣстныхъ припасовъ на возвратный путь, отославши назадъ разгруженныя нарты. Ледъ, вчера покрывшій нашу палатку, растаялъ сегодня отъ разложеннаго въ ней огня и наполнилъ наше жилище такою удушливою сыростью, что мы принуждены были отъ времени до времени выходить освѣжаться и отдыхать на воздухѣ.

Ночью къ 31° мороза присоединился рѣзкій, юго-восточный вѣтеръ, и несмотря на хорошо поддерживаемый огонь и теплая покрывала изъ оленыхъ и медвѣжихъ шкуръ, сдѣлалъ ходь столь чувствительнымъ, что нѣсколько разъ принуждены мы были вставать, прыгать и бѣгать вокругъ нашего жилища, чтобы нѣсколько согрѣться. Особенно г. Козыминъ жаловался поутру, что ноги у него необыкновенно мерзнутъ. Мы посовѣтовали ему перемѣнить чулки и сапоги, и когда онъ снялъ сапоги, то съ ужасомъ уви-

дѣли мы, что чулки у него примерзли къ ногамъ. Весьма осторожно сняли мы чулки, и нашли, что они были покрыты ледянымъ слоемъ, почти въ одну линію толщины; къ счастью, ноги еще не были отморожены и мы скоро оттерли ихъ водкою. Сей опытъ у说服илъ насть въ необходимости всегда перемѣнить и содер-жать сухою нашу обувь, потому что всякая сырость, внѣшняя и отъ собственной испарины, при большомъ морозѣ имѣть самая ги-бельные слѣдствія. Въ полдень, находясь на $1\frac{1}{4}$ версты къ съверу отъ низменнаго берега, опредѣли мы $69^{\circ} 30' 28''$ широты, а счи-слимая долгота была $166^{\circ} 24'$; склоненіе магнит-ной стрѣлки $17\frac{1}{2}^{\circ}$ восточн.

Усиливавшійся холодъ и рѣзкій вѣтеръ чрез-вычайно затруднили нашу ъзду. Проводники принуждены были надѣть собакамъ на ноги родъ сапоговъ, а болѣе чувствительныя, менѣе прочихъ покрытыя волосами и замерзанію подверженныя части тѣла ихъ завернуть лоскутками шкуръ. Это значительно препятствовало бѣгу собакъ, тѣмъ болѣе, что слишкомъ сильный морозъ сдѣлалъ снѣгъ рыхлымъ и полозья нартъ не могли такъ легко скользить по немъ, какъ скользили досель. Сего дня (27 Февраля) не могли мы проѣхать болѣе 26 верстъ и остановились на ночлегъ близъ устья довольно значительной рѣки, въ верховьяхъ у прибрежныхъ жителей Малаго Аниоя извѣстной подъ именемъ Большой Баранихи. Какъ здѣсь, такъ и на всемъ протяженіи низменнаго

берега, вдоль которого мы сегодня въехали, лежитъ великолѣкое множество наноснаго лѣса. Къ югу и юго-западу отъ нашего ночлега показывались въ нѣкоторомъ отдаленіи горы, простиравшіяся до восточнаго берега рѣки. Самый берегъ обрат зуетъ здѣсь значительную бухту, обращенную къ сѣверу, и подымаясь мало по маку на востокъ, достигаетъ 6 сажень высоты.

Прямо къ сѣверу отъ насъ, на морѣ, показывалась бѣлая полоса, имѣвшая по видимому параллельное съ берегомъ направлѣніе; въ послѣдствіи нашли мы, что то было ни что иное, какъ большия торосы *, поднявшіяся надъ поверхностью моря; издали, по своему разнообразному устроенію, часто давали они поводъ къ ошибочнымъ заключеніямъ о существованіи земель и береговъ.

Во время ночи взялъ я нѣсколько разстояній между луною и Поллуксомъ, которыхъ не могъ однажды употребить для опредѣленія длины, потому, что когда хотѣлъ я, съ помошью искусственаго ртутнаго горизонта, взять нѣсколько высоты Капеллы и опредѣлить истинное время, то нашелъ, что на поверхности ртути образовались кристалы, отъ чего она хотя и не замерзла, но сдѣ-

* Торосами называются на сѣверныхъ берегахъ Сибири болѣшія неправильнаго образованія громады льда, которые на Ледовитомъ морѣ, подобно скаламъ, подымается на высоту до 100 футовъ надъ плоскую лединную поверхность и весьма затрудняютъ путь, а иногда дѣлаютъ ее и воду невозможной.

лялась столь неровною, что я принужденъ былъ прекратить мои наблюденія.

Вообще сильный холодъ частѣ затруднялъ наши астрономическія наблюденія. Особенно съ секстанами дѣлали мы болѣзенные опыты, и въ послѣдствіи принуждены были чѣмъ нибудь обвертывать тѣ части инструментовъ, которыя должны были касаться пальцами или лицомъ; потому что въ противномъ случаѣ кожа тотчасъ промерзала къ металлу. Так же въ продолженіе всего наблюденія, а особенно при счианьи градусовъ на дугѣ, надобно было удерживать дыханіе, а иначе стекла и зеркала мгновенно покрывались тонкимъ слоемъ льда, или иное, что происходило даже отъ одной испаринѣ нашего тѣла. Не смотря на то, мало по малу, достигли мы такой ловкости, что производили наши наблюденія при 30° мороза, и ночью, при тускломъ свѣтѣ маленькаго ручнаго фонаря, съ достаточною точностью сосчитывали на дугѣ секстана градусы, минуты и секунды.

На хронометры также простерлось вліяніе холода; они сами собой остановились. Опасаясь этого носилъ я ихъ днемъ при себѣ, а на ночь всегда пряталъ въ обвернутый иѣсколькими шкурками ящики, который клалъ съ собою подъ одвяло. Не смотря на мои предосторожности, вѣроятно, ночью, когда огонь потухъ въ нашей палаткѣ, холодъ, проникнувъ черезъ всѣ обвертки, занорозилъ масло, между колесами находившееся, и остановилъ ихъ движеніе.

Февраля 28-го, по утру, было 27° холода, а вечеромъ $25\frac{1}{2}^{\circ}$, съ свѣжимъ SW вѣтромъ, который былъ намъ попутный, а потому и неслишкомъ насъ затруднялъ. Воздухъ былъ пасмуренъ и туманенъ, такъ, что мы едва могли отличать берегъ, вдоль которого тѣхали, направляя нашъ путь на лежащій передъ нами высокій мысъ, показывавшій сквозь туманъ. Здѣсь, подъ защищою довольно крутаго и обрывистаго землянаго уступа (яра), остановились мы на ночлегъ, проѣхавъ сегодня, по причинѣ рыхлаго снѣга, не болѣе 27 верстъ. Желая согрѣться, взлѣзли мы на гору, и нашли тамъ нѣсколько бревенъ, оленыхъ рогъ, углей и другихъ признаковъ, что на семъ мѣстѣ находилась нѣкогда юрта, или другое тому подобное жилище. Къ вечеру атмосфера нѣсколько прояснилась, такъ, что г. Козьмину удалось взять нѣсколько разстояній между солнцемъ и луною, которые показали, что нашъ ночлегъ лежалъ подъ $167^{\circ} 43'$ долготы. Полуночная высота луны дала намъ $69^{\circ} 38' 24''$ широты. Здѣсь устроили мы третью сайбу для провианта.

Ночью одна изъ нашихъ собакъ подняла сильный лай. Мы всѣ бросились изъ палатки, но ничего не могли разсмотретьъ. Наши проводники увѣряли, что собаки чуяли близость Чукчей, и боясь внезапнаго нападенія, всю ночь не могли сомкнуть глазъ.

На слѣдующее утро (1 Марта) продолжали мы путь. Термометръ цѣлый день показывалъ болѣе

25°. Легкій NW вѣтеръ, разогнавъ облака, очистилъ атмосферу. Въ полдень опредѣлили мы 69° 42' 48" широты; склоненіе магнитной стрѣлки было 18 $\frac{1}{2}$ ° восточное.

Берегъ, направляясь здѣсь на NNO, образуетъ уступъ (яръ), подымающійся на 5 и болѣе саженъ надъ поверхностью моря. На берегу нашли мы недавно оставленную Чукотскую хижину, вокругъ которой ясно видны были слѣды саней, мѣста, гдѣ горѣли огни, и проч. Хотя я и не раздѣлялъ боязни нашихъ проводниковъ (они хотѣли было тотчасъ возвратиться назадъ), но призналъ за нужное ставить на ночь у нашей палатки караульного.

На разстояніи 3 $\frac{1}{2}$ верстъ отъ мѣста полуденного наблюденія широты встрѣтили мы довольно значительное, открытое къ сѣверу углубленіе въ берегу, стороны, котораго казалось, соединялись въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи, а потому мы и приняли сіе углубленіе за бухту, или маленькой заливъ. Но въ слѣдующіе годы, по ближайшемъ наблюденіи, мы нашли, что то былъ проливъ, названный Шалауровымъ *Собадей*, отдѣляющій островъ сего имени отъ твердой земли. Мы направили путь по сему проливу и на срединѣ длины его нашли нѣсколько Чукотскихъ хижинъ, довольно тщательно выстроенныхъ изъ наноснаго лиственичнаго лѣса; наловішій снѣгъ покрылъ слѣды саней и отнялъ у насъ возможность узнать направленіе, по которому поѣхали Чукчи. На сѣверномъ концѣ про-

ливъ $5\frac{1}{2}$ верстъ ширины, но она однажды привѣтно суживается на противоположномъ концѣ. Берегъ твердой земли плоскій, а къ востоку становится холмистъ. Берегъ острова Собадея, напротивъ, крутой и обрывистый, возвышается на 20 и больше сажень. Подъ защитою сего уступа расположились мы ночлегомъ, проѣхавъ сегодня 23 версты. По полуночной высотѣ луны опредѣлили мы широту нашего ночлега въ $69^{\circ} 48' 46''$ и $168^{\circ} 4'$ долготы, по разстоянію луны отъ Алдебарана. Здесь снова нашли мы следы Чукчей. Съ вершины близлежащаго холма видѣли вдали обширную тундру.

Сегодня на дорогѣ былъ намъ случай наблюдать совершенно новый, замѣчательный феноменъ: на NO горизонте показалось совершенно отдѣльное, темно-сѣраго цвета облако, изъ котораго, по направленію зенита, протягивались блестящіе лучи къ противоположной части неба и давали явленію сходство съ сѣвернымъ сіяніемъ. Не могу утверждать, чтобы сіи лучи, подобно лучамъ сѣверного сіянія, имѣли свѣтъ, потому, что явленіе, продолжавшееся съ полчаса, наблюдали мы днемъ, когда свѣтъ лучей не можетъ быть замѣтенъ при сильномъ сіяніи солнца. Казацкій сотникъ Татариновъ, бывшій уже прежде въ сихъ странахъ съ Геденштромомъ, уверялъ, что видимое нами темное облако было ни что иное, какъ поднявшіяся, но еще не разсѣявшіяся испаренія изъ внезапно происшедшихъ во льду тре-

ніанъ, или отверзтій (полыній). Если принять такое предположеніе, то бѣловатые лучи образовывалъ тотъ же паръ, мало по малу раздѣляющійся и освѣщаемый солнцемъ. Вечеромъ наблюдали мы на горизонтѣ съверное сіяніе, которое занимало все протяженіе отъ NO до NW, и поперемѣнно, то являлось, то пропадало.

На слѣдующее утро (2-го Марта), при ясной погодѣ и 27° холода, едва отъѣхали мы отъ нашего ючлага, какъ г. Козьмину показалось, будто онъ видѣть землю. Мы остановились и тотчасъ взлѣзли на высокій берегъ, откуда ясно увидѣли, что минувшую землю составляли груды льда (тросы), нагроможденныя на краю необозримой полыни. Въ полдень опредѣлили мы широту $69^{\circ} 52' 6''$. Около двухъ верстъ на NNO отъ сего пункта прекращаются высокіе крутыя берега и земля является снова плоскою. Сему мѣсту, вѣроятно, даль лейтенантъ Лаптевъ названіе Пещанаго мыса, хотя здѣсь собственно не замѣтно никакого мыса, потому, что берегъ нечувствительно направляется отъ NO къ O, не образуя значительнаго углубленія въ море.

Мѣсто, гдѣ прекращается возвышенный и начинается плоскій берегъ, лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ $69^{\circ} 52' 1''$ широты и $168^{\circ} 00'$ долготы, на востокъ отъ Гринвича. Отсюдаѣхали мы, то по морю, то по землѣ. Берегъ здѣсь почти нисколько не возвышается надъ моремъ и, вѣроятно, лѣтомъ, онъ, и весь рядъ

параллельно съ нимъ идущихъ, иносивыхъ пещаныхъ холмовъ, покрываются водою.

Долго и напрасно искали мы иносиваго лѣса, который вообще къ востоку отъ пролива Собадея рѣдко встрѣчается; наконецъ нашли на берегу не сколько бревенъ, но онъ были сюда, вѣроятно, перетащены Чукчами, слѣды коихъ ясно видѣли мы по всей окрестности. Сегодня проѣхали мы уже 25 верстъ, и я рѣшился здѣсь переночевать. Мы выстроили четвертую сайбу и отослали въ Нижне - Колымскъ послѣднія провіантскія нарты. Такимъ образомъ съ вами остались только три дорожныя нарты, на которыхъ, кромѣ меня и г. Козьмина, находились для управлѣнія собаками три казака. По высотѣ луны опредѣлили мы здѣсь широту въ $69^{\circ} 57' 42''$, а долгота, по нашему исчисленію и по пеленгамъ, была $168^{\circ} 41'$.

Вечеромъ наблюдали мы прекраснѣйшее съверное сіяніе. Небо было чисто и безоблачно; звѣзды блестали яркимъ арктическимъ свѣтомъ. При легкомъ NO вѣтрѣ поднялся отъ NNO огромный свѣтящійся столбъ, и лучи его, подобно широкимъ пламеннымъ полосамъ, разливались на небѣ по направленію вѣтра, безпрестанно перемѣняясь и, казалось, приближаясь къ намъ. Судя по скорости, съ какою свѣтлые лучи пробѣгали пространство горизонта до нашего зенита, менѣе нежели въ 2 секунды, полагали мы, что съверное сіяніе было къ землѣ ближе обыкно-

венной высоты облаковъ. Въ продолженіе явленія не замѣтили мы никакой перемѣны на магнитной стрѣлкѣ компаса, что, конечно, приписать должно грубому его устроенію.

Наши казаки уже нѣсколько разъ просили дать собакамъ отдохнуть и собраться съ силами; по ихъ новой просьбѣ о томъ, рѣшился я остаться еще одинъ день здѣсь (3-го Марта). Отдыхъ былъ благодѣтеленъ для собакъ, но для насъ несносенъ. Мы расположились на совершенно открытой, ни чѣмъ не защищенной равнинѣ, гдѣ, при 25° и 29° мороза, съ рѣзкимъ NO вѣтромъ, у насъ было такою скучный запасъ дровъ, что мы могли только кипятить чай и супъ, а остальное время проводили безъ огня. Къ тому присоединилась еще мучительная неизвѣстность объ успѣхѣ нашей поѣздки и настоящемъ положеніи предъ ма ея, Шелагского мыса. Наши малые запасы не позволяли намъ предпринять безопасный, хотя и дальнѣйшій путь вдоль берега, имѣющаго здѣсь почти южное направление. На морѣ, прямо передъ нами, лежали высокіе ледяные холмы и заграждали намъ совершенно видъ вдалъ, а какъ истинное положеніе Шелагского мыса не было еще опредѣлено, то въ отысканіи его мы потеряли бы много времени, чего, при недостаткѣ въ сѣстныхъ припасахъ, должно было всячески избѣгать. Мы были въ нерѣшимости, что предпринять, когда при закатѣ солнца замѣтили на восточномъ краю горизонта два довольно значительные холма, при-

нятые нами сначала за одни, изверная вершина коихъ лежала отъ насъ №№ 0°/40°. Наші проводники были уверены, что мы нашли землю, которой искали, и радовались, что открытие ея удалить насъ отъ соседства Чукчей, ибо они все еще иль болели. Нетерпеливо ожидали мы развязта, надѣясь, что сіи два холма составляютъ Шелавской мысъ, предметъ поисковъ бесскращнаго Шалзурова:

Рано по утру, 4-го марта, небо покрыто было облаками; слабый SO виттерь нагонилъ снегъ; термометръ показывалъ $13\frac{1}{2}^{\circ}$ (вечеромъ 18°). Мы весьма радовались такой умѣренной температурѣ; послѣ сильныхъ морозовъ, она казалась намъ даже теплую; наши проводники уверяли, что въ здѣшнихъ краяхъ никогда не бываетъ холода, и завидовали счастію Чукчей, живущимъ въ столь теплой климатѣ.

Мы шли по крѣпко-смѣрзшему снегу, то между ледяными громадами, то черезъ нихъ, стараясь во возможности направлять путь налево прямо на видныя горы. Но вскорѣ мы увѣрились, что они были отъ насъ гораздо дальше, нежели намъ казалось. Наступающій сумерки и усталость нашихъ собакъ, пробуждавшихъ сегодня, по крайней мѣрѣ, 61 версту, принудили меня остановиться на ночлегъ между торосами. Здѣсь занѣтили мы, что нашъ искимый островъ былъ мысъ, на которомъ недымались три куполовидные горы; восточная изъ нихъ казалась выше прочихъ. Къ югу отъ сихъ горъ тянется

редь холмовъ, обставленныхъ по скатамъ такими же каменными громадами, какія замѣтили мы при Барановомъ. Камы; воображеніе нашихъ боязливыхъ проводниковъ видѣло въ сихъ обломкахъ скаль и утесовъ большой лагерь Чукчей, готовившихся къ битвѣ съ пришельцами.

Съ вершинъ льдины (въ 5 сажень высоты), подъ которой разбили мы палатку, показалось ямъ вдали открытое море, отражавшее въ прозрачной водѣ черныя скалы и утесы берега, принимающего цами за Шелагскій мысъ. Чрезъ нѣсколько минутъ открытое море перемѣнилось въ гладкую ледину равнину. Съ такою же быстротою покрылась она множествомъ неровностей и возвышеній, а потомъ на всемъ пространствѣ появились большія плавающія льдины самыхъ разнообразныхъ видовъ. При нѣсколько перемѣнившемся положеніи солнца, онъ въ свою очередь исчезли, и мы ясно увидѣли необозримую, до краевъ горизонта простиравшуюся стѣну огромнѣйшихъ торосовъ. По причинѣ сильнаго преломленія лучей на Ледовитомъ морѣ, подобные оптическіе обманы и превращенія весьма обыкновенны, и вѣроятно, не разъ подавали они путешественникамъ поводъ къ ложнымъ заключеніямъ о существованіи острововъ, береговъ и мысовъ.

Нашъ древянной зайасъ совершенно истощился, и для разведенія малаго огня, чтобы сварить себѣ супъ, принуждены мы были пожертвовать тремя шестами палатки и парою запасныхъ санныхъ полозьевъ: Къ счастью, и на слѣдующій день (5 Мар-

та) продолжался SO вътерь, который и въ Нижне-Колымскъ приносить теплую погоду; термометръ показывалъ не болѣе 18°, и мы переносили такой холодъ безъ огня.

Проѣхавъ около 30 вѣрстъ между высокими торосами, и перебравшись съ величайшимъ трудомъ черезъ острогранную льдистую стѣну, достигли мы наконецъ съверо-западной оконечности Шелагского носа. Путь около него превознѣль трудностями и опасностью все досель нами испытанное. Часто принуждены были мы карабкаться на крутыя, въ 90 футовъ вышиною ледяныя горы, и съ такой вышины спускаться по крутизѣ, находясь каждую минуту въ опасности переломать сани, задавить собакъ, или низвергнуться вмѣсть съ ними въ ледяную пропасть. Иногда должны мы были пробираться по большимъ пространствамъ, проваливаясь по поясъ въ рыхлый, наносный сиѣгъ; иногда встречали мы между торосами непокрытый сиѣгомъ мѣста, усыпанныя острыми кристаллами морской соли, отдиравшими ледъ съ полозьевъ нартъ и дотого затруднявшими Ѣзду, что мы должны были сами запрягаться, и вмѣсть съ собаками, съ величайшими усилиями, тянуть сани, чтобы не осталиться на дорогѣ. Нагроможденные одна на другую льдины заслоняли намъ мысъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы приближались къ берегу, состоялъ онъ изъ черной, плотной и блестящей, неизвѣстной мнѣ каменной породы, и являлся въ видѣ правильныхъ, наклонно лежащихъ столбовъ,

до 250 футовъ вышиною, между которыми кой гдѣ проглядывали, въ нѣсколько сажень ширины, полосы бѣлаго мелко-зернистаго гранита. Мрачные черные утесы, вѣками нагроможденные, никогда нерастаявашія ледяныя горы, необозримое, вѣчнымъ льдомъ скованное море, все освѣщенное слабыми, скользящими лучами едва поднимавшагося надъ горизонтомъ полярного солнца, совершенное отсутствіе всего живущаго и ничѣмъ непрерываемая могильная тишина, представляли намъ картину, какъ будто мертвай природы, которой описать невозможно. Казалось, мы достигли предѣловъ живаго творенія.

Продолжая, съ неимовѣрными усилиями, нашъ путь въ теченіе пяти часовъ, и пройдя около 9 верстъ, мы и наши собаки такъ измучились, что принуждены были остановиться. Для ночлега выбрали мы маленькую бухту, низменный и пещаный берегъ которой, постепенно возвышаясь, сливался въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи съ цѣпью холмовъ, соединенныхъ съ главными горами Шелагскаго мыса, возвышавшагося болѣе нежели на 3000 футовъ надъ поверхностью моря.

Къ великой радости, мы нашли здѣсь нѣсколько наноснаго лѣса (впрочемъ только сосноваго). По видимому, онъ очень давно лежалъ здѣсь. Мы тотчасъ развели большой огонь и спѣшили, послѣ долгаго времени, опять согрѣться и высушить, или, по крайней мѣрѣ, оттаить нашу одежду. Казалось, Чукчи посыпали сей

край; мы нашли здесь большую кучу китовыхъ ребрь, мѣсто, где недавно былъ разложенъ огонь, и недалеко оттуда большое бревно, вертикально врытое въ землю, такъ, что не болѣе трехъ футовъ торчало оно надъ поверхностию. При ярко сияющемъ огнѣ, мы провели очень пріятную ночь и собрали столько силы и тепла, что на другой день (6 Марта) 19° мороза, съ вѣтромъ и мятелью, казались намъ менѣе ощущительны.

Наши запасы приходили къ концу и могли достать еще дня на три неболѣе, и какъ мы не были увѣрены, что найдемъ въ цѣлости оставленные нами складки провіанта, то я колебался: тѣхать ли далѣе, или возвратиться назадъ? Наконецъ рѣшился я продолжать путь, съ тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, опредѣлить истинное направленіе сей части берега, по известному мнѣнію Бурнея, составляющей перешеекъ, связывающій будто бы Азію съ Америкою. Я выбралъ самыхъ надежныхъ, сильныхъ собакъ, и на двухъ разгруженныхъ нартахъ поѣхалъ далѣе; третья нарта, съ остаткомъ нашихъ запасовъ, осталась на мѣстѣ ночлега, подъ охраненіемъ казака; зная языкъ Чукчей, онъ могъ, въ случаѣ необходимости, съ ними объясняться.

Къ счастію, мы нашли узкую полосу твердаго и гладкаго льда, и тѣхали по ней очень скоро вдоль берега, кромѣ немногихъ незначительныхъ уклоненій, направляющагося прямо на SO 80°, и состоящаго изъ утесовъ, углами упирающихся въ море; изрѣдка попадается на дѣ

плоскій, пещаный берегъ. Скалы сіи состоять изъ той же черной породы и чернаго шифера, какъ прежде наши видѣнныя. Въ 17 верстахъ отъ нашего ночлега взялъ я полуденную высоту солнца и опредѣлилъ широту $70^{\circ} 03' 24''$. Около 12 верстъ далѣе скалы исчезаютъ и горы удаляются отъ берега, который сплошь становитъся дресвянымъ. Съ вершины горы, близъ берега лежащей, замѣтили мы, на разстояніи 24 миль къ SO 48° , далеко вдавшійся въ море мысъ, который назвалъ я, по имени моего ревностнаго сотрудника въ экспедиціи, мысомъ Козьмина. Къ съверу и NO отъ насть, кроме пространныхъ, болѣе или менѣе гладкихъ, ледяныхъ полей, не представлялось намъ никакого замѣчательнаго предмета. Отъ конца черныхъ скалъ до мыса Козьмина плоскій и дресвяній берегъ образуетъ легкій изгибъ, приближаясь къ подошвѣ горъ, отстоящихъ довольно далеко отъ берега. У мыса впадаетъ въ море маленький ручей, которому дали мы название *Поворотнаго*. И здѣсь нашли мы слѣды Чукчей, а именно большую яму, наполненную китовыми ребрами и угольями. Судя по огромнымъ, подъ берега стоящимъ льдинамъ, должно думать, что море здѣсь очень глубоко, и какъ берегъ не представляетъ никакихъ заливовъ, или углубленій, то плаваніе по сей части моря должно быть опасно, ибо суда не имѣютъ никакой защиты отъ напора льдовъ.

При совершенномъ недостаткѣ всякаго рода припасовъ не было возможности продолжать путь;

и принужденъ бытъ обратитися отсюда назадъ, довольствуясь на сей разъ открытиемъ, что берегъ Азіи, миль на 40 къ востоку отъ Шелагского мыса, имѣть юго-восточное направление. Мы обозначили предъѣзъ нашей поездки пирамидою, сложенною изъ большихъ камней, недалеко отъ устья ручья, на довольно значительномъ холмѣ, и опредѣлили его положеніе въ $70^{\circ} 00' 37''$ съверн. широты и $171^{\circ} 47'$ долготы къ востоку отъ Гринвича. Пирамида сія отстоитъ отъ Сухарного на 418 верстъ. *

Возвратный путь бытъ также незатруднителенъ, и поздно вечеромъ достигли мы палатки нашей на Шелагскомъ мысѣ, гдѣ остававшійся казакъ, желая оставить послѣ насъ какой нибудь памятникъ, занимался сколачиваніемъ большаго креста изъ двухъ бревенъ. Мы помогли окончить ему работу, выжгли на крестѣ годъ, мѣсяцъ и день нашего здѣсь пребыванія, и поставили его на высочайшемъ изъ сосѣднихъ утесовъ. На другой день (7 Марта), при 28° мороза, рѣзкомъ вѣтре и вьюгѣ, начали мы обратный путь. Для изѣжанія затруднительного и для нашихъ саней опаснаго перѣзда черезъ торосы, рѣшился я вхать по твердой землѣ, чрезъ низкіе холмы, къ WSW отъ нась лежащіе. Симъ путемъ уда-

* Не привожу точнѣйшаго опредѣленія географическаго положенія Шелагского мыса, ни другихъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ берега, потому, что все это помѣщено будуть въ новѣствованіи о путешествіяхъ по льду, предпринятыхъ нами въ слѣдующіе годы.

мось имъ миновать тереса и выйти на гладкую поверхность моря. Вероятно, это самый толь волокъ, по которому, въ 1700 году, купець Тарасъ Стадухинъ, отправившися изъ Нижне-Колымска къ востоку водою на кочѣ, возвратился назадъ, видя невозможности обойти мысъ, * названный иль Великимъ Чукотскимъ, но въ посредствіи получившій название Шелагскаго.

Мы следовали почти въ южномъ направленіи вдоль по берегу, крутыя, обрывистыя скалы ко тораго мало по малу превращаются въ плоскіе округленные холмы, за коими однажды, въ нѣкоторомъ отдаленіи, видна цѣль крутыхъ, острозверхихъ горъ. Отъѣхавъ верстъ 25 отъ Стадухинского волока, расположились мы на ночлегъ на дресвянномъ берегѣ залива, обращеннаго на востокъ, и нашли здѣсь множество наноснаго льса. Надобно замѣтить, что онъ состоялъ исключительно изъ толстыхъ лиственичныхъ стволовъ, когда до сихъ поръ мы не встречали другихъ древесныхъ породъ, кромѣ сосенъ. При легкомъ западномъ вѣтре, по утру было 30° холода, а вечеромъ 27° .

Проехавъ $10\frac{1}{2}$ верстъ, находились мы, на расстояніи $4\frac{1}{2}$ верстъ, почти на параллели мыса, довольно тупымъ угломъ выдающагося въ море и образующаго небольшой заливъ; мысъ сей называлъ и по имени г. Матюшкина. Онъ замѣтно-

* См. глава I, стр. 23.

день особенно по высокой, лежащей на немъ горѣ, называемой Чукчами *Раутанъ*, отъ которой внутренняя цѣнь горъ принимаетъ SO направление. Здѣсь опредѣли мы, по полуденной высотѣ солнца, $69^{\circ} 44' 43''$ широты, и по полу值得一їи тени склоненіе магнитной стрѣлки 18° восточное. Мысъ Матюшкина лежитъ подъ $69^{\circ} 43' 50''$ широты и $170^{\circ} 47'$ долготы отъ Гринви-ча. Въ разстояніи $3\frac{1}{2}$ верстъ отъ него, между WNW и SW, плоскій островъ, называемый Чукчами *Араутанъ*, отдѣленный отъ твердой земли едва замѣтнымъ проливомъ. Мы обогнули южную сторону острова и направили путь на западъ, черезъ Чайный заливъ. Пробѣхавъ 25 верстъ, достигли мы низкихъ береговъ острова Собадея, и еще 7 верстъ хали вдоль берега, прежде нежели могли найти нѣсколько наноснаго льса. Здѣсь разбили мы для ночлега палатку, подъ защитою невысокаго землянаго уступа. Сильная, продолжительная выюга и наступившая темнота препятствовали намъ съ точностю опредѣлить изгибы берега. Цѣлый день, 8 Марта, холодъ былъ чрезвычайно рѣзокъ и чувствителенъ.

Марта 9-го продолжали мы путь вдоль берега острова Собадея на N и NO, направляясь къ тому мѣсту, где устроили 2-го Марта четвертую сайдбу, которую, поздно вечеромъ, начали въ совершенней цѣлости, что было намъ весьма прѣятно, ибо наканунѣ издержали мы уже весь остатокъ нашихъ запасовъ. Въ послѣдствіи не

были такъ счастливы. Отъ остальныхъ трехъ сайбъ остались только рыбы кости; вѣроятно, несмотря на предосторожности наши, песцы и расомахи, которые здѣсь во множествѣ водятся, нашли доступъ къ нашимъ запасамъ и все истребили, какъ, нашъ провіантъ, такъ и кормъ солбачій. Наши запасы вышли, и несмотря на бѣражливость, съ какою дѣли мы найденную въ одной сайбѣ поклажу, принуждены мы были два послѣдніе дня оставаться безъ пищи. Я утѣшалъ моихъ товарищѣй, увѣряя, что въ слѣдствіе сдѣланнаго мною передъ отѣзгомъ распоряженія, на Сухарномъ островѣ ожидаются настѣ нарты съ новыми собаками и провіантомъ; но моя надежда не сбылась, и мы принуждены были, томясь голодомъ, продолжать путь на обезсѣженныхъ и измученныхъ собакахъ.

Марта 14-го прибыли мы наконецъ, послѣ 23-хъ дневнаго отсутствія, проѣхавъ всего до 1122 верстъ, въ Нижне-Колымскъ, гдѣ въ полномъ смыслѣ наслаждались пріятностями топленой комнаты и порядочно свареной пищи. Здѣсь нашли мы доктора Кибера, который еще 20-го Фе-

* Причиною тому былъ поздній прїездъ окружнаго Комисара изъ Средне-Колымска, Купцы, отправившіеся въ Острогозъ на ярмарку, должны были на Анюв долго ожидать его, а потому собаки ихъ возвратились только 20-го Марта, когда по моему разчету не позже 10 Марта, могли онѣ уже быть въ Сухарномъ, гдѣ два днія отдыха и хороший кормъ совершили ихъ оправданіе. Такое позднѣе возвращеніе собакъ, которыхъ мы хотѣли употребить для нашего втораго путешествія по льду, значительное замедлило нашъ отѣзгъ.

врачи прибыль изъ Иркутска; но, къ сожалѣнію, загруженная зимняя дорога такъ извредила его здоровью, что во второмъ путешествіи по льду онъ не могъ участвовать.

Марта 19-го возвратился г. Матюшкинъ изъ Островнаго, гдѣ онъ съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ данное ему порученіе. Чукотскіе старшины съ удовольствіемъ и благодарностію приняли привезенные имъ подарки, и уверяли, что мы встрѣтимъ самый дружескій приемъ, если посетимъ ихъ страну и жилища. О земль, которая будто бы видна въ морѣ съ береговъ, никто изъ Чукчей не зналъ.

Цѣлью путешествія г. Матюшкина было, какъ я уже сказаль, предупрежденіе недовѣрчивыхъ Чукчей о нашемъ достоиніи и опытѣ приобрѣсти ихъ расположеніе предварительными подарками и указаніемъ тѣхъ выгодъ, какія могутъ они извлечь изъ дружелюбныхъ сношеній и торговли съ Русскими. Хотя отзывы Чукчей дѣлали невѣроятнымъ открытие земли, которая по предположеніямъ видна съ ихъ береговъ, но путешествіе г. Матюшкина тѣмъ занимательно, что знакомить насть, изъ многикъ южевыхъ племенъ, живущихъ подъ склономъ Россіи, именно съ такимъ народомъ, о которомъ до сихъ поръ было только известно, что онъ обитаетъ по сѣверовосточнымъ берегамъ Ледовитаго моря, въ странѣ, климатъ которой можетъ устрашить самаго страстнаго и неутомимаго путешественника.

Мы тотчасъ начали приготавляться ко второму путешествію по льду, но прежде нежели приступлю я къ описанію его, для соблюденія порядка времени и полноты предмета неизлишнимъ будеть представить краткое извлеченіе изъ отчета г-на Матюшкина о посвѣщеніи Островенской ярмарки.

ГЛАВА VII.

Отчетъ г-на Матюнина о поездкѣ въ избичко Островное и
таможній ярмаркѣ. Запечатлія о встреченныхъ Чукчахъ и о
шаманахъ.

Марта 4-го отправились мы, на двухъ нартахъ, изъ Нижне-Колымска въ Островное. Меня сопровождали казакъ и Якуть, знавшій Чукотскій языкъ, и сверхъ того известный Англайскій пѣшеходъ Кокренъ, который хотѣлъ отправиться изъ Островнаго, съ возвращающимися Чукчами, на Чукотскій Нось, а оттуда перейти въ Америку.

Глубокій снѣгъ, наметенный сильною выюгою огромными грудами, весьма затруднялъъъездъ, такъ что въ первый день, несмотря на всѣ усилия, мы не могли достигнуть поварни, въ 40 верстахъ отъ Нижне-Колымска устроенной. Надобно было провести ночь подъ открытымъ небомъ. Мы вы-

брали для привала высокий берегъ рѣки, защищенный отъ съвернаго вѣтра небольшимъ лѣсомъ. Къ счастію, погода, по здѣшнимъ понятіямъ, была очень тепла (термометръ показывалъ только 8° холода), и мы провели ночь, около большаго костра, очень хорошо.

На другой день, рано по утру, отправились далѣе и вѣхали скоро, по хорошей дорогѣ, проложенной Юкагирами и другими окрестными жителями, которые съ своими товарами (мѣхами и рыбой) спѣшили на ярмарку въ Островное. Мы скоро достигли Малаго, или Сухаго Анюя, и вѣхали къ его вершинѣ (почти прямо на востокъ), стараясь по возможности сокращать прямыми линіями частые изгибы рѣки. По берегамъ ея разсыпаны Юкагирскія селенія и лѣтovья, но теперь дома были пусты, потому что всѣ жители уѣхали на ярмарку. *

Марта 8-го прибыли мы счастливо въ Островное, мѣстечко, величаемое крѣпостью; оно лежитъ въ 250 верстахъ отъ Нижне-Колымска, и устроено на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Анюемъ, подъ 196° 10' долготы и 68° широты. Кромѣ полуразвалившейся часовни Святаго Николая, въ немъ находится до 30-ти домовъ и

* За 40 лѣтъ прежде, ярмарка производилась въ Анадырскомъ и Каменномъ, куда и нынѣ собираются Чукчи и соседнія племена, но тамъ Русскихъ товаровъ обращается не много. Главный торгъ, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, единственно по взаимному согласию торгующихъ, переведенъ въ Островное, которое по положенію своему гораздо удобнѣе для Русскихъ купцовъ.

юриль, въ беспорядкѣ разбросанныхъ. Крѣпость состояла изъ мѣста, общесемицаго заборомъ, съ вѣхкою башнею надъ воротами; въ срединѣ построены двѣ, такъ называемыя, казармы, т. е. хижинны для коммисара съ канцеляриею и со провождающими его казаками; во время ярмарки все строенія мѣстечка набиты людьми и, нелостаточны для вмѣщенія многочисленнѣхъ поститалей, которые, по большей части, живутъ на открытомъ воздухѣ подъ своихъ нартъ и тентовъ. Чукчи разбиваются свои палатки на маленькомъ островѣ, недалеко отъ мѣста торга.

Вся окрестность оживлялась народомъ и дѣятельностью. Картина представляла много странного, но тѣмъ не менѣе была пріятна и, носила на себѣ отпечатокъ оригинальности. Крѣпость и окрестные дома, съ трудомъ вырытые изъ-подъ снѣга, не были большими украшениемъ ландшафта, но вечеромъ, когда всѣ недостатки строеній скрывались, а тускло свѣтящіеся сквозь ледяные стекла огни обличали близость жилья человѣческаго, видъ селенія производилъ весьма пріятное впечатлѣніе. Пылающіе костры, разложеніе подъ возовъ и нартъ, высокіе столбы красноватаго, искристаго дыма, возстающіе изъ Чукотскихъ палатокъ и постепенно исчезающіе на темноголубомъ небосклонѣ, устланномъ ярко-блестящими звѣздами, и перебывающіе по краямъ горизонта красные и зеленовато-белые лучи сѣвернаго сіянія, бросали на окрестность какой-то необыкновенный для непривычнаго глаза светъ. Влади-

раздавались глухие звуки шаманскихъ бубновъ и протяжный пѣсни Сибиряковъ. Новизна такого звучания въ безлюдныхъ пустынныхъ сѣвера имѣла для меня много привлекательнаго; я могъ бы даже восхищаться живою картиной Сибирской жизни, но рѣзкій, въ 30° холода гнать несродившагося съ здѣшнимъ климатомъ къ горячemu чувству, а разноголосный вой чукольскихъ сость сорокъ убивалъ всякое эстетическое расположение.

Въ крѣпости останавливается Комисарь, съ двумя инспекторами и несколькими казаками. На время ярмарки пріѣзжаетъ онъ сюда для собирания податей, надзора за порядкомъ и защиты, въ случаѣ нужды, Русскихъ купцовъ отъ Чукчай. Къ счастью, не бываетъ ссорь между торгующими, а то деревянныя стѣны крѣпости и Комисарь, съ малочисленнымъ, плохо вооруженнымъ гарнизономъ, не были бы въ состояніи ни минуты сопротивляться многочисленной толпѣ воинственныхъ Чукчей. На время ярмарки пріѣзжаетъ изъ Нижне-Колымска и священникъ, привозя съ собою необходимые для священнодѣйствій образа и утварь.

Вместѣ съ нами прибыли въ Острое Рускіе купцы, караваномъ изъ 125-ти вьючныхъ лошадей. Чукчи уже собрались сюда прежде и расположились девятью отдѣльными станами, каждый родоначальникъ съ своими домочадцами особо. Путь сего народа въ Островное довольно замѣчательнъ. Сначала Чукчи переѣзжаютъ съ Чукотскаго Носа въ Америку, и наѣхавъ тамъ ижевъ

и моржовыхъ костей, отправляются въ Островное, съ своими женами, дѣтьми, оружиемъ, товарами, оленями и домами — настоящее переселеніе народовъ въ маломъ видѣ. Выбирая для перехода мѣста, обильныя мохомъ, Чукчи частѣ должны уклоняться отъ прямой дороги и совершаютъ свое путешествіе въ пять и шесть мѣсяцовъ. При переходѣ черезъ степи слѣдуетъ за караваномъ множество саней, нагруженныхъ мохомъ для оленей. На берегахъ Чаунской губы Чукчи перемѣняютъ своихъ утомленныхъ оленей у кочующихъ тамъ племенъ и слѣдуютъ далѣе. Посѣщая по дорогѣ ярмарки въ Анадырскѣ и Каменномъ на р. Ижигѣ, Чукчи приходятъ въ Островное обыкновенно въ концѣ Января, или началѣ Февраля. Здѣсь пробывають они девять или десять дней, и отправляются обратно прежнимъ путемъ. Обыкновенно караванъ ихъ состоять изъ трехъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ 100 и 150 воиновъ. Такъ проводятъ жизнь свою Чукчи въ безпрерывныхъ переходахъ со всемъ имуществомъ и семействами. Каждый караванъ приходитъ въ Островное однажды въ два года; остальное время проводятъ Чукчи въ горахъ и тундрахъ своей родины, занимаясь охотою и приготовленіями къ переходамъ. Тогда пѣреѣжаютъ они на утлыхъ байдарахъ черезъ Беринговъ проливъ, пристаютъ обыкновенно для отдыха къ Гвоздевымъ островамъ, и являются въ Сѣверную Америку для мѣны на мѣха своихъ произведеній и Русскихъ товаровъ. Должно удивляться смѣлости, съ какою

народъ, не имѣя понятія о судоходствѣ, совершаеть на маленькихъ байдарахъ столь большиe переѣзды по бурному и туманному морю.

Впрочемъ, Чукчи составляютъ по настоящему только посредниковъ въ торговлѣ между Русскими и Американцами; собственныхъ своихъ произведеній, кромѣ развѣ оленыхъ шкуръ, пускаютъ они въ оборотъ иеинного. За Американскія произведения, мѣха и моржовые клыки, платить Чукчи, по большей части, табакомъ, желвазомъ, бисеромъ и другими Русскими товарами. При семъ торгъ обѣ стороны, т. е. Чукчи и Русские получаютъ огромныя прибыли. Чукчи вымѣниваютъ у Американцевъ за полпуда листового табаку партію мѣховъ, которую продаютъ за два пуда и на 100 получаютъ 300 процентовъ выгоды, а Русскіе, заплативъ, по большой мѣрѣ, 160 рублей за два пуда табаку, промѣниваютъ его на мѣха, которые, по крайней мѣрѣ, стоять 260 рублей, и выигрываютъ 60 процентовъ.

Мѣха, привозимые Чукчами, состоять главнѣйше изъ черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, песцовъ, куницъ, выдръ и бобровъ; также привозятся медвѣжьи шкуры и моржовые ремни и клыки, что все Чукчи вымѣниваютъ въ Америкѣ. Изъ своихъ произведеній доставляютъ они саниные полозья изъ китовыхъ ребръ, родъ мѣшковъ изъ тюленьей кожи, впрочемъ, довольно грубо отдельянной, и множество всякаго рода готоваго платья изъ оленыхъ шкуръ. Прежде привозили они также каменные топоры, ножи, оружія

и Американскімъ одѣжды, но иные такіе товары худо раскупались, то и исчезли совершенно изъ оборота.

Русскіе товары состоятъ главнѣйше изъ табаку, желѣзныхъ вещей, какъ то: жемчугъ, топоры, ножей, оганивъ, иголь, издной, жестяной, также деревянной посуды и множества разнообразнаго бисера для Американцевъ и женщинъ. Гораздо охотнѣе привозили бы сюда куницы водку и вино, но въ слѣдствіе мудраго и благодѣтельнаго запрещенія Правительства, сіи предметы не являются открыто въ оборотѣ, а, впротивно, только тайно и въ маломъ количествѣ. Чукчи страстны любители горячихъ напитковъ, особенно хлѣбнаго вина, и рады отдать за него лучшіе свои товары. Для Русскихъ потребителей доставляются сюда чай, сахаръ, матеріи, платки, и проч.

Кроиъ Чукчей, собираются въ Островное въ създнія племена изъ-за 1000 и 1500 верстъ. Юкагиры, Ламуты, Тунгусы, Чувашы, Коряки привозятъ сюда многочисленными толпами, частію на собакахъ, частію на лошадяхъ. Всѣ сіи народы привозятъ для мызы собственнаго произведенія, особенно деревянная половы для саней, которыя съ выгодою сбываются Чукчамъ на изѣха. Различнѣе одѣждь, сизюгномъ и прямовъ, приятно разнообразить и оживлять видъ торга.

Февраля 10-го собрались Русскіе купцы и Чукотские старшины въ крѣпость къ Комиссару, прослушать изрѣчения, которыми должны

быть наблюдавы при торгъ, и съ общаго согла-
сія установить таксу товарамъ. Послѣднее не-
обходимо потому, что безъ того безразсудное
корыстолюбіе Русскихъ купцовъ уронило бы не-
изменно цѣну Русскихъ произведеній. Послѣ
многихъ споровъ, на конецъ обѣ стороны едино-
душно положили за два пуда табаку давать 16
лисъихъ и 20 куньихъ мѣховъ; по такому маши-
табу устанавливась цѣна и на прочие товары. Пре-
давшій ниже положенной цѣны обязанъ запла-
тить известную денежную пеню и лишается пра-
ва торговатъ въ томъ году на ярмаркѣ.

Февраля 11-го, когда Комисарь собралъ съ
Чукчей подати, впрочемъ довольно ничтожныя,
за право торговли, совершились въ часовнѣ тор-
жественное богослуженіе и молебствіе * о сча-
стливомъ окончаніи торга, а потомъ подняли
на башнѣ крѣпости флагъ, въ знакъ открытія
ярмарки. Тогда Чукчи, вооруженные копьями и
стрѣлами, въ порядкѣ приближаются къ крѣп-
ости, и на косогорѣ располагаютъ свои сани съ
товарами, въ видѣ полукружія. Рускіе и другіе
посѣтители помѣщаются на противной сторонѣ
и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ колокольного зво-
на, означающаго позволеніе начинать торгъ. Съ
первымъ ударомъ колокола, кажется, какая-то
сверхъ-естественная сила схватываетъ Русскую
сторону и бросаетъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ
и женщинъ, шумною беспорядочною толпою, въ

* Къ сожалѣнію, шаланское богослуженіе Чукчей по сѣму
случаю происходило прежде моего сюда пріезда.

ряды Чукчей. Каждый старается опередить другихъ, спѣшить первый подойти къ санямъ, чтобы захватить тамъ лучшее и сбыть повыгоднѣе свои товары. Особенно ревностью и дѣятельностью отличаются Рускіе. Обвѣшенные топорами, ножами, трубками, бисеромъ и другими товарами, таша въ одной рукѣ тяжелую кладь съ табакомъ, а въ другой желѣзные котлы, купцы перебѣгаютъ отъ однихъ саней къ другимъ, торгуются, клянутся, превозносятъ свои товары, и т. д. Крикъ, шумъ и толкотня выше всякаго описанія. Иной въ торопяхъ оступается и падаетъ въ снѣгъ; другие спѣшать черезъ него; онъ теряетъ шапку, рукавицы, но это не мѣшаетъ; онъ тотчасъ вскаиваетъ, и съ непокрытой головой и голыми руками, не смотря на 30° мороза, бѣжитъ далѣе, стараясь усиленною дѣятельностью вознаградить потерянное время. Странную противоположность съ суетливостью Рускихъ составляютъ спокойствие и неподвижность Чукчей. Они стоять, облокотясь на копья, у саней своихъ, и вовсе не отвѣчаютъ на неистощимое краснорѣчіе противниковъ; * если торгъ кажется имъ выгоднымъ, то молча берутъ они предлагаемые предметы и отдаютъ свои товары. Такое хладнокровіе, и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера Чукчей, даетъ имъ на торгѣ

* На Островенской ярмаркѣ употребляется, можно сказать, свое особенное нарѣчіе, составленное изъ беспорядочной смѣси Русскихъ, Чукотскихъ, Якутскихъ и другихъ словъ. Только на такомъ языкеъ объясняются между собою торгующіе.

большое преимущество передъ Рускими, которые, въ торопяхъ, забывая таксу, отдаютъ вмѣсто одного два фунта табаку, а въ замѣнѣ берутъ не соболя, а куницу, или другой мѣхъ меньшаго достоинства. Здѣсь имѣлъ я случай удивляться вѣриости, съ какою Чукчи, не зная вовсе вѣсовъ, просто рукою отгадываютъ истинную тяжесть предмета, и въ двухъ пудахъ замѣчаютъ недостатокъ двухъ, даже одного фунта.

Торгъ продолжается обыкновенно три дня. Когда всѣ товары разыѣнены, Чукчи начинаютъ обратный путь, а Рускіе и другіе посѣтители ярмарки спѣшатъ въ свои жилища. Мѣстечко снова пустѣеть, и если черезъ нѣсколько дней послѣ торга Сибирская мятель налетитъ на Островное, оно исчезаетъ въ сугробахъ снѣговъ, и только торчащій флагштокъ крѣпости показываетъ путешественнику мѣсто, гдѣ однажды въ годъ устраивается цветущій торговый городъ. Впрочемъ, не смотря на кратковременность срока и ничтожность по-датей, платимыхъ Чукчами, ярмарка сія для Сибири довольно значительна. Обыкновенно цѣнность обращающихся здѣсь товаровъ равняется 200,000 рублей. Черезъ постоянныя сообщенія съ Рускими Чукчи познакомились со многими новыми предметами, которые сдѣмались уже для нихъ необходимыми потребностями, какъ то: табакъ и желѣзо. За позволеніе вымѣнивать сіи предметы у Рускихъ, Чукчи, несмотря на свое отвращеніе отъ всякаго признака зависимости, охотно платятъ положенную подать, впро-

чемъ неслышкомъ обременительную. Въ семъ году она состояла изъ 30 лисьихъ ибховъ. Вероятно, Чукчи постепенно подчинились бы некоторымъ постановленіямъ, платежу ежегодно ясака, и наконецъ вполнѣ покорились бы Россіи, какъ другіе Сибирскіе народы, еслибы здѣшніе Комиссары своимъ поведеніемъ и обращеніемъ умѣли пріобрѣтать довѣренность и уваженіе дикарей. Къ сожалѣнію, случается противное. Боязливость и необдуманность съ одной и низкое корыстолюбіе съ другой стороны вовлекаютъ Комиссаровъ въ самые недостойные поступки, необходимо унижающіе ихъ въ глазахъ Чукчей, которые отъ всѣхъ своихъ сосѣдей отличаются вѣрнымъ, врожденнымъ понятіемъ о правдѣ.

Я воспользовался временемъ ярмарки, стараясь сблизиться съ почетнѣшими старшинами Чукчей и предувѣдомить ихъ о нашемъ намѣреніи и цѣли посѣтить Чукотскую землю. Въ крѣпость собрались: *Макамокъ* и *Леутъ*, старшины съ береговъ залива св. Лаврентія, *Валетка*, скитающейся съ безчисленными стадами оленей въ тундрахъ, прилегающихъ къ Шелагскому мысу, *Эврашка*, кочующій съ своимъ племенемъ на берегахъ Чаунской губы, и многіе другіе. Угостивъ и одаривъ ихъ табакомъ, я объявилъ имъ, что Государь поручилъ намъ осмотрѣть Ледовитое море, съ его берегами, для того, чтобы найти легчайшее средство привозить Чукчамъ на Морабляхъ табакъ, желѣзо и другіе товары. Но какъ при такихъ изслѣдованіяхъ легко можетъ

случиться, что мы принуждены будем приближаться к берегамъ ихъ родины, и даже выходить на землю, то мы надѣемся встрѣтить дружескій приемъ отъ туземцевъ, и обѣщаемъ имъ послѣдовѣй щедро награждать за всѣ оказываемыя намъ услуги. Такое обѣщаніе, кажется, нѣсколько обидило Чукчей, и одинъ изъ нихъ, именно Валетка, между прочими сказалъ: «Развѣ мы не «поданные сына солнца (Императора)? Онь наше «даль это оружіе для общей пользы, а не съ «твѣмъ, чтобы мы употребляли его въ зло, или «вредили нашимъ друзьямъ.» При этихъ словахъ Чукча съ гордостью склонился за серебряную рукоятку кортика, подаренного ему отцу въ маркированіе Императрицы Екатерины II. Въ заключеніе всѣ присутствующіе старичины дали митрополиту и руки, уверяя, что они не только примутъ насъ по дружески, но и употребятъ всѣ зависящія средства для споспѣшествованія нашему памѣренію. Договоръ, къ великому удовольствію моихъ гостей, былъ скрѣпленъ порядочною перцю хлѣбнаго вина.

Переговоры моего сопутника Кокрена не были столь удачны. Выдавая себя за купца, онъ просилъ Чукчей провести его до залива св. Лаврентія для перевѣза оттуда въ Америку, обѣщая имъ за то щедрую награду табакомъ и виномъ. Леутъ вызывался доставить Кокрена къ Магдalenской губѣ въ Іонъ иѣланѣ, но требовалъ въ награду 80 пудовъ табаку; Валетка, напротивъ того, хотѣлъ безвозмездно довезти Англичанина

де своего кочевья на рѣку Верконъ, и оттуда отправить съ родственникомъ на Чукотскій Нось, или въ будущемъ году привезти обратно въ Островное. Леутъ требовалъ цѣну слишкомъ огромную, а безкорыстіе Валетки рождало подозрѣніе. Между тѣмъ Кокренъ, познакомившись нѣсколько съ Чукчами, увидѣлъ, что долгое пребываніе съ ними сопряжено съ безчисленными лишеніями и затрудненіями, не можетъ доставить большаго удовольствія, а при совершенномъ незнаніи ихъ языка будетъ даже безполезно. По симъ причинамъ увѣрившись, что данный ему отъ Губернатора открытый листъ не будетъ болѣе защищено отъ свирѣпости Чукчей, Кокренъ, рѣшился перенести свое намѣреніе и возвратиться въ Нижне-Колымскъ.

Чукчи еще очень мало известны. Немногіе путешественники, посѣтившіе сіи страны, по краткому времени сношений съ жителями и по незнанію туземнаго языка, довольствовались только описаніями одежды, иѣкоторыхъ обычаевъ и богослужебныхъ дѣйствій сего народа. Образъ жизни, внутреннее управление и понятія Чукчей еще не раскрыты, а потому нѣть достаточныхъ данныхъ для составленія точной и вѣрной идеи о характерѣ сего замѣчательного племени. Находясь здѣсь едва нѣсколько дней, я не имѣлъ возможности вопросами ближе познакомиться съ мнѣніями, нравами и обычаями Чукчей. Все вниманіе ихъ было устремлено на предстоявшую передъ ними ярмарку, а потому разговоръ и самыя

мысли болѣе клонились къ торговымъ дѣламъ: Сверхъ того я и несмѣль много распрашивать, потому что сей народъ, по врожденной недовѣрчивости, легко могъ получить подозрѣніе: не имѣли ли мы злаго намѣренія на его свободу? Впрочемъ, по возможности старался я собирать сведения отъ самихъ Чукчей и отъ живущихъ здѣсь Русскихъ. Такимъ образомъ составлены слѣдующія замѣчанія, которыя, при всей неполнотѣ, могутъ служить дополненіемъ существующихъ, и матеріаломъ будущихъ подробнѣйшихъ описаній сего малоизвѣстнаго народа.

Изъ всѣхъ племенъ Сѣверной Азіи, Чукчи вѣнайбольшей чистотѣ сохранили свою народность. Чувствуя собственную слабость, они миролюбиво кочуютъ по тундрамъ, скалаамъ и утесамъ своей родины, предѣлы которой отъ прежнихъ кровопролитныхъ битвъ съ покорителями Сибири значительно сѣнѣлились. Какъ всѣ дикіе, необразованные народы, Чукчи, имѣютъ немногія потребности, легко удовлетворяемыя произведеніями оленевыхъ стадъ, которыя даютъ имъ жилища, одежду, пищу, и все, что требуется для кочевой ихъ жизни. На снѣжныхъ степяхъ своего мрачнаго, льдистаго отечества, подъ легкими палатками изъ оленевыхъ шкуръ, Чукчи почитаютъ себѣ счастливѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, и на нихъ всегда смотрятъ съ сожалѣніемъ. Легко и хладнокровно переносятъ они всѣ недостатки и лишенія, и не завидуютъ другимъ, видя, что за необходи-

мых удобства и удовольствія жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости.

До покоренія Сибири, Чукчи и другія племена Северо-Восточной Азіи, занимаясь разбоями и грабежами, жили въ безпрерывныхъ несогласіяхъ и вѣчной войнѣ съ своими соседями. Первые набѣги Русскихъ значительно ослабили сіи междуусобія и сблизили враждовавшія племена, а наконецъ вторженіе Якутскихъ воеводъ Павлуцкаго и Шестакова, въ 1750 году, побудило всѣ состоянія слабѣйшія племена соединиться совершенно съ Чукчами, и выбравъ военномачтальниковъ, дружно противостоять общему непріятелю. Бой былъ неравенъ. После несколькия пораженій, Чукчи, торжествовавшіе всегда надъ слабѣйшими соседями, лишились высокаго понятія о своей немѣдливости и бѣжали въ неприступныя горы и скалы своего отечества. Побѣдители не могли и не хотѣли сѣдовать за ними, въ землю, не обѣщающую никакого возмагражденія за понесенные труды и опасности.

Русскіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и долго не имѣли никакихъ сношеній съ Чукчами. Наконецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не довѣряя Русскимъ, Чукчи многочисленными, вооруженными толпами выступали только на границы своего отечества, но мало по малу, увѣрившись многолѣтними опыта ми въ миролюбіи своихъ победителей, сдѣлались довѣрчивѣ, и нынѣ, какъ мы видѣли, приходить съ своими женами, дѣтьми и всемъ имуществомъ,

въ Русскія влادѣнія для выгодной обѣмы стороны торговли. Постоянное сообщеніе и обращение съ Русскимъ имѣло выгодное вліяніе на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы ихъ. Нѣть сомнія, что со временемъ, подобно Юкагирамъ, Чувашамъ, Корякамъ, и другимъ народамъ, хотя и горные своею самостоятельностью, Чуки постепенно покорятся и совершиенно сельются съ Рускими.

Многіе Чуки крещены, но это не имѣло никакого дальнѣйшаго вліянія; они остаются крещеными язычниками, не понимая собственно духа и смысла христіанскаго ученія. Большей части Чукчей крещеніе составляетъ только спекуляцію, посредствомъ которой они надѣются получить нѣсколько фунтовъ табаку, медный котелъ и тому подобные подарки. Отъ того нерѣдко случается, что иные добровольно вызываются вторично креститься, и явно выражаютъ свое негодованіе, когда имъ въ томъ отказываютъ. Священникъ, прѣѣзжающій изъ Нижне-Колымска на время ярмарки въ Остроное, обыкновенно находитъ нѣсколькихъ Чукчей и Ламутовъ, которые, въ надеждѣ получить подарки, согласны на крещеніе. При насыть также одинъ молодой Чукча объявилъ, что онъ, за нѣсколько фунтовъ Черкесскаго табаку, желаетъ окреститься. Въ нааначенный день собралось въ часовню множество народа и обрядъ начался. Новообращенный стоялъ смироно и благопристойно, но когда следовало ему окунуться три раза въ купель съ холодного

водою, онъ спокойно покачалъ головой и представилъ множество причинъ, что такое дѣйствіе во все не нужно. Послѣ долгихъ убѣжденій со стороны толмача, при чемъ, вѣроятно, неоднократно упоминался обѣщанный табакъ, Чукча наинецъ рѣшился и съ видимымъ нехотѣніемъ вскочилъ въ купель, но тотчасъ выскочилъ, и дрожа отъ холода, началъ бѣгать по часовнѣ, крича: «Давай табакъ! Мой табакъ!» Никакія убѣжденія не могли принудить Чукчу дождаться окончанія дѣйствія; онъ продолжалъ бѣгать и скакать по часовнѣ, повторяя: «Нѣть! болѣе не хочу, болѣе «не нужно! Давай табакъ.»

Сей случай можетъ служить образчикомъ понятій здѣшнихъ новообращенныхъ о христіанствѣ, которое впрочемъ не можетъ имѣть достаточного вліянія и пользы, даже и потому, что не предшествуется предварительнымъ ученіемъ. Кажется, что самое введеніе христіанства, при единненіи, бродячей жизни, еще невозможнѣмъ болѣе, что священники, по недостаточному знанію языка, не въ состояніи удовлетворительно объяснять основныхъ попытій христіанского ученія. С. Петербургское Библейское Общество перевело на Чукотскій языкъ десять заповѣдей, Отче нашъ, Символъ Вѣры, и если не ошибаюсь, часть Евангелія, напечатало Русскими буквами и прислало сюда, по сей трудъ не можетъ привести большой пользы. Въ грубомъ Чукотскомъ языкѣ недостаетъ словъ для выраженія новыхъ, отвлеченныхъ понятій, а Рускія

бумы не могут передать многихъ звуковъ, и потому, по свидѣтельству священника и почетнѣйшихъ Чукотскихъ старшинъ, переводъ весьма неудовлетворителенъ, а иногда совершенно непонятенъ. Вообще крещеные Чукчи исполняютъ только тѣ христіанскіе обряды, которые не сопряжены съ трудомъ или издержками, и могутъ принести какую нибудь пользу. Такъ, на прим., не смотря на крещеніе, богатые Чукчи имѣютъ по двѣ, по три и болѣе женъ, которыхъ они по произволу берутъ, оставляютъ и мнѣняютъ на нѣкоторое время на другихъ. Не смотря на то, что женщины считаются здѣсь рабынями, судьба ихъ во многихъ отношеніяхъ лучше участіи женщинъ другихъ дикихъ народовъ. Чукча никогда не разлучается съ своею женой, которая легко можетъ заслужить уваженіе своего мужа и нѣрѣдко управляетъ имъ и всѣмъ домомъ.

Вообще нравы и обычаи сего народа суровы и часто свирѣпы. Такъ, на примѣръ, сохранилось у нихъ противоестественное, безчеловѣчное обыкновеніе убивать дѣтей, рождающихся съ физическими недостатками, или слишкомъ слабыми, и старииковъ, которые не въ состояніи переносить трудовъ кочевой жизни. Два года тому, отецъ старшины Валетки, соскуча жизнью и чувствуя себя слабымъ, по собственному настоятельному требованію былъ зарѣзанъ своими ближайшими родственниками, которые при семъ дѣйствіи исполнили, по ихъ мнѣнію, священную обязанность. Не смотря на старанія Пра-

вительства и духовенства, сей ужасный, обычай строго исполнения, поддерживаемый, вероятно, шаманами, которые вообще приобрели большую власть и сильное влияние надъ Чукчами. Каждое племя, каждый караванъ имѣютъ свояхъ, одного или несколькоихъ шамановъ, и иныхъ мнѣніе требуется и исполняется во всякихъ важныхъ случаяхъ. Вотъ примеръ умасной, неограниченной, можно сказать, власти шамановъ: въ 1814-мъ году, между Чукчами, прибывшими въ Острозное, появилась заразительная болѣзнь, распространяясь вскорѣ на всѣхъ и продолжалась, несмотря на все принимаемыя мѣры. Наконецъ, въ общемъ торжественномъ собраниіи, все шаманы объявили, что разгнанные духи тогда только прекратятъ заразу, когда имъ принесется на жертву Коченъ, одинъ изъ почетнейшихъ и богатейшихъ старшинъ. Коченъ былъ такъ уважаемъ и любимъ всѣмъ народомъ, что Чукчи, забывъ свое привычное повиновеніе шаманскимъ изрѣченіямъ, отказались исполнить ихъ. Повѣтре продолжалось; люди и олени гибли, а шаманы, несмотря на подарки, угрозы, можетъ быть и побои, * не соглашались перemptориально приговора. Тогда самъ Коченъ, второй Курцій, собралъ народъ и объявилъ, что онъ убѣдилъ въ непреклонности воли духовъ и рѣшаются для

* Говорить, что иногда пытаются побоями заставить шамана отменить какой нибудь приговоръ, но такое домашнее средство рѣдко удается; по большей части, шаманы остаются непреклонны и темъ заслуживаютъ общее уваженіе.

спасенія своихъ соотечественниковъ добровольно пожертвовать жизнью. Даже и послѣ того любовь къ нему долго боролась съ необходимостью исполнить ужасный приговоръ; никто не рѣшался умертвить жертвы; наконецъ, сынъ Кочена, смягченный просьбами и угрожаемый проклятиемъ, вонзилъ ножъ въ грудь отца и передалъ трупъ его шаманамъ.

Такъ сильно вліяніе шаманства, которое застуپаетъ здѣсь мѣсто религіи и отличается отъ всѣхъ вѣроисповѣданій тѣмъ, что имѣя весьма мало, и то самыхъ темныхъ, сбивчивыхъ преданій, никакихъ догматовъ, или правиль., оно не имѣть, почему ученіе или преподаваніе шаманства невозможнo. То, во что вѣрятъ шаманы и ихъ приверженцы, никѣмъ не выдумано, и не есть твореніе одного человѣка, но рождается въ понятіяхъ каждого отъ созерцанія внѣшнихъ предметовъ, и какъ наружный видъ пустынь Сибири оди-наковъ съ степенью образованія, на которой стоять ея полудикie обитатели,- то и самыя впечатлѣнія вышешия, болѣе или менѣе, сходны между собою. Каждый видѣть и чувствуетъ для себя, но и безъ наружнаго сообщенія существуетъ уже тождество въ вымыслахъ воображенія дикарей, и вѣра одного лица есть вмѣсть съ тѣмъ вѣра и цѣлаго народа. Отъ того, что шаманство есть, такъ сказать, твореніе каждого, и каждому, какъ своя собственность, дорого, по-моему мнѣнію, оно столь долго сохраняется, и не истребится между Сибирскими племенами до тѣхъ

поръ, пока они не выйдут изъ полудикаго состоянія, или не оставятъ тундръ и скаль своего отечества, раждающихъ въ умахъ народа всегда одни и тѣ же впечатлѣнія. Когда кочующія племена получать осѣдлость, и наставленія и примѣръ образованныхъ сосѣдей будутъ постоянно на нихъ дѣйствовать, тогда только можетъ постепенно исчезнуть самосозданная вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ и шамановъ, тогда только можетъ быть съ успѣхомъ введено здѣсь и христіанство:

Обыкновенно, общее мнѣніе называетъ всѣхъ шамановъ грубыми, корыстолюбивыми обманщиками, пляска и кривлянія которыхъ простое притворство. Но по тому, что я имѣль случай видѣть здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ Сибири, сей приговоръ кажется мнѣ слишкомъ строгимъ и неосновательнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ одностороненъ, и относится только къ тѣмъ людямъ, которые подъ именемъ шамановъ переходятъ изъ селенія въ селеніе, и разными, по видимому сверхъ-естественными дѣйствіями, какъ то: безвредныхъ хватаніемъ раскаленаго желѣза, прокалываніемъ руки длинною иголкою, и т. д., удивляютъ простой народъ и выманиваютъ у него деньги. Истинные шаманы не принадлежать къ особой касть и не составляютъ соединеннаго для известной цѣли сословія, но образуются и совершенствуются сами собою. Среди народа раждаются люди съ сильнымъ, легко восплеменяемымъ воображеніемъ; съ малолѣтства слышать отъ стар-

шихъ о злыхъ и добрыхъ духахъ и шаманахъ; видять шамансkie обряды, и неестественныя судорожныя движения, всеобщее уваженіе и самая таинственность сильно поражаютъ юношу. Онъ также начинаетъ стремиться къ необыкновенному, старается достигнуть сообщества съ неземнымъ. Никто не можетъ указать ему къ тому пути; сами шаманы незнаютъ, какимъ образомъ они сдѣлялись шаманами. Изъ самого себя и окружающей его мрачной природы долженъ онъ извлечь познаніе непонятнаго. Уединеніе, одиночество, бдѣніе, постъ, разгорачительные средства напрягаютъ и растроиваютъ его воображеніе. Наконецъ онъ видитъ явленія и духовъ, о которыхъ слышалъ съ малолѣтства. Онъ вѣрить имъ, твердо и безъ всякаго притворства. Тогда посвящаютъ его въ шаманы; торжественно и таинственно, въ тишинѣ ночи, научаютъ его пляскъ и приемамъ на бубнахъ. Но посвященіе не умножаетъ познаній шамана и не производить какой нибудь перемѣны въ его духѣ; оно просто вѣшняя церемонія. Все, что шаманъ чувствуетъ, говорить, дѣлаетъ, чему онъ вѣрить, есть и остается следствіемъ расположенія его собственного духа, и никакъ не можетъ быть хладнокровнѣй, обдуманнымъ обманомъ, или притворствомъ. Всякий, кто видѣлъ и наблюдалъ истиннаго шамана, въ высшей степени восторга, согласится со мною, что шаманъ, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту, не можетъ и не想要 обманывать, и что такое состояніе про-

исходить отъ невольного, неопредолимаго юміння чрезмърно напряженаго и разстроеннаго воображенія. Истинный шаманъ есть, безъ сомнѣнія, замѣчательное психологическое явленіе. Плакса и гаданія шамановъ дѣлали на меня всегда продолжительное, мрачное впечатлѣніе. Дикий взоръ, налитыя кровью глаза, сиплый голосъ, съ трудомъ вырывающееся изъ стѣсненной груди дыханіе, неестественный, судорожныя корчи лица и всего тѣла, стоящіе дыбомъ волосы, глухой звукъ бубновъ, придаютъ картинѣ нѣчто ужасное, таинственное, поражающее всякаго, даже и образованнаго человека. Мудрено ли, что необразованнія дикия дѣти природы видятъ въ томъ мрачное дѣйствіе злого духа?

Но пора возвратиться къ ярмаркѣ и Чукчамъ. Ихъ палатки, какъ мы сказали, были расположены нѣсколькоими отдаленными группами, и представляли, хотя не привлекательное, но довольно живописное зрѣлище. Въ срединѣ каждого отдаленія, обыкновенно изъ десяти, или двадцати палатокъ состоящаго, стойть, прислоняясь къ дереву, большой высокій шатерь старшины; вокругъ помѣщаются дорожныя сани и привязываются избранные домашніе олени; остальные большими табунами пасутся на тундрѣ и сами выгребаютъ себѣ пищу изъ-подъ снѣга. На вѣтвяхъ дерева развѣшены въ беспорядкѣ луки, колчаны, одежды, разноцвѣтные мѣха и домашняя посуда. Изъ палатокъ поднимаются столбы искристаго дыма; иногда на снѣгу разложенъ огонь

и на немъ, въ котлагъ, варится оленина. Между палатками снуютъ закутанные въ меховые платья, покрытые инеемъ Чукчи, и не смотря на морозъ въ 34° , спокойно и весело суетятся. Подумаешь по неволѣ, что они во все не знаютъ, что такое стужа!

Палатки сшиваются изъ мягко выдѣланныхъ оленыхъ шкуръ (ровдугъ) и растягиваются на нѣсколькоихъ шестахъ, соединенныхъ верхними концами. Вверху оставляется отверстіе для дыма. Подъ наметомъ помѣщаются: кухня, где привыкается большой желѣзный котелъ, подъ которымъ раскладывается огонь, и собственно-жилая комната, или пологъ. Послѣдній ни что иное, какъ большой мѣшокъ, сшитый изъ двойныхъ, тончайшихъ шкуръ молодыхъ оленей; онъ растягивается на тонкихъ шестахъ, въ видѣ большаго четырехъ-угольнаго ящика, безъ всякаго отверстія для воздуха, или свѣта. Въ пологѣ можно только сидѣть и двигаться на колѣвняхъ. Входящій поднимаетъ одну изъ шкуръ, служащихъ стѣнами полога, но столько, чтобы съ трудомъ можно было проползти на четверенькахъ, а потомъ опускаеть и затыкаеть подъ мѣха, лежащіе на полу. Для освѣщенія и нагреванія полога стоять въ срединѣ довольно большой глиняный сосудъ, въ которомъ день и ночь горить можъ въ китовомъ жиру. Этотъ огонь производить такой жаръ въ пологѣ, что Чукчи сидѣть въ немъ при сильнѣйшихъ морозахъ, совершенно нагie. Иногда подъ одниимъ наметомъ находятся два, или три полога,

изъ которыхъ въ каждомъ живутъ отдельныя семейства, или жены хозяина съ своими дѣтьми.

Леутъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и почетнейшихъ старшинъ, пригласилъ меня къ себѣ, и я радовался случаю узнать внутреннюю семейную жизнь Чукчей, но когда я, по наставленію и примѣру гостепріимнаго хозяина, вполѣ вышеписаннымъ образомъ подъ пологъ, то проклялъ свое любопытство. Можно себѣ представить, какова атмосфера, составленная изъ густаго вонючаго дыма китового жира и испареній шести нагихъ Чукчей! Жена и семнадцати-лѣтняя дочь хозяина приняли меня въ такомъ пышномъ, домашнемъ костюмѣ съ громкимъ смѣхомъ, возбужденнымъ, вѣроятно, мою неловкостью при входѣ въ пологъ. Они указали мнѣ мѣсто, гдѣ сесть, и спокойно продолжали вплетать бисеръ въ свои косматые, намазанные жиромъ волосы. Послѣ я узналъ, что это дѣмалось въ честь моего прихода. Окончивъ свои занятія, хозяйка принесла въ грязной деревянной чашкѣ вареную оленину, безъ соли, * и прибавивъ къ тому порядочную порцію полупротухлаго китового жира, ласково пригласила меня закусить. Дрожь пробуждала по моему тѣлу при видѣ такого блюда, но я долженъ былъ, чтобы не обидить хозяина, проглотить нѣсколько кусковъ оленины. Между тѣмъ, съ невѣроятнымъ проворствомъ, хозяинъ мой руками набивалъ

* Чуки, какъ вообще всѣ кочевые народы, не употребляютъ и не любятъ соли.

себя ротъ масомъ и китовымъ жиромъ, превознося ломанымъ Русскимъ языкомъ необыкновенный даръ своей жены приготовлять китовый жиръ, такъ, что онъ именно получаетъ необходимую приятную степень горечи. По возможности сократилъ я посвѣщеніе, съпша вырваться на чистый воздухъ. Запахъ полога оставался еще нѣсколько дней въ моихъ платьяхъ, несмотря на неоднократное выколачивание и провѣтривание. Леутъ справедливо почитается однимъ изъ образованнѣйшихъ и богатѣйшихъ Чукотскихъ старшинъ, и по его житью можно получить некоторое понятіе о пріятностяхъ домашней жизни остальныхъ Чукчей. Удивительно, какъ при такой неопрятности и зараженномъ воздухѣ жилищъ, народъ сей остается сильнымъ и здоровымъ. Вообще Чукчи высокаго, стройнаго роста; окладомъ лица похожи на нагорныхъ Якутовъ (живущихъ въ окрестностяхъ Якутска), но отличаются языкомъ и одеждой. Произношеніе Чукотского языка чрезвычайно трудно для Европейца, потому, что слова состоятъ почти исключительно изъ горланныхъ и носовыхъ звуковъ. Многіе звуки напоминаютъ гоготь гуся, хорканіе оленя и лай собаки.

Другой старшина, Макомокъ, пригласилъ меня присутствовать на народныхъ играхъ Чукчей, которые производились недалеко отъ крѣпости. Нальду быль очищенъ бѣгъ; почти всѣ посѣтители ярмарки собирались туда толпами. Для победителей назначались бобровый и песцовый шубы и два отличные кѣлька моржовые. По даниному

знаку началась скачка, причемъ равно надобно было удивляться необыкновенной быстротѣ олена и искусству управлять симъ животнымъ и поощрять его. Кромѣ выигранныхъ наградъ, побѣдители заслужили всеобщее одобрение и особенную похвалу своихъ соотечественниковъ, а послѣднее, казалось, было имъ всего дороже.

Послѣ того бѣгали въ запуски—въ своеи родѣ странное, замѣчательное зрелище, потому, что Чукчи остаются при томъ въ своей обыкновенной, тяжелой, нелюбкой одеждѣ, въ которой мы едва могли бы двигаться. Не смотря на то, они бѣжали по глубокому снѣгу такъ быстро и проворно, какъ наши нарядные скороходы въ легкихъ курточкахъ и тонкихъ банимакахъ. Особенно достойна удивленія неутомимость Чукчей; они пробѣжали пятнадцать верстъ. Побѣдители также получили небольшіе подарки и громкое ободреніе зрителей. По окончаніи игръ началось угощеніе, состоявшее изъ вареной оленины, разрѣзанной на мѣлкіе кусочки. Замѣчательны спокойствіе и порядокъ, господствовавшіе въ толпѣ, не только при играхъ, но и при угощении; не было ни толкотни, ни споровъ и каждый вѣль себя тихо и благопристойно.

На другой день большое общество Чукчей, мужчинъ и женщинъ, пришло комъ на квартиру. Я предложилъ имъ чаю и леденцу, но они довольноствовались леденцомъ, а чай имъ, какъ казалось, не нравился. Впрочемъ, не смотря на скучное угощеніе, нѣсколько нитокъ разно-

пятнаго бисера развеселили моихъ гостей, и женщины вызвались плясать. Нельзя сказать, чтобы народная пляска Чукчей заключала въ себѣ много пластики и грации, но въ своеемъ родѣ она необыкновенна. Представьте себѣ пятнадцать и больше, закутанныхъ въ неуклюжія, широкія мѣловыя платья женщины, которыхъ, стоя плясъ въ кучу, медленно передвигаютъ ноги и сильно машутъ руками. Главное достоинство состоять въ мимикѣ, которой я, по незнанію, не замѣтилъ. Вместо музыки, нѣсколько Чукчей пѣли отрывистую, довольно нескладную пѣсню. Въ заключеніе, три отличнейшія танцовщицы вызвались проплясать любимое народное *pas de trois*, отъ которого всѣ присутствовавшіе ихъ соотечественники были въ восхищеніи. Мы, непосвященные въ таинства Чукотскаго вкуса, видѣли только три неповоротливыя фигуры, схватившіяся за руки. Наблюдая лица танцовщицъ, я удостовѣрился однакожь, что они дѣлали, действительно, не человѣческія, нелѣпныя и самыя неестественные гримасы. Общее утомленіе положило конецъ балу. По совету моего толмача предложилъ я тремъ солисткамъ водки и табаку. Все общество было тѣмъ очень довольно, и Чукчи со мною разстались въ наилучшемъ расположеніи духа, неоднократно пригласивъ меня посѣтить ихъ отчину.

На шестой день послѣ нашего прѣѣзда ярмарка окончилась. Чукотскіе старшины пришли еще разъ со мной проститься, и потомъ въ шести карава-

нахъ потянулись въ свое отечество. Тоже сдавали и другіе посѣтители ярмарки. И покидали въѣзда съ Колымскими купцами, Комиссаромъ и священникомъ. Островное опустынило. Сважій снѣгъ изгладилъ следы многочисленныхъ посѣтителей. Тогда-часъ явились станъ голодныхъ лисицъ и песцовъ, и въ короткое время уничтожили все кости и остатки, задавшіеся грудами около жилищъ и становъ.

Марта 16-го выѣзжали мы изъ Островнаго. Обратный путь, по хорошо уваженной дорогѣ, на отдыхнувшихъ и откорыченныхъ собакахъ, шелъ очень быстро, такъ, что 19-го марта благополучно прибыли мы въ Нижне-Колымскъ.

конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Глава I. Историческое обозрение путешествий по Ледо- вому озеру, между Барским морем и Бе- рёзовым проливом, до 1830 года. — Составле- ние карты въ то время. — Назначение отряда къ съ- веро-восточнымъ берегамъ Сибири	1
Глава II. Отъездъ экспедиціи изъ С.-Петербургра. — Прибытие въ Иркутскъ. — Плаваніе по рекѣ Ленѣ, — Городъ Якутскъ	148
Глава III. Путь отъ Якутска до Нижне-Колымска. — Вычные лошади. — Первый ночлегъ Якуты. Якутское селеніе Мире. — Юрты, одежды, об- ряды, пѣсни, пища Якутовъ. — Якутскія дерев- ни. — Черта Якутскаго характера. — Рѣка Ад- данъ, рѣка Тукуланъ. — Ночлегъ въ лесу. — Верхо-Янскій хребеть. — Бродячіе Тунгусы. — Станки Бераластъ и Таболхъ. — Городокъ За- шиверскъ. — Окрестные жители. — Рѣка Алазея. Станокъ Сардахъ. — Средне-Колымскъ. — Зим- нее дорожное платье. — Рѣка Омолопъ. — Тъза на собакахъ. — Прѣздъ въ Нижне-Колымскъ	174
Глава IV. Общія замѣчанія о визовой части Колымы и жителяхъ ея. Рѣка Колыма. — Климатъ. — Жи- тели. — Селенія. — Берега. — Одѣянія. — Образъ жизни. — Голодъ. — Рыбные промыслы. — Бере- женіе рыбы въ прокъ. Охота за оленями. — Пушные звери и ловля ихъ. — Собаки, необ- ходимый рабочій скотъ.	221

Глава V. Нижне-Колымскъ.—Обзаведеніе ваше.—Приу-
готовленіе экспедиція.—Основательное сози-
віе объ открытіяхъ сержанта Андреева.—При-
бытие Англійского путешественника Кокрена.
Вечеринка.—Прибытие штурмана Козынина.—
Повадка на трубахъ.—Несобранные овступле-
ніе отъ первоначального плана.—Извѣстіе о
прибытіи Чукчей съ Малаго Аюя и отъѣздъ
г. Матюшкина въ Остронное. 269

Глава VI. Первое путешествіе на нартахъ по льду въ мо-
ре.—Отъѣздъ изъ Нижне-Колымска.—Сухар-
ный островъ.—Барановъ Камень.—Ровный,
низменный морской берегъ.—Большая Барано-
ва река.—Холодъ.—Шервые слады Чукчей.—
Метеоръ.—Проливъ Собадей.—Песчаный
мысъ.—Шелагский мысъ.—Слава Козынина.
Стадукинский волокъ.—Мысъ Матюшкина.—
Островъ Араутанъ.—Потера съѣзжихъ при-
пасовъ.—Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ. 290

Глава VII. Отѣсть г-же Матюшкиной въ повадкѣ въ из-
течко. Острожное и таможенный ярмаркъ.—За-
имчанія о встреченіяхъ Чучахъ и въ Шама-
нахъ 328

ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стрн.	Строк.	Напечатано:	Читать:
48	3	71° 31'	71° 33'
74	4	отъ 2-й до 7 мили	, на 2 итал. мили
116	9	несколько	несколько
222	11	въ некоторыхъ мѣстахъ примыло тонкіе слои зем- ли къ утесамъ	примыло къ горамъ земляную низмен- ность.
22	Кондакова, имѣющаго всѣ свойства лавы, встрѣчают- ся известковые шары, ко- торые заключаютъ въ се- бѣ миндалеобразные кри- сталы халкедоновые и аметистовые.	Кондакова пахо- дятся въ аспидѣ известковые шары, заключающіе внут- ри кристалы аме- тистовъ и халкедо- новъ, въ видѣ такъ называемыхъ ще- токъ.	
224	49	ручейковъ	протоковъ
226	21	Сентября; тогда....	Сентября и продол- жается до Ноября; тогда.....
22	обыкновенно	не рѣдко	
229	въ вынос. } 2-я снизу } <td>свежихъ съѣстныхъ при- пасовъ</td> <td>врачебныхъ пособій</td>	свежихъ съѣстныхъ при- пасовъ	врачебныхъ пособій

Princeton University Library

32101 064639378

PRINCETON UNIVERSITY LIBRARY

*This book is due on the latest date
stamped below. Please return or renew
by this date.*
